

АРХЕОЛОГИЯ ВЛАДИМИРО- СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНЫЙ И ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК

АРХЕОЛОГИЯ ВЛАДИМИРО- СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО СЕМИНАРА

Выпуск 13

Москва 2023

УДК 902/903

ББК 63.4

A87

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии РАН

Редакционная коллегия:

Н. А. Макаров (ответственный редактор)
С. В. Шполянский (составитель), *И. Е. Зайцева*

Археология Владимиро-Суздальской земли. Материалы научного семинара. Вып. 13 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. – М.: ИА РАН; 2023. – 208 с.

Очередной выпуск сборника составлен на основе материалов 13-го научно-практического семинара «Археология Владимиро-Суздальской земли», прошедшего 1–2 декабря 2022 г. в г. Владимире.

В публикациях представлены результаты новейших археологических работ в историческом центре Северо-Восточной Руси, а также материалы исследований ряда средневековых памятников Новгородской земли и верхнего Поволжья. Освещаются исследования территорий исторических городов, архитектурных памятников, средневековых сельских поселений и погребальных древностей, ряд общих вопросов изучения материальной и духовной культуры населения исторического ядра Владимиро-Суздальской земли.

Archaeology of Vladimir-Suzdal land. The next issue of the edition is based on the materials of the 13th scientific and practical seminar «Archeology of Vladimir-Suzdal land», held on December 1–2, 2022 in Vladimir.

The results of the latest archaeological works in the historical center of North-Eastern Russia, as well as the research materials of a number of medieval sites of Novgorod land and the upper Volga region are presented in the publications. The research of territories of historical cities, architectural monuments, medieval rural settlements and funerary antiquities, a number of the general questions studying of material and spiritual culture of the population of a historical core of Vladimir-Suzdal land covered in the materials of the seminar.

ISSN 2686-6919

ISBN 978-5-94375-412-8

DOI: 10.25681/IARAS.2023.978-5-94375-412-8

- © Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии Российской академии наук, 2023
- © Государственный историко-архитектурный и художественный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, 2023
- © Авторы статей, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ, ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ

Федорина А. Н.

Внутренняя колонизация Ополя в XI–XIII вв.:
средневековое расселение в верховьях рек Каменки и Колочки
по данным разведочных работ 2020–2022 гг. 7

Исланова И. В., Дементьев Е. А., Смирнова С. М.

Древнерусский Фёдоровский грунтовый могильник
(неизвестные материалы) 29

Макаров Н. А., Гайдуков П. Г., Федорина А. Н.

Печать с княжеским знаком из Суздальского Ополя 39

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ

Коваль В. Ю.

О фортификации Суздальского детинца в X–XII вв. 49

Кабаев Д. А.

Северный могильник Суздаля
(по материалам охранных раскопок последних лет) 65

Очеретина С. В., Афонькин И. А.

Обнаружение неизвестного ранее некрополя на территории Нового города
древнего Владимира (археологические работы 2020 г.) 78

Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю.

Городище Городец под Лугой в системе локальных центров
запада Новгородской земли 83

Андрианова Л. С., Фёдоров А. С. Вологда XV–XVI вв. в границах крепости Ивана Грозного	96
---	----

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Тимофеева Т. П. Ограда Рождественского монастыря во Владимире	109
Шполянский С. В., Несмиян О. А., Несмиян В. Г. Находки предметов вооружения и всаднического снаряжения вт. п. XIV – п. п. XVI в. из раскопок Плесской крепости: обзор коллекции	123
Панченко Г. В. Иконка-змеевик из раскопок городища Плес и возможное развитие символики змеевидного образа	150
Щапова К. А. Весовая гиричка «восточного» типа из собрания Государственного Владими́ро-Суздальского музея-заповедника: опыт атрибуции	163
Лапшин А. Г. О производительности древнерусского ручного гончарного круга	168
Турова Е. А. О происхождении, датировке и бытовании некоторых сюжетов в изразцовом декоре Московского царства в контексте находок начала XVI века на территории Александровской Слободы. К постановке вопроса	175
Список сокращений	205
Правила подачи статей в сборник	206

CONTENTS

RURAL SETTLEMENTS AND CULTURAL LANDSCAPES

- Fedorina A. N.**
Internal colonization of Opolye in 11th–13th cc.: medieval settlement
in the riverheads of the Kamenka and Kolochka rivers according
to archeological survey of 2020–2022 7
- Islanova I. V., Demytyev E. A., Smirnova S. M.**
Ancient Rus' Fedovo burial site (unknown materials) 29
- Makarov N. A., Gaydukov P. G., Fedorina A. N.**
Seal with a Prince's Sign from Suzdal Opolye 39

ARCHEOLOGY AND HISTORICAL TOPOGRAPHY OF MEDIEVAL CITIES

- Koval V. Yu.**
On the fortification of the Suzdal citadel in the 10th–12th centuries 49
- Kabaev D. A.**
Northern burial ground of Suzdal
(based on security excavations in recent years) 65
- Ocheretina S. V., Afonkin I. A.**
The discovery of a previously unknown necropolis on the territory
of the New City of ancient Vladimir (archaeological works 2020) 78
- Mikhaylova E. R., Sobolev V. Yu.**
Hillfort Gorodets near Luga in the system of local centers of the west
of Novgorod land 83

Andrianova L. S., Fedorov A. S.	
Vologda in the 15 th –16 th centuries within the borders of Ivan the Terrible fortress	96

MATERIAL AND SPIRITUAL CULTURE

Timofeeva T. P.	
Fence of the monastery of the Virgin Mary in Vladimir	109
Shpolyanskiy S. V., Nesmiyan O. A., Nesmiyan V. G.	
Finds of weapons and equestrian equipment of the second half of the XIV – first half of the XVI centuries from the excavations of the Pless fortress: a review of the collection	123
Panchenko G. V.	
The serpentine icone from the excavations of the Ples settlement and the possible development of the symbolism of the serpentine image	150
Shchapova K. A.	
Weight kettlebell of the “eastern” type from the collection of the State Vladimir-Suzdal Museum-Reserve: attribution experience	163
Lapshin A. G.	
On productivity of medieval Russia hand-powered potter’s wheel	168
Turova E. A.	
On the origin, dating and existence of some plots in the tiled decor of the Moscow kingdom in the context of the finds of the beginning of the XVI century on the territory of the Aleksandrovsкая Sloboda. On the posing the question	175
List of Abbreviations	205
Guidelines for Manuscript Submission	206

СЕЛЬСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ, ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ И КУЛЬТУРНЫЕ ЛАНДШАФТЫ

А. Н. Федорина

ВНУТРЕННЯЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ОПОЛЬЯ В XI–XIII вв.: СРЕДНЕВЕКОВОЕ РАССЕЛЕНИЕ В ВЕРХОВЬЯХ РЕК КАМЕНКИ И КОЛОЧКИ ПО ДАННЫМ РАЗВЕДОЧНЫХ РАБОТ 2020–2022 гг.

Резюме. Изучение расселения в Ополье сейчас, после 20 лет работ Суздальской экспедиции, – это изучение индивидуальной истории и ритма жизни в разных микрорегионах, что позволяет детализировать представления о стратегиях колонизации и хозяйственного освоения малой Суздальской земли, определивших историю региона. Одним из таких участков в 2020–2022 гг. стал водораздел рек Каменки и Колочки, территория, где сходятся границы Суздальского, Владимирского и Юрьевского уделов. На обследованном участке (около 1,7 тыс. га) зафиксировано 13 средневековых памятников; собранная вещевая коллекция насчитывает 408 предметов, керамическая – свыше 2100 фрагментов. Этот материал показывает, что колонизация водораздела русским населением началась достаточно рано – в XI в., достигая максимальной плотности к концу XII – XIII в. Запустение большей части жилых площадок к концу XIII в. – это, вероятно, следствие перенаселенности территории и избыточной хозяйственной нагрузки на ландшафт, накопившихся к этому моменту.

Можно заключить, что в значительной степени картина развития поселенческой сети близка той, что ранее фиксировалась на участках в округах Суздаля, Владимира, Юрьева. Вероятно, фиксируемый в Ополье ранний «взлет на холмы» является более распространенной моделью расселения, чем считалось ранее, и, возможно, и был не только вынужденной стратегией, но и тем сценарием организации поселенческой и хозяйственной сети, с который часть нового населения приходит в регион в эпоху усиления внимания Рюриковичей к залесским землям.

Ключевые слова: средневековое село, Северо-восточная Русь, внутренняя колонизация, системы расселения, водораздельные ландшафты, Суздальское Ополье.

Средневековое расселение в Ополье – основная тема работ Суздальской археологической экспедиции ИА РАН на протяжении последних 20 лет. За эти годы были обследованы различные участки малой Суздальской земли: пригороды Суздаля и Владимира (*Макаров и др.*, 2005; 2013, 2019), в меньшей степени Юрьева-Польского; участки в центре Опольских земель в поречье Нерли Клязьменской

и Рпени. В результате этих работ удалось прояснить многие детали структуры сельского расселения на различных хронологических этапах (подробнее см.: *Макаров, 2007; 2012; Макаров и др., 2013*), показать высокую степень устойчивости системы, сложившейся в первые века русской колонизации региона.

Тем не менее индивидуальная история и ритм жизни отдельных очагов расселения весьма различны. Для прояснения особенностей внутренней колонизации Суздальской земли (устойчивости или подвижности сложившихся структур, стратегии и скорости освоения пространства и т. д.) на периферии и в «глухих углах» Ополя в последние годы были предприняты работы на водоразделе рек Каменки и Колочки.

Выбранный для обследования микрорегион Ополя равноудален от всех трех городских центров региона (около 22 км до Суздаля, 28 км до Владимира, 32 км до Юрьева-Польского). Он находится на границе Суздальского и Владимирского уездов, какими мы их видим на картах Генерального межевания; здесь, у с. Обращиха, сходятся пути, ведущие в Юрьев из Суздаля и Владимира. Обследованные в 2020–2022 гг. земли в позднее средневековье принадлежат как суздальским селам (Цибеево), так и владимирским (Головенцино, Обращиха). В. А. Кучкиным убедительно показано, что эти позднейшие границы совпадают с границами Суздальских и Владимирских земель в предшествующие эпохи (*Кучкин, 1984*).

Пограничное положение микрорегиона проявляется в первую очередь в ландшафте: это одна из высоких точек Ополя – водораздел и истоки р. Каменки (правый приток Нерли Клязьминской) и Колочки (левый приток Колокши). Эти ландшафты характеризуются разветвленными овражными системами (рис. 1).

Отправной точкой в работе стало изучение особенностей системы расселения, отразившейся в поземельных документах XVI–XVIII вв. Эта система в деталях отличается от той, что характерна для ядра Суздальских и Владимирских земель, участков Ополя в пригородах Суздаля, Владимира, в меньшей степени Юрьева-Польского, где основной тип поселений – крупные села (средний размер – 20 дворов (подробнее см.: *Черненко, 2000*)), которые являются частью обширных княжеских, боярских и церковных вотчин.

В верховьях Каменки и Колочки в раннее новое время письменные источники фиксируют преимущественно деревни и небольшие села. Многие земли участвуют в поместной раздаче, например, в XVII в. Головенцино находится в «поместиях разных помещиков» (*Добронравов, Березин, 1893. С. 149–150*). В совместном владении «разных помещиков» также находятся Челагино, Губачево, Рожново, Илларионово, располагающиеся в 2 км от изучаемого микрорегиона (*Березин, 1896. С. 150–160*). Редкие исключения составляют вотчина Шереметевых – с. Цибеево и владения Спасо-Ефимьева монастыря: Обращиха (Деревенька Образцово, вклад князя Федора Ивановича Хабарова) и Новое (ныне Новокаменное, вклад князя Петра Даниловича). И если Обращиха вполне близка по своим размерам к крупным селам поречья Нерли (27 дворов), то Цибеево – относительно малое село: 9 дворов по писцовой книге 1628–1630 гг. (*Черненко, 2000*).

Одним из вероятных объяснений такой нетипичной для Ополя картины может быть относительно позднее сложение той системы расселения, которую фиксирует актовый материал. Первые упоминания сел относятся к концу XVI в.:

Внутренняя колонизация Ополья в XI–XIII вв.: средневековое расселение в верховьях рек Каменки и Колочки по данным разведочных работ 2020–2022 гг.

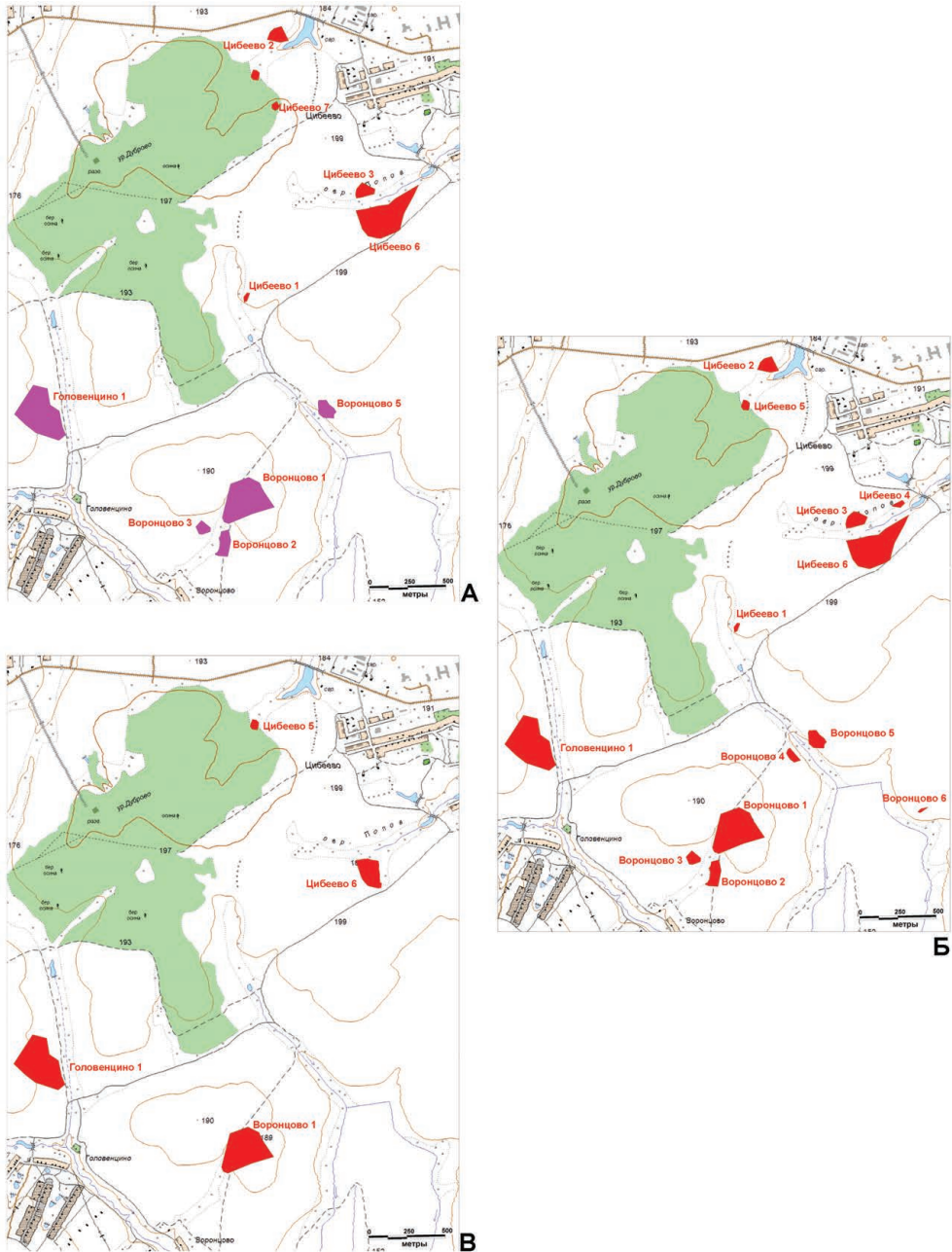

Рис. 1. Археологические памятники, выявленные в верховьях Колочки и Каменки в 2020–2022 гг. А – памятники с культурным слоем XI–XII вв.: розовым показаны памятники с находками лепной и раннекруговой керамики, красным – только с раннекруговой керамикой; Б – памятники с культурным слоем XII–XIII вв.; В – памятники с культурным слоем второй половины XIII – XV в.

Цибеево (1596¹), Обращиха (с. Деревенька, Образцово/Обращиха, 1576 гг.²); с. Головенцино с тянущей к нему д. Воронцово не встречается в источниках ранее середины XVII в. (1656). Только с. Новое, ныне Новокаменское, упоминается в монастырской описи как пожертвование князя Петра Даниловича при архимандрите Евфимии (XIV в.). Возможно, относительной молодостью сложившейся структуры расселения и ее разреженностью объясняется подробное и последовательное перечисление одной-двух конкретных деревень, тянуших к основному поселению, вместо привычных для Суздальского Ополя обобщенных формул «истари потягло».

Краткий обзор данных письменных источников демонстрирует, что поселенческая структура, существующая здесь в эпоху Московского царства и позднее, отличается высокой подвижностью и вариативностью, что, вероятно, связано с двойственным положением региона: одновременно в глубине территории Ополя и на пограничье трех уделов.

Насколько это своеобразие проявляется в более ранние периоды, в начале средневековой колонизации региона? Отражаются ли здесь наиболее яркие тренды в организации системы расселения, которые были выявлены и надежно зафиксированы в ходе предшествующих работ на соседних участках Ополя?

Разведочные работы вокруг с. Цибеево-Воронцово не завершены, пока не обследованы территории исторических сел и деревень, но собранного материала достаточно для предварительных наблюдений. На относительно небольшом участке (около 1,7 тыс. га (4,5 × 4,5 км)) зафиксировано 13 средневековых памятников; собранная вещевая коллекция насчитывает 408 предметов, керамическая – свыше 2100 фрагментов керамики.

В бассейне *р. Каменки* в ходе разведок зафиксировано 5 селищ (Цибеево 2–6) и курганный могильник Цибеево 7. Работы проводились на участках к западу и югу от села в верховьях оврагов Глубокий и Попов (бассейн Каменки, правого притока Нерли Клязьменской).

Здесь можно выделить два гнезда памятников: 1 – селища Цибеево 2, 5 и могильник Цибеево 7, расположенные в верховьях запруженного оврага Глубокий; 2 – комплекс из трех селищ Цибеево 3, Цибеево 4 и Цибеево 6 в верховьях Попова оврага. Большая часть памятников, выявленных в районе села Цибеева, – это селища малой площади (не более 1 га); только одно поселение, Цибеево 6, представляет собой многогектарный комплекс и является центральным в скоплении из трех селитебных площадок.

По материалам сборов в районе с. Цибеево заселение верховьев Каменки начинается в середине XI – начале XII в. В качестве хроноиндикаторов этого периода могут быть использованы ранние типы круговой керамики (типы I–V, VIIA, по В. А. Лапшину: *Лапшин*, 1992), ранние типы черневых и рельефных энколпионов (Цибеево 3 – 2 экземпляра (рис. 4: 3, 4), Цибеево 5 – 1 (рис. 3: 5)), крест

¹ В 1596 г. – во владении Петра Никитича Шереметева (Акты Покровского монастыря, 2019. № 241).

² В 1575/1576 г. князь Федор Иванович Хабаров дал после своего живота Спасо-Евфимьеву монастырю за свой долг вотчину благословение отца село Деревенька Образцово с деревнями Бусково и Буславо в Опольском стане Владимирского уезда (Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря, 1998. № 171, 186, 191, 192, 193).

скандинавского типа и лировидная поясная пряжка (Цибеево 3 (рис. 4: 7, 5)), ширококорая лунница (Цибеево 5 (рис. 3: 6)), калачевидное кресало с язычком (Цибеево 5 (рис. 3: 8)), ножи с узким клиновидным лезвием и толстой спинкой. Эти находки происходят с 4 площадок: Цибеево 2, Цибеево 5; Цибеево 3, Цибеево 6.

Материалы середины XII – XIII в. широко представлены на всех 5 селищах, зафиксированных в верховьях оврагов Глубокий и Попов (рис. 2–6). Керамические материалы XIII–XV вв. единично представлены на селище Цибеево 5, Цибеево 4 и серийно на селище Цибеево 6. Важно, что на последнем они фиксируются только на небольшом участке, отделенном от основной селитебной площадки отвершком оврага. Отсюда происходит и серия предметов, характерных для XIII–XIV вв., в том числе украшения рук (овальнощитковые перстни, фрагмент браслета) и фрагмент замка типа «В», по Б. А. Колчину (рис. 5). Вероятно, в этом ряду можно рассматривать и находку арочной иконки с изображением архангела (см.: Макаров, Федорина, 2023).

В бассейне *р. Колочки* также зафиксирована плотная поселенческая сеть XI–XIII вв. из 8 памятников: селища Головенцино 1, Воронцово 1–2, 3, Воронцово 4–5, Воронцово 6, местонахождение Цибеево 1. Площади памятников различны: 4 памятника – менее 1 га (Воронцово 3, Воронцово 4, Воронцово 6, Цибеево 1), 2 памятника – около 1 га (Воронцово 2 и Воронцово 5), более 6 га – Головенцино 1, Воронцово 1.

По-видимому, освоение верховьев Колочки начинается несколько раньше: на 4 памятниках этой группы зафиксированы находки лепной керамики, по своему облику близкой керамике таких памятников, как Гнездилово 2, Шекшово 2, Б. Давыдовское 2, Весь 1 и Весь 5 (рис. 13: 1, 2; 14: 1–3). Среди хроноиндикаторов ранней группы отметим находку денария Священной Римской империи, датирующегося XI в. (вендка/заксенпфенниг – определение Е. М. Ушанкова (рис. 7)).

Для понимания времени начальной колонизации региона важно, что среди лепной керамики, собранной на селищах в верховьях Колочки, не удастся выделить каких-либо форм, характерных для финского культурного круга I тыс. н. э. В вещевой коллекции к I тыс. н. э. может быть отнесен только один предмет, найденный на селище Воронцово 1, – звено цепи (рис. 10: 1) Вероятно, активное освоение этого микро-региона начинается вместе с древнерусской колонизацией.

Максимальной плотности структура расселения в верховьях Колочки достигает в середине XII – XIII в. В раннемосковское время продолжают функционировать только два поселения микро-региона: Головенцино 1 и Воронцово 1–2 (рис. 1: В). На этих памятниках, как и в Цибеево 6, предметы и керамика – хроноиндикаторы этого периода – собраны в меньшем количестве (рис. 8–11).

Новый всплеск хозяйственной активности на водоразделе Каменки и Колочки маркируется единичными находками керамики, характерной для XVI–XVII вв., на многих участках, обследованных в ходе разведок. Эти материалы не образуют каких-либо скоплений, которые возможно было бы интерпретировать в качестве остатков временных (сезонных) поселений. Скорее перед нами следы усиления сельскохозяйственной активности в микро-регионе в эпоху, когда села и деревни, расположенные в верховьях обследованных рек, появляются на страницах письменных источников.

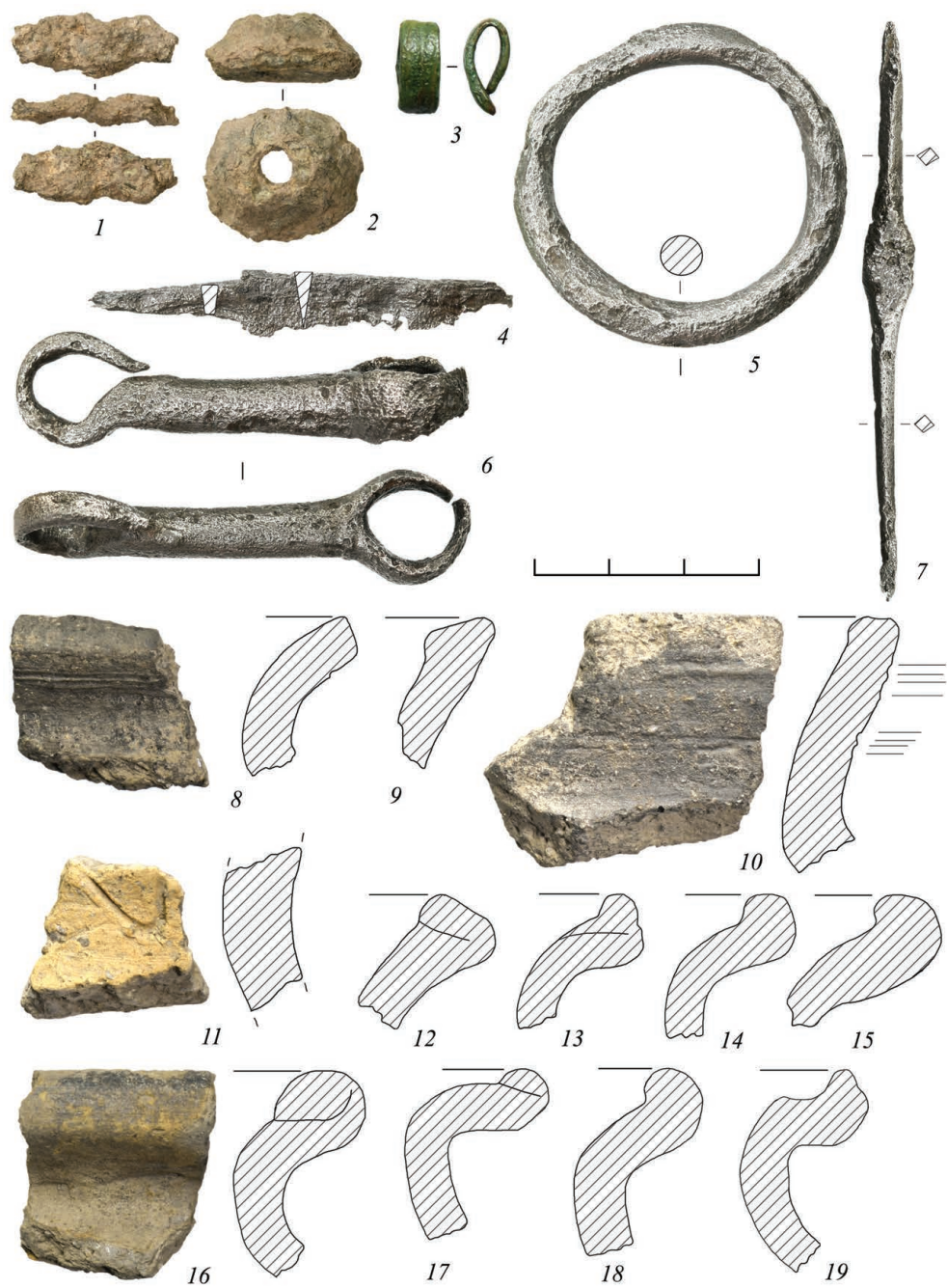

Рис 2. Вещи и керамика из сборов на селище Цибеево 2. 1, 2 – свинец; 3 – бронза; 4–7 – железо; 8–19 – керамика

Рис 3. Предметы из сборов на селище Цибеево 5. 1 – цветной металл и железо; 2–4, 8–14 – железо; 5, 6 – цветной металл; 7 – камень

Рис. 4. Вещи и керамика из сборов на селищах Цибеево 3 (1-33) и Цибеево 4 (34-36).
1, 11, 12 – железо; 2 – стекло; 3-10 – цветной металл; 13-36 – керамика

Рис. 5. Предметы из сборов на селище Цибеево б. 1–14 – цветной металл; 15–19 – железо

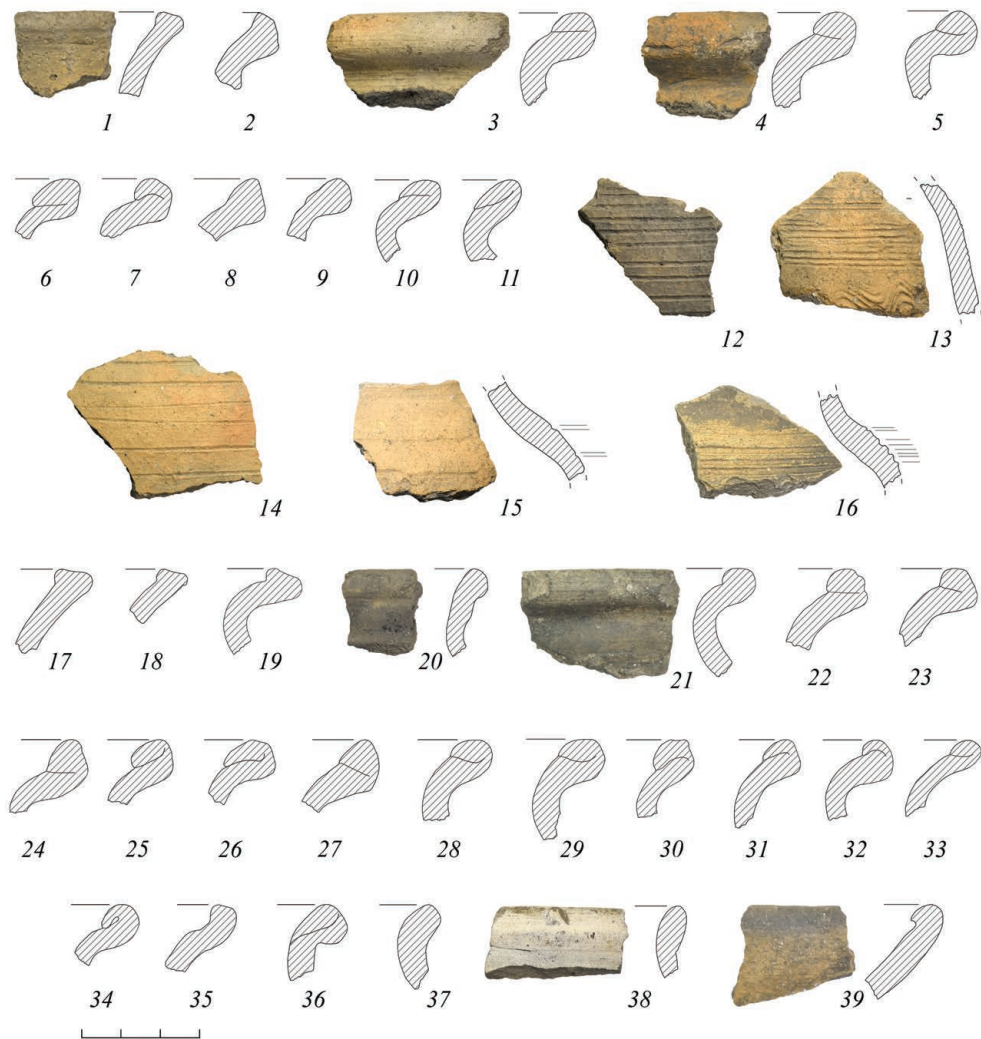

Рис. 6. Керамика из сборов на селище Цибеево 6

Рис. 7. Вендка/заксенпфенниг. Происходит с площадки селища Цибеево 1

Рис. 8. Предметы из сборов на селище Головенцино 1. 1–15 – цветной металл; 16 – серебро; 17, 18 – камень; 19–21 – стекло

Рис. 9. Предметы из сборов на селище Головенцино 1. 1-4, 6-14 – железо; 5 – железо и бронза; 15 – керамика

Рис. 10. Предметы из сборов на селище Воронцово 1. 1–8, 10–15 – цветной металл; 9 – серебро

Рис. 11. Предметы из сборов на селище Воронцово 1. 1-6 – цветной металл; 7-11 – железо; 12 – свинец; 13 – железо и цветной металл

Подведем некоторые итоги

Освоение водораздельного участка в глубине Суздальской земли в узком смысле начинается достаточно рано: к 1-й половине – середине XI в. относится возникновение поселений в верховьях Колочки (Воронцово 1–2, Головенцино 1, Цибеево 1). Площади поселений в этот момент не более 2 га – таковы размеры участков с лепной керамикой. Выявленные памятники синхронны многим из «больших поселений», являющихся основными структурными единицами в расселении на первом этапе древнерусской колонизации Ополья (Макаров, Федорина, 2015). К концу XI столетия поселенческая сеть стремительно уплотняется, возникают поселения-сателлиты в окрестностях селищ Воронцово 1–2, осваиваются овраги в верховьях Каменки: хроноиндикаторы XI – 1-й половины XII в. фиксируются на большинстве выявленных поселений (рис 1: А; 15). Наиболее крупные узлы продолжают успешно развиваться: площади Головенцино 1, Воронцово 1 составляют 6,81 и 7,3 га соответственно. Появляются новые крупные населенные пункты – Цибеево 6 (площадь 6,36 га).

Напомним, что на территории непосредственной округи г. Суздаля ранее была зафиксирована достаточно плотная система поселений на водоразделах (см.: Шполянский, 2008), возникновение которой относится по меньшей мере к середине XII в. Столь ранний «взлет на холмы» долгое время казался специфической ситуацией ближней округи Суздаля, связанной с быстрым достижением предельной численности населения вокруг административного центра региона. Складывалось ощущение вынужденности этого шага – перехода от освоения речных долин к освоению водоразделов. Материалы работ 2020–2022 гг. показывают, что это лишь одна из возможных интерпретаций. Здесь уже на ранних этапах освоения водораздела складывается разноуровневая поселенческая система – в ней есть как крупные узловы пункты, так и их сателлиты, расположенные как в непосредственной близости, так и на некотором удалении от узловых памятников; они разных размеров и, вероятно, продолжительности жизни. Схожая картина зафиксирована несколько ниже по течению р. Каменки на оврагах в районе с. Вышеславское (Макаров и др., 2019).

В первую очередь речь идет об интенсивной колонизации 2-й половины XI – XII в., эпохи Владимира Мономаха и Юрия Долгорукого, времени взрывного роста численности населения в Ополье, активного окняжения территории, собственно формирования Суздальской земли в узком смысле. Сам ранний «взлет на холмы» оказывается более распространенной моделью расселения, чем считалось ранее, и, возможно, является не только вынужденной стратегией, но и тем сценарием организации поселенческой и хозяйственной сети, с которой часть нового населения приходит в регион вместе с увеличением внимания Рюриковичей к залесским землям.

Как и на других участках Ополья, максимальной плотности структура расселения достигает в середине XII – XIII в.: в это время функционируют все выявленные в ходе археологических разведок поселения: многие пункты достигают своих максимальных границ, отмечается высокая концентрация керамики и находок в слое (рис. 1: Б). Расстояния между отдельными освоенными площадками и их скоплениями не превышает 1,5 км; зачастую поселения находятся в прямой видимости. Как и на других участках Ополья, перед нами полифункциональные поселения с развитым хозяйством

и системой связей. Материальная культура в этот период демонстрирует разнообразие занятий сельского населения (зафиксированы следы железодельного производства на ряде селищ (Головенцино 1, Воронцово 2, Цибеево 3, 6), маркеры ювелирного производства (Воронцово 3, Головенцино 1).

Среди насельников было не только аграрное население – разнообразие социально-экономического статуса отразилось в серии вещей, связанных с образом жизни элиты различного статуса (подробнее о принципах ее выделения см.: *Makarov*, 2013). Маркеры «социальной элиты» на обследованных селищах: деталь стремени, декорированного бронзовой плакировкой, и свинцовая пломба (Головенцино 1, рис. 9: 5), свинцовая подвесная печать епископа Новгородского Илии (Иоанна) 1163–1164 гг. (определение П. Г. Гайдукова) и книжная застежка (Воронцово 1 (рис. 10: 2; 11: 4)); массивный билоновый объемный крест, восходящий к плоским крестам скандинавского типа, и бронебойный наконечник стрелы (Воронцово 3 (рис. 12: 13)); колчанная петля (Цибеево 3 (рис. 4: 1)); колчаный крюк с головками драконов (Воронцово 2 (рис. 13: 3)); крупные многолепестковые пуговицы (Головенцино 1, Воронцово 1 (рис. 8: 2; 10: 13)) и накладка с эмалевым декором (Цибеево 6 (рис. 5: 3)). Отметим 4 энколпиона, происходящие с селищ Цибеево 3, Цибеево 5 и Воронцово 1 (рис. 3: 5; 4: 3, 4; 10: 12). Материальная культура населения, состав вещевых коллекций, общий уровень благосостояния не отличаются от комплексов, хорошо изученных по материалам пригородных сел Ополя.

В последующий – раннемосковский – период наблюдается заметное сокращение интенсивности жизни на водоразделах: большая часть площадок пустеет к концу XIII в.; хроноиндикаторы этого периода – как керамические, так и вещи – серийно представлены только на Воронцово 1, Головенцино 1 и Цибеево 6, но и здесь в меньшей концентрации и на меньших площадях (рис. 1: B). Вероятно, это следствие перенаселенности территории и избыточной хозяйственной нагрузки на ландшафт, накопившихся к XIII в.

Снижение плотности населения на этих периферийных для всех трех удельных княжеств участках Ополя – не единственное, хотя и наиболее вероятное объяснение наблюдаемой картины. Второй, не менее вероятный, вариант – трансформация самой структуры расселения вследствие переориентации социальной и административной структуры на новые властные центры, изменение внутренних связей. Периферийное положение микрорегиона проявилось в непривычно малой для Ополя доле крупных княжеских и церковных вотчин, обилии мелких собственников, в том числе малых поместий, долевого владения селами и деревнями. Возможно, что это привело к трансформации сложившейся сети с перемещением части населения на территорию тех сел и деревень, которые впоследствии упоминаются в актовых документах и существуют до настоящего времени. Примечательно, что количество находок XVI–XVII вв. снова возрастает, что соотносится с эпохой относительно частого упоминания поселений микрорегиона в актовом материале.

По-видимому, здесь в исторической перспективе, как и в других частях Ополя, более успешной оказывается модель расселения с опорой на крупные многодворные села, а не относительно компактные поселения, приближенные к угодьям.

Рис. 12. Предметы из сборов на селищах Воронцово 2 (19) и Воронцово 3 (10–17). 1–4, 6, 11–13 – цветной металл; 5, 10 – камень; 7–9, 15–17 – железо; 14 – керамика

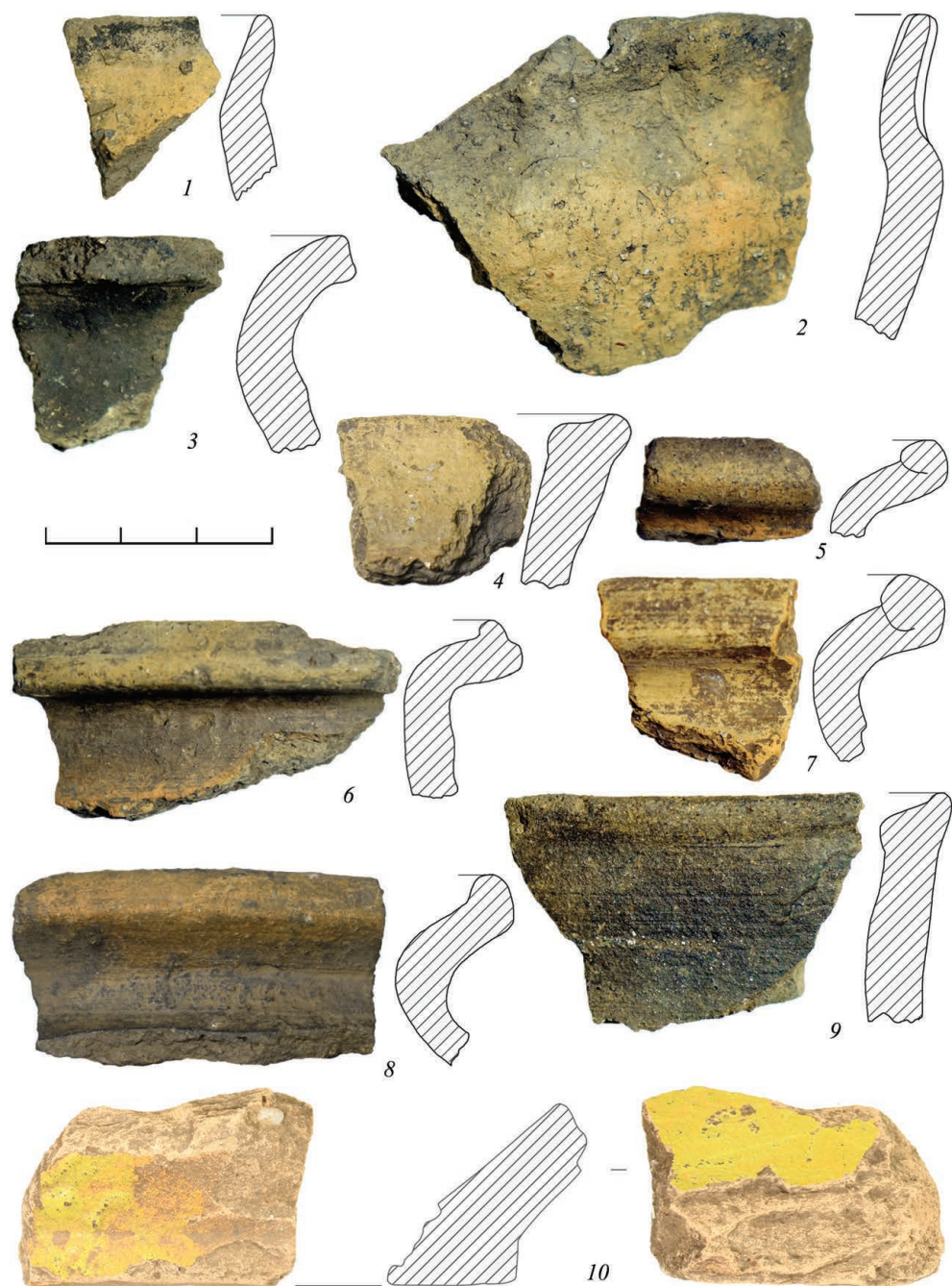

Рис. 13. Керамика из сборов на селище Воронцово 2

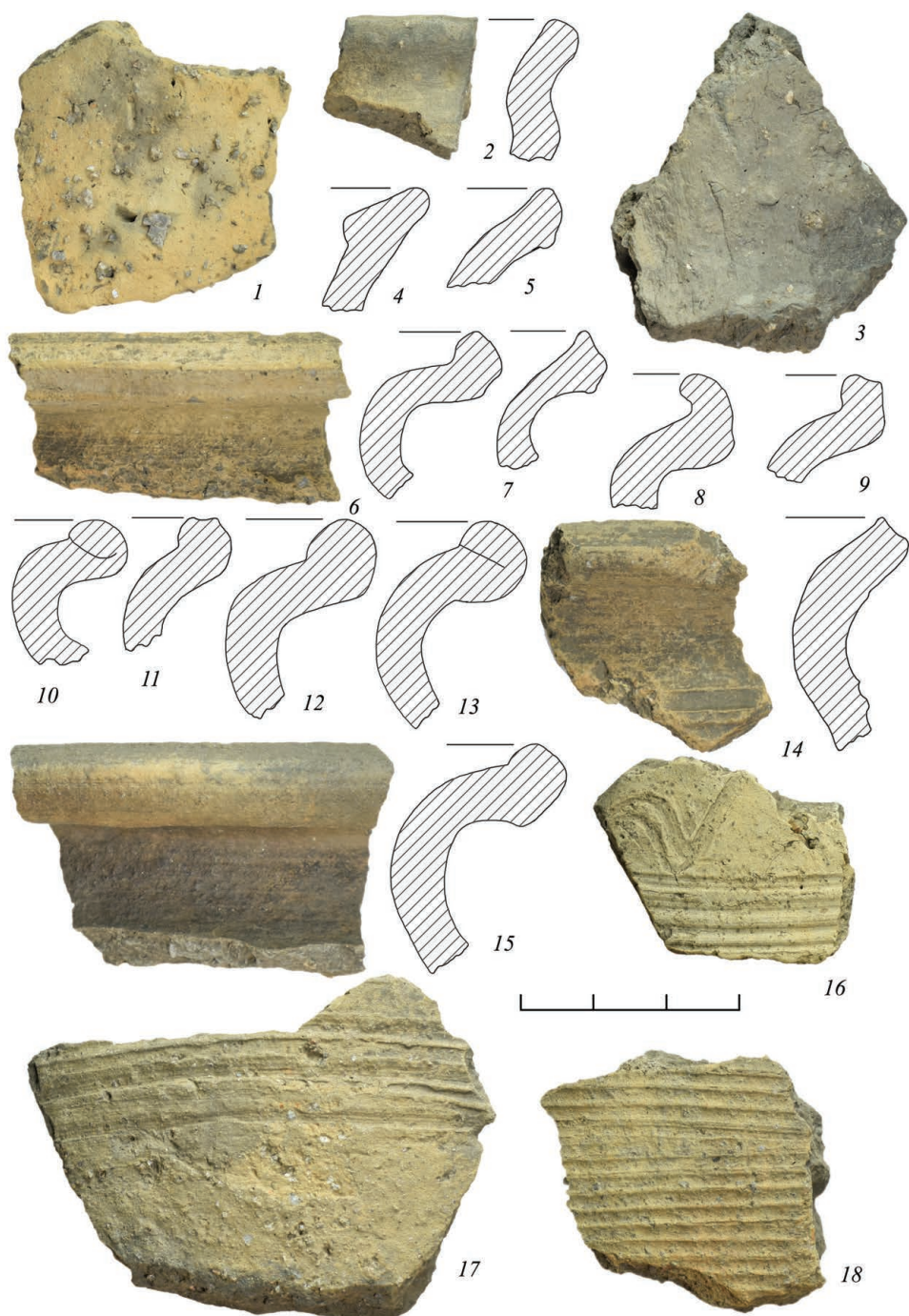

Рис. 14. Керамика из сборов на селище Воронцово 3

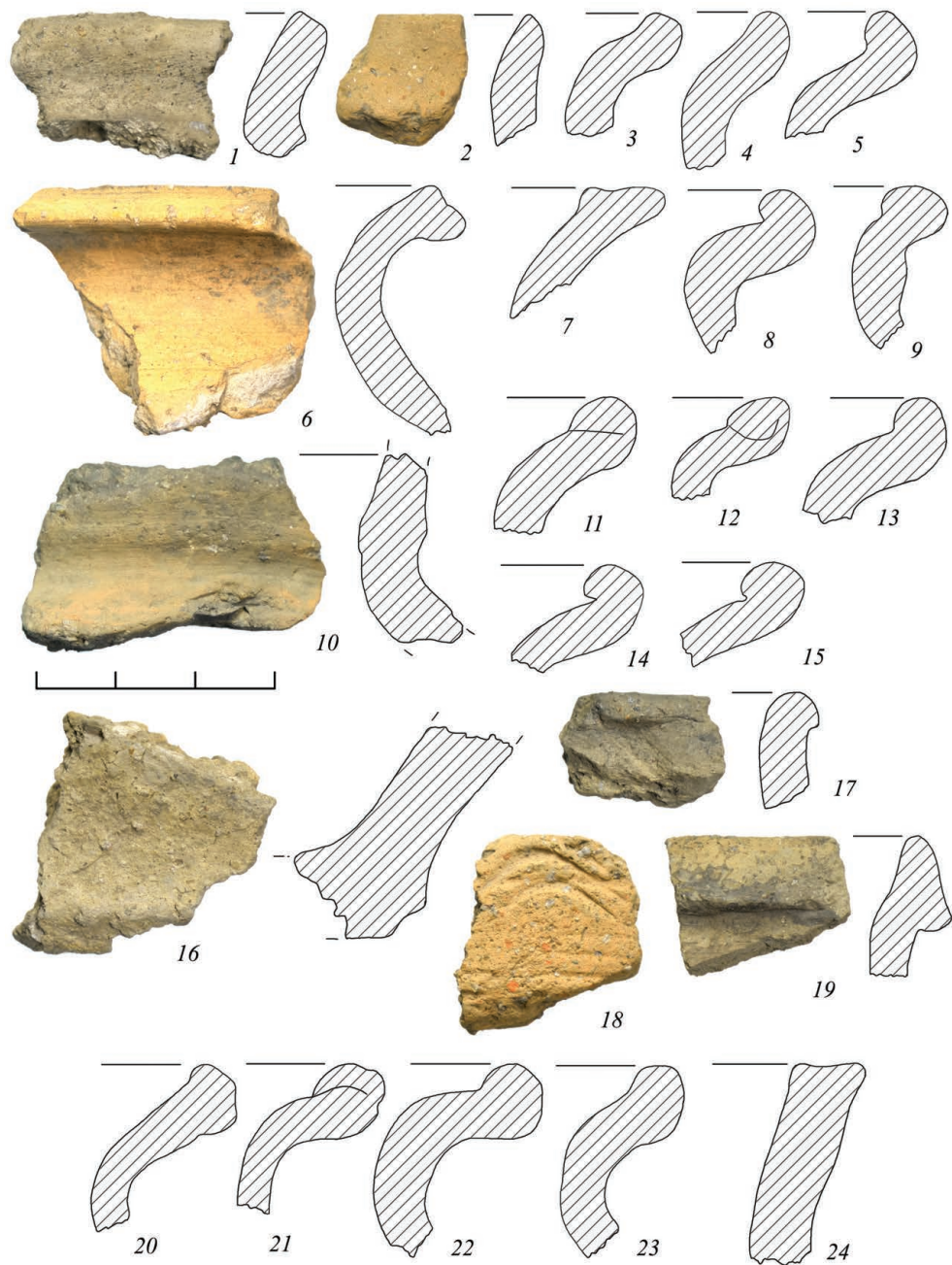

Рис. 15. Керамика из сборов на селищах Воронцово 4 (1-15) и Воронцово 5 (16-24)

Литература

- Акты Покровского суздальского девичьего монастыря XVI – начала XVII века / Сост.: А. В. Антонов, А. В. Маштафаров. М.: Фонд «Связь Эпох», 2019. 464 с. (Акты Российского государства. Государственные и корпоративные архивы России XIII–XVII веков; т. III).
- Акты Суздальского Спасо-Евфимьева монастыря, 1506–1608 гг. / Сост. С. Н. Кистерев и др. М.: Памятники исторической мысли, 1998. 638 с.
- Березин В.*, 1896. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 3. М. 526 с.
- Добронравов В. Г., Березин В. М.*, 1893. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 1. Владимир.
- Кучкин В. А.*, 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.
- Лапшин В. А.*, 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М.
- Макаров Н. А.*, 2007. Начальный период средневековой колонизации Суздальского Опожья по материалам новейших исследований // АВСЗ. Вып. 1. М.: ИА РАН.
- Макаров Н. А.*, 2012. Средневековые селища вблизи сел Тарбаево и Туртино в Суздальском Опожье // АВСЗ. Вып. 4. М.; СПб. С. 65–85.
- Макаров Н. А., Федорина А. Н.*, 2015. Феномен «больших поселений» Северо-Восточной Руси X–XI вв. // КСИА. Вып. 238. С. 115–131.
- Макаров Н. А., Федорина А. Н.*, 2023. Суздальские архангелы // Московская Русь: археология, история, архитектура. К 75-летию Леонида Андреевича Беляева / Отв. ред. И. И. Елкина; сост. О. Н. Глазунова, Д. Г. Давиденко. М.: ИА РАН, С. 26–37.
- Макаров Н. А., Леонтьев А. Е., Шполянский С. В.*, 2005. Сельское расселение в центральной части Суздальской земли в конце I – первой половине II тыс. н. э.: новые материалы // Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга / Отв. ред.: Н. А. Макаров, А. В. Чернецов. М. С. 196–215.
- Макаров Н. А., Федорина А. Н., Шполянский С. В.*, 2013. Земля и город: средневековые селища в округе Владимира-на-Клязьме // РА. № 4. С. 58–74.
- Макаров Н. А., Шполянский С. В., Федорина А. Н., Узулова Н. Д.*, 2019. К изучению ближайшей округи средневекового Суздаля: исследования в верхнем течении р. Каменки в 2018–2019 гг. // АВСЗ. Вып. 9. М. С. 7–29.
- Черненко Д. А.*, 2000. Села Суздальского уезда по писцовой книге 1628–1630 гг. [Электронный ресурс] // Открытый текст. Электронное периодическое издание. URL: <http://opentextnn.ru/history/histgeography/index.html?id=3118> (дата обращения: 01.06.2023).
- Шполянский С. В.*, 2008. Заселение водоразделов в Суздальском Опожье (по материалам исследований последних лет) // Сельская Русь в IX–XIV вв. М. С. 157–170.
- Makarov N. A.*, 2013. Social elite at rural sites of Suzdal region in North-Eastern Rus' // Rurality IX. Hierarchies in rural settlements / Ed. J. Klápště. Praha: Brepols. P. 371–386.

Сведения об авторе

Федорина Анастасия Николаевна, Институт археологии РАН;
e-mail: nasfed@yandex.ru

A. N. Fedorina

**INTERNAL COLONIZATION OF OPOLYE IN 11th–13th cc.:
MIEVEAL SETTLEMENT IN THE RIVERHEADS
OF THE KAMENKA AND KOLOCHKA RIVERS ACCORDING
TO ARCHEOLOGICAL SURVEY OF 2020–2022**

Summary. Suzdal expedition has been exploring Opolye and its system of settlement for 20 years; now it is mostly the research of individual history and life of different micro-regions. Thus, it is possible to detail the notions of colonization strategies and economic development of Suzdal lands, that is, the factors that shaped the history of the region. The article is dedicated to one of microregions – a watershed of the Kamenka and Kolochka rivers, where the borders of Suzdal, Vladimir and Yuriev provinces met. The explored sector of about 1.7 thousand hectares includes 13 medieval sites; it has produced a vast collection of 408 items and more than 2100 fragments of ceramics. It shows that the colonization of the watershed by Russian population began quite early – in the 11th century, and reached its climax in the end of the 12th century – 13th century. Most of the inhabited areas declined towards the end of the 13th century. It must be due to accumulated excessive agricultural stress on the landscape.

To a certain extent, the development of the settlement network resembles the one in sectors of Suzdal, Vladimir and Yuriev provinces. The early ‘ascent of hills’ in Opolye seems to be more common as a settlement model than it has been believed to be. It may be not only a forced strategy but also the organization of settlement and agricultural network brought to the region by the part of its new population, simultaneously with the growing attention of the Ryurokovichi to the territories of Zalesye.

Keywords: medieval village, Northeastern Rus’, internal colonization, systems of settlement, watershed landscapes, Suzdal Opolye.

И. В. Исланова, Е. А. Дементьев, С. М. Смирнова

ДРЕВНЕРУССКИЙ ФЁДОВСКИЙ ГРУНТОВЫЙ МОГИЛЬНИК (НЕИЗВЕСТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ)¹

Резюме. Фёдовский могильник хорошо известен в литературе. В начале 80-х гг. XX в. В. Я. Конечким была исправлена возникшая неточность в ориентировке погребений этого некрополя. В настоящее время следует исправить еще одно ошибочное мнение. Имеющиеся источники позволяют уверенно говорить о том, что А. А. Ширинский-Шихматов вел раскопки могильника не только в 1903 г., но и в 1905 г. В 1980 г. проводились небольшие рекогносцировочные работы, которые показали перспективность дальнейшего изучения остатков этого памятника.

Ключевые слова: древнерусский грунтовый могильник, Новгородская земля, бассейн Верхней Мсты.

Фёдовский могильник располагался у подножия т. н. Путятинской сопки («Большого кургана») и частично на насыпях двух фланговых курганов, находящихся к западу и к востоку от этой сопки (рис. 1; 2). Севернее сохранились остатки еще одной полуразрушенной насыпи, называемой Малой сопкой. В 200 м к юго-западу находится селище Фёдово 2, датированное по найденной керамике X–XIII вв. (АКР, 2010. С. 121, 122).

Погребальный комплекс лежит в 800 м к северу от д. Фёдово, у края заболоченной поймы коренного правого берега р. Боровёнки, относящейся к бассейну Верхней Мсты. До 2022 г. это был единственный обнаруженный грунтовый могильник в восточной области Новгородской земли. В археологической литературе он достаточно хорошо известен. Погребальный обряд и инвентарь Фёдовского могильника сразу заинтересовал А. А. Спицына (*Спицын*, 1905).

Детальному изучению результатов раскопок и обряду могильника посвящены разделы в диссертационной работе и серия статей В. Я. Конечкого (*Конечкий*, 1981; 1982; 1984а; 1994). К материалам Фёдовского могильника обращались и обращаются многие исследователи при решении вопросов, связанных с этнокультурной принадлежностью древнерусских захоронений, соотношения грунтовых могильников

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы НИР ИА РАН № НИОКТР 122011200267-0.

Рис. 1. Вид с юга на Путятинскую сопку и южный и восточный участки бывшего здесь могильника

и жальников (см., например, *Никольская*, 1949; *Седов*, 1961; *Лебедев*, *Рябинин*, 1978; *Исланова*, 1989). Однако все исследователи обращались и обращаются только к материалам раскопок 1903 г.

Полевые работы 1903 г.

Раскопки Фёдоровского могильника проводились князем А. А. Ширинским-Шихматовым – почетным членом Тверской ученой архивной комиссии (далее – ТУАК). Усадьба князя Островки находилась в 8 км от могильника; он был хорошо знаком с окрестностями и имел сведения о находках вещей и человеческих костей вблизи сопки, вершину которой в 80-е гг. XIX в. пытался копать князь П. А. Путятин (*Ширинский-Шихматов*, 1906. С. 53).

Основная публикация материалов раскопок, на которую ссылаются археологи, вышла в 1906 г. в Трудах второго областного Тверского археологического съезда. (*Ширинский-Шихматов*, 1906). Здесь помимо общего описания погребальных древностей опубликован Дневник с описанием 84 вскрытых грунтовых могил с перечислением инвентаря².

Машинописные копии отчета и дневника хранятся в научном архиве ИИМК, а в фотоотделе этого архива – фотографии вещевого инвентаря раскопок 1903 г. (Отчет о раскопках..., 1903. Л. 39–46 об.; НА ИИМК РАН. Фотоотдел. III 8988–8997).

² Следует отметить наличие противоречивых сведений о количестве вскрытых могил в 1903 г. Дело в том, что в тексте опубликованного отчета указано: «всех могил обнаружено 85 штук», однако далее в дневнике раскопок приводятся сведения о 84 могилах (*Ширинский-Шихматов*, 1906. С. 55, 62).

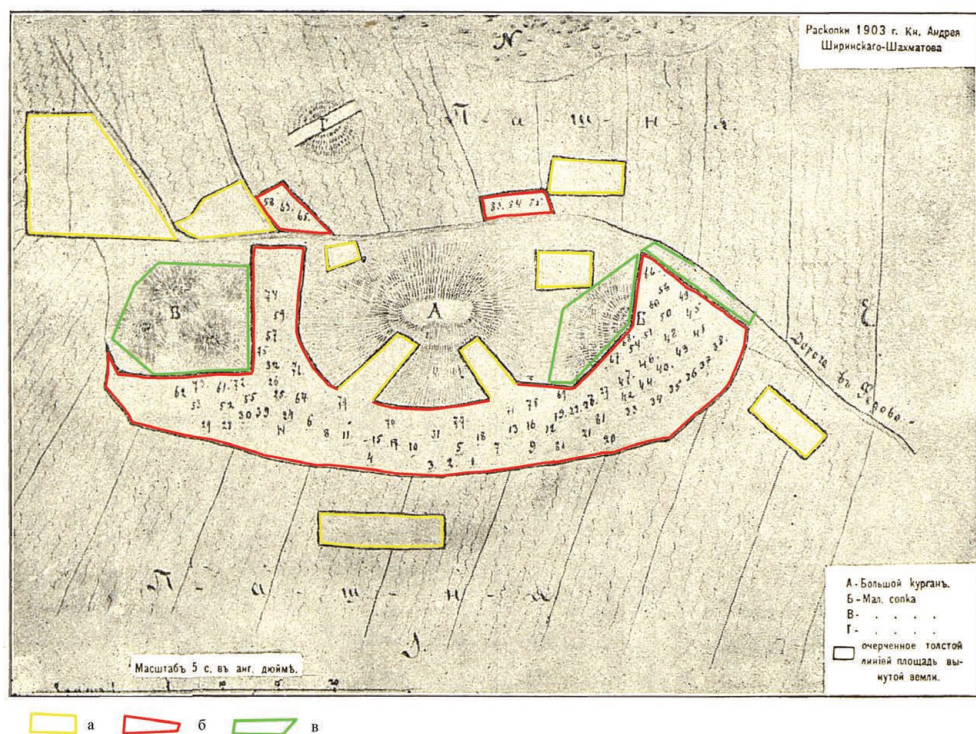

Рис. 2. План Фёдовского погребального комплекса: сопки, курганы, грунтовый могильник с раскопами и с нумерацией вскрытых в 1903 г. могил (по: *Ширинский-Шихматов*, 1906. Рис. к стр. 56) и предполагаемыми местами раскопок 1905 г. А – Путятинская сопка; Б – восточный фланговый курган; В – западный фланговый курган; Г – малая сопка. а – раскопы без погребений; б – раскопы с погребениями; в – участки, предположительно раскопанные в 1905 г.

Коллекции вещей, керамики и антропологический материал, хранившиеся в Тверском музее, погибли во время Великой Отечественной войны.

Раскопки 1903 г. были приурочены к Тверскому областному съезду. Открытый лист А. А. Ширинский-Шихматов получил по запросу Тверской ученой архивной комиссии, о чем сообщается в Отчетах Императорской Археологической комиссии (Отчет ИАК..., 1906. С. 180). Съезд проходил с 10 по 20 августа 1903 г. 18 августа 27 участников съезда приехали в Вышневолоцкий уезд и не только посетили раскопки могильника, но и участвовали в них. К этому времени князем было уже вскрыто 30 могил. Раскоп («канавка») был заложен немного к югу от Путятинской сопки – там, где, по сведениям крестьян, ранее находили вещи. В дальнейшем раскоп был расширен на южные части фланговых курганов (рис. 2). Несколько раскопов было заложено севернее сопки, в том числе на полях крестьян, которые разрешили копать «за незначительные вознаграждения». Но там были обнаружены единичные захоронения. Две траншеи также были заложены на юго-западном и юго-восточном склонах

Путятинской сопки, но погребений не было встречено (*Ширинский-Шихматов*, 1906. С. 54–55).

9 октября 1903 г. на заседании ТУАК А. А. Ширинский-Шихматов докладывает о результатах работ. Этот доклад был опубликован в 1904 г. в Журнале ТУАК (Журнал 92-го заседания..., 1904. С. 14–19). Через два года почти идентичная публикация вышла в Трудах второго Тверского областного археологического съезда. В последнем случае были приведены также две иллюстрации, выполненные держателем Открытого листа: рисунок местности и чертеж комплекса памятников, мест раскопок с номерами исследованных погребений (*Ширинский-Шихматов*, 1906).

А. А. Спицын и коллекция раскопок 1903 г.

В январе 1904 г. отчет о раскопках, план могильника, рисунок местности и коллекция найденных вещей были присланы в Санкт-Петербург в Императорскую Археологическую комиссию. В сопроводительном письме ТУАК была просьба: все это вернуть в Тверь (Отчет о раскопках..., 1903. Л. 39). Поступившие материалы были направлены А. А. Спицыну. В феврале 1904 г. текст и рисунки были возвращены, а погребальный инвентарь, как было сказано в письме, был задержан на время устраиваемой «ежегодной Выставки» (Отчет о раскопках..., 1903. Л. 40, 40 об.).

Видимо, перед экспонированием на Выставке предметы 1903 г. прошли определенную камеральную обработку: вещи «нашиты на таблицы», была произведена прекрасная по тому времени фотофиксация (НА ИИМК РАН. Фотоотдел. III 8988–8997). В результате мы можем судить о погребальном инвентаре могильника по снимкам 11 планшетов – «картонок». Эти вещи тогда изучал и А. А. Спицын, благодаря которому к вещам были прикреплены бирки с номерами могил, что отметил еще В. Я. Конецкий (*Конецкий*, 1981. С. 90).

А. А. Спицыным были опубликованы рисунки некоторых предметов и проанализирован вещевой состав могильника. В статье он завершает повествование о работах в 1903 г. на памятнике словами: «по-видимому, могильник исчерпан» (*Спицын*, 1905. С. 1). Следует отметить, что только материалы раскопок 1903 г. остались известны последующим исследователям, опиравшимся на эту работу А. А. Спицына.

Полевые работы 1905 г.

Существует достаточно свидетельств того, что в 1905 г. раскопки Фёдоровского могильника были продолжены. На заседании ТУАК 27 февраля 1906 г. было сообщено, что А. А. Ширинским-Шихматовым была прислана коллекция из 325 вещей из раскопок могильника в 1905 г. (Журнал сотого заседания..., 1906. С. 3, 42, 43). В публикации этого заседания подробно перечислены количество и наименования предметов. Там же сообщено, что участники заседания постановили передать эти вещи в Тверской музей.

Можно с уверенностью сказать, что речь шла не о вещах работ 1903 г, которые вернули в Тверь из Санкт-Петербурга. Это подтверждается записями в рукописной книге поступлений в музей, начиная с 1895 по 1909 г. находящейся в архиве ТГОМ (Научный архив ТГОМ. Книга поступлений... Л. 350 об. – 357 об.). Существует и публикация поступивших предметов из раскопок Фёдоровского могильника (Тверской музей..., 1906. С. 17–21). Судя по нумерации вещей могильника, перечисленных друг

за другом в Книге поступлений, можно с уверенностью полагать, что вещи раскопок и 1903 г., и 1905 г. были приняты одновременно в 1906 г. Разница лишь в том, что для вещей 1903 г. указаны номера захоронений, соответствующих описанию в публикации А. А. Ширинского-Шихматова, однако могилы ошибочно названы курганами, а вещи работ 1905 г. описаны и перечислены суммарно. Отчета о раскопках 1905 г., видимо, не существовало, что не позволило распределить по могилам погребальный инвентарь.

Судя по описанию принятых вещей раскопок 1905 г., набор инвентаря был почти идентичным: проволочные височные кольца, ожерелья из стеклянных и каменных бус, бусинный бисер, бубенчики, железные ножи. Отличие прослеживается в количестве: например, единичны гривны, перстни, фибулы, монеты-подвески, лунницы. Однако только в 1905 г. были найдены роговой гребень и костяная орнаментированная рукоятка ножа. Коллекция не поступала в Императорскую Археологическую комиссию, и А. А. Спицын ее не анализировал. Однако можно предполагать, что позднее он все-таки видел вещи второго года раскопок, так как в рукописи 1921 г. упоминается «широкий костяной гребень» из Фёдоровского могильника³, который происходил из коллекции 1905 г. (НА ТГОМ. Книга поступлений... № 10976).

Еще одно отличие в том, что в музей был сдан антропологический материал только 1903 г. раскопок. Остатки костяков, обнаруженные в 1905 г., не были привезены в Тверь, так как А. А. Ширинский-Шихматов посчитал, что эти кости «не представляют существенных отличий от выкопанных ранее в том же могильнике» (Журнал сотого заседания... С. 43).

При обращении к Отчетам Императорской Археологической комиссии, где есть сведения об Открытых листах, выясняется, что в 1903 г. А. А. Ширинскому-Шихматову был выдан лист на Вышневолоцкий уезд, по которому он потом отчитался (Отчет..., 1906. С. 180). В 1905 г. князь получил Открытый лист на Боровичский и Валдайский уезды Новгородской губернии и Вышневолоцкий уезд Тверской губернии. В отчете Археологической комиссии указано, что в 1905 г. в Новгородской губернии им было раскопано два кургана, оказавшихся пустыми, а в Вышневолоцком уезде раскопки не проводились (Отчет ИАК..., 1908. С. 111, 122). По всей видимости, А. А. Ширинский-Шихматов не предоставил ни отчета, ни сведений о работах на Фёдоровском могильнике.

О предполагаемом количестве вскрытых в 1905 г. могил и возможном их местоположении

Известно, что в 1903 г. при вскрытии 84 могил суммарно было найдено более 500 предметов. Поэтому следует полагать, что 325 предметов, обнаруженных в 1905 г., должны соответствовать меньшему числу захоронений.

Количество исследованных могил в этом сезоне определить можно, но весьма приблизительно, опираясь на число вскрытых могил и на опубликованный состав инвентаря в конкретных погребениях 1903 г. Для относительно корректного вычисления больше всего подходят женские погребения с наиболее распространенным инвентарем – проволочными височными кольцами (без учета их размеров и формы концов).

³ Но и здесь А. А. Спицын сообщает только о 84 раскопанных могилах (Спицын, 2022. С. 74).

В подсчеты включены не только целые височные кольца, но и найденные фрагменты – «куски», «половинки». В таких случаях наличие одного или двух фрагментов было принято за одно кольцо, трех или четырех обломков – за два кольца и т. д. Для коллекции 1903 г. известно, что погребения с височными кольцами находились в 27 могилах, а височных колец с учетом обломков было примерно 136 экз. Таким образом, «в среднем» на одно женское захоронение приходится около 5 височных колец. В 1903 г. было исследовано 84 могилы. Следовательно, погребения с височными кольцами составляют 32 % от всех вскрытых в этот год могил.

Количество погребений 1905 г. с височными кольцами неизвестно. В музей поступило около 65 височных колец: 58 целых и 14 фрагментов – «кусков» (Журнал сотого заседания... С. 43). Если опираться на вычисленное «среднее» число колец для погребений 1903 г., то получается, что найденные в 1905 г. височные кольца могли происходить из 13 женских могил. Если захоронения с височными кольцами в 1903 г. составляли от всех вскрытых 32 %, то можно предполагать, что в 1905 г. на том же могильнике было раскопано 40 или 41 могила. Следовательно, за два года на Фёдовском могильнике могло быть исследовано около 124–125 могил.

Опираясь на план А. А. Ширинского-Шихматова, где отмечена концентрация изученных могил к югу от Путятинской сопки и на фланговых курганах, и учитывая единичность найденных погребений к северу, можно предполагать, что в 1905 г. раскопки велись преимущественно на северных участках восточного и западного фланговых курганов (рис. 2). В настоящее время⁴ насыпи этих курганов представляют аморфные возвышения с неровностями, похожими на задернованные отвалы. При этом нельзя исключать проведение работ 1905 г. и в северной части могильника, уничтоженной теперь карьером.

Работы 1980 г.

В 1980 г. сотрудники Историко-археологической экспедиции Калининского (ныне Тверского) университета – Е. В. Бодунов и А. Д. Максимов – проводили паспортизацию памятников Вышневолоцкого района (Бодунов, 1981). Между Путятинской и Малой сопками они застали глубокий карьер (рис. 3). В стенке карьера археологи обнаружили человеческие кости и затем расчистили нижнюю часть костяка. У северо-западной полы сопки они заложили рекогносцировочный раскоп площадью 8 кв. м. Он был прокопан до 1 м от дневной поверхности. Общая мощность культурных напластований была 0,35–0,6 м. Помимо дерна здесь зафиксирована серия слоев толщиной до 0,2–0,24 м из коричневой, светло-коричневой супеси (с линзами желтого материкового песка) или темно-серой супеси. По мнению исследователей, напластования в раскопе были перемешаны, так как во всех слоях с фрагментами «раннегончарной» керамики XI–XII вв. были обнаружены и обломки «поздней деревенской керамики XVIII–XIX вв.» (НА ИА РАН. Бодунов, 1980). В коллекции из раскопа, хранящейся в фондах ТГОМ, находится только 30 фрагментов древнерусских круговых сосудов, четыре кремнированные косточки, 2 кремня, глиняное грузило и зуб животного.

В коллекции, за исключением двух фрагментов – из беложгущейся глины (рис. 4: 8, 10), присутствуют фрагменты из красножгущейся глины. Шесть фрагментов

⁴ Обследование авторов в 1922 г.

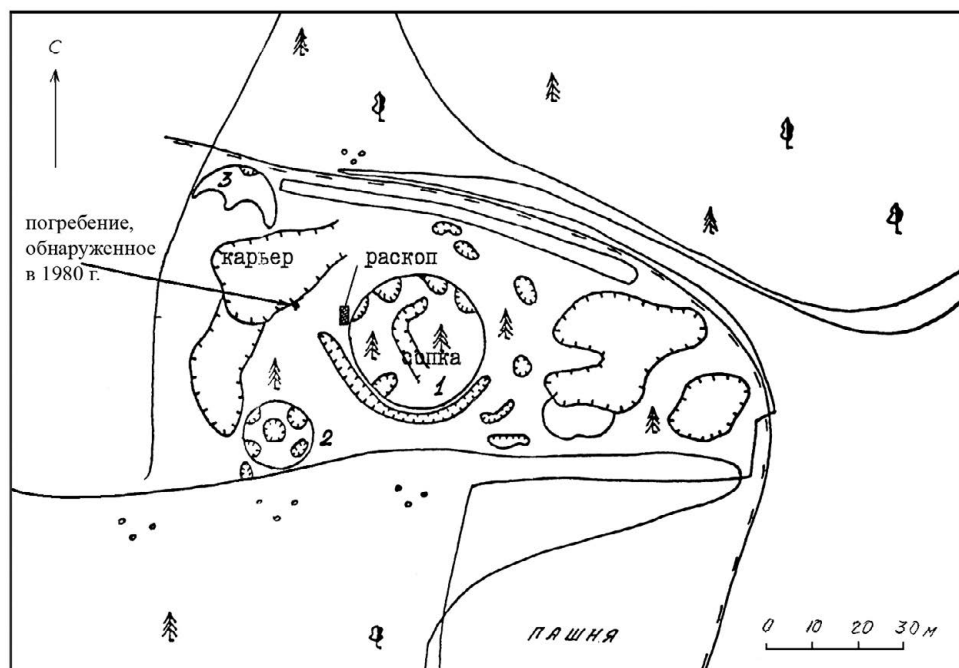

Рис. 3. Глазомерный план 1980 г. местоположения Путятинской супки и остатков курганов и могильника (по: Бодунов, 1980). 1 – Путятинская супка; 2 – западный фланговый курган; 3 – остатки Малой супки

сосудов имеют линейный орнамент (рис. 4: 2, 11–15) и, возможно, один фрагмент – орнамент в виде волны (рис. 4: 4). Два фрагмента – это придонные части разных сосудов (рис. 4: 16, 17). По классификационной шкале Новгорода один фрагмент венчика можно отнести к типу IV (рис. 4: 7), остальные пять фрагментов венчиков – к типу VA (рис. 4: 1, 3, 6, 8, 9). Керамика типа I бытовала в Новгороде со второй трети X в. по середину XII в. (Малыгин и др., 2001. С. 88). Керамика типа VA известна с середины X по XIV в., но массово она бытовала с конца X по конец XII в. и затем – во второй половине XIII – середине XIV в. (Там же. С. 87, 94, 96). Вполне допустимо, что обнаруженные находки керамики связаны с погребальным обрядом Фёдоровского могильника. Обнаруженные остатки костяка позволяют предположить наличие на могильнике еще не вскрытых могил.

Таким образом, после изучения опубликованной и хранящейся в архивах информации о знаменитом Фёдоровском могильнике стало возможным дополнить сведения об имевших место в 1905 г. раскопках. Проведенное обследование на территории могильника в 1980 г. показало перспективность дальнейшего изучения остатков этого памятника.

При раскопках начала XX в. А. А. Ширинским-Шихматовым было вскрыто не менее 124–125 грунтовых захоронений. О том, что могил здесь было больше, свидетельствуют не только находки, сделанные крестьянами до этих раскопок, но

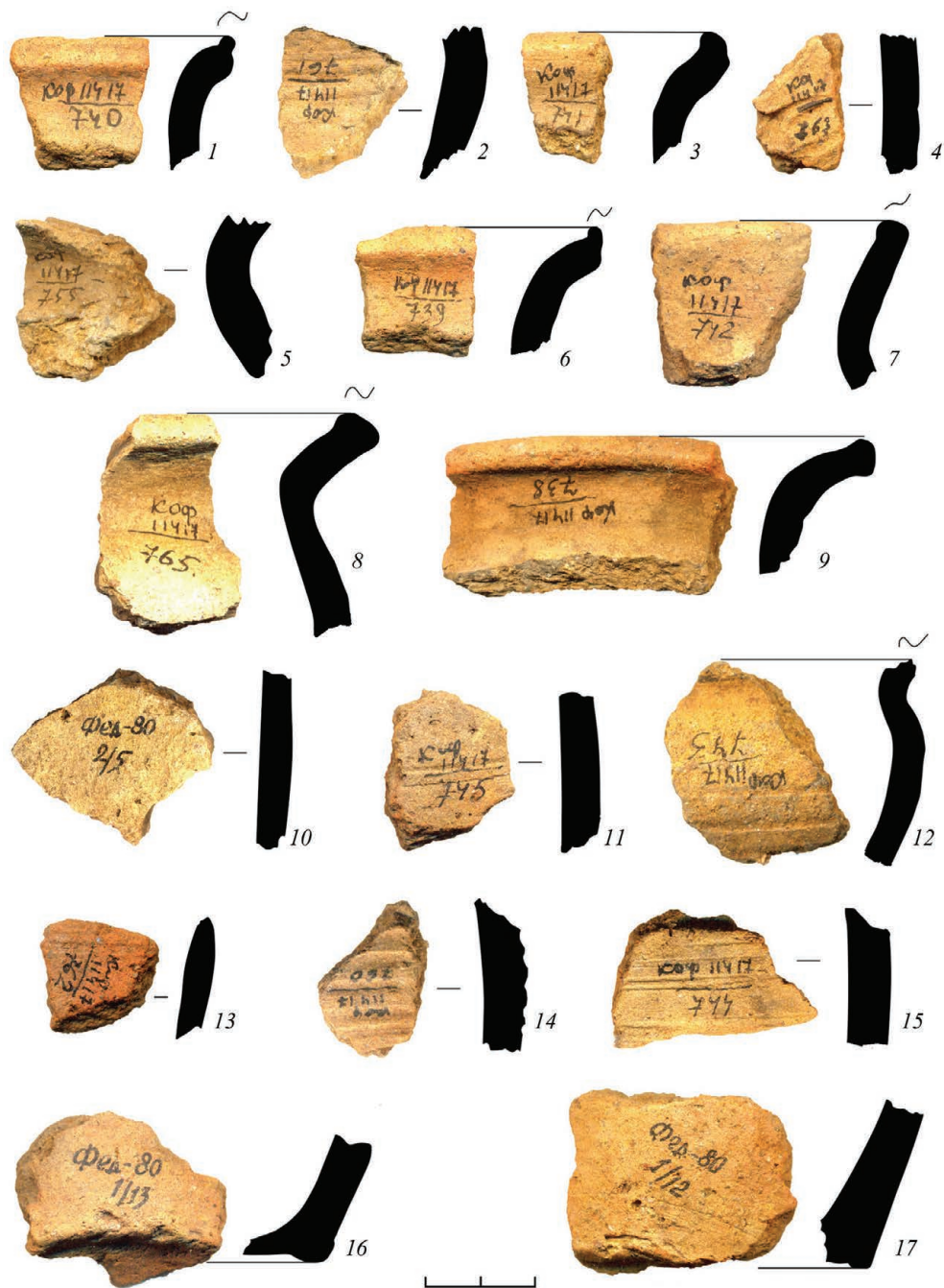

Рис. 4. Фёдовский могильник. Находки керамики в рекогносцировочном раскопе 1980 г.

и обследование территории некрополя в 1980 г. Фёдоровский некрополь вполне сопоставим не только с изученными грунтовыми могильниками центральных районов Новгородской земли (см., например, *Концецкий*, 1984б), но и с крупными курганными группами в верховьях Волги (например, Березовецкий могильник (Залучье)) – более 200 насыпей (АКР, 2012. С. 110–113).

Литература

- АКР. Тверская область. Ч. 3 / Авт.-сост. А. В. Кашкин и др.; ред. Г. Г. Король. М.: ИА РАН, 2010. 312 с.
- АКР. Тверская область. Ч. 4 / Авт.-сост. И. В. Исланова и др.; ред. Г. Г. Король. М.: ИА РАН, 2012. 481 с.
- Бодунов Е. В.*, 1981. Разведки в Бологовском и Вышневолоцком районах Калининской области // Археологические открытия 1980 г. М.: Наука. С. 62.
- Журнал 92-го заседания Тверской ученой архивной комиссии 6 октября 1903 г. / Под ред. И. А. Виноградова. Старица: Тип. А. Крылова, 1904. 34 с.
- Журнал сотого заседания Тверской ученой архивной комиссии 27 февраля 1906 г. / Под ред. И. А. Виноградова. Тверь: Тип. Тверского Губ. Правл., 1907. 72 с.
- Исланова И. В.*, 1989. Субстратные традиции в элементах погребального обряда Фёдоровского могильника // КСИА. Вып. 198. С. 84–89.
- Концецкий В. Я.*, 1981. Хронология и этапы формирования Фёдоровского могильника // КСИА. Вып. 166. С. 89–98.
- Концецкий В. Я.*, 1982. Об ориентировке погребенных в Фёдоровском могильнике // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего Средневековья. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та. С. 74–77.
- Концецкий В. Я.*, 1984а. Население центральных районов Новгородской земли в начале II тысячелетия н. э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л. 16 с.
- Концецкий В. Я.*, 1984б. Древнерусский грунтовый могильник у поселка Деревяницы около Новгорода // Новгородский исторический сборник. 2 (12). Л.: Наука. С. 39–61.
- Концецкий В. Я.*, 1994. Об этнической проблематике в исследованиях древнерусских погребальных памятников Новгородской земли (по материалам Фёдоровского могильника) // ТАС. Вып. 1. Тверь: Кн.-журн. изд-во. С. 139–144.
- Лебедев Г. С., Рябинин Е. А.*, 1978. Жальники и сопки // Проблемы археологии. Вып. II. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та. С. 152–163.
- Малыгин П. Д., Гайдуков П. Г., Степанов А. М.*, 2001. Типология и хронология новгородской керамики X–XV вв. (по материалам Троицкого XI раскопа) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Великий Новгород. С. 82–97.
- Никольская Т. Н.*, 1949. Этнические группы Верхнего Поволжья в XI–XIII вв. // КСИИМК. Вып. 24. С. 78–83.
- Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1903 г. СПб.: Тип. Гл. Упр. Уделов, 1906. 245 с.
- Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1905 г. СПб.: Т Тип. Гл. Упр. Уделов, 1908. 129 с.
- Седов В. В.*, 1961. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах древней Руси // СА. № 2. С. 103–121.
- Спицын А. А.*, 1905. Старейшие русские могильники в Новгородской области // ИАК. Вып. 15. СПб. С. 1–5.
- Спицын А. А.*, 2022. Археологический очерк Тверской губернии [Электронный ресурс]. Тверь: Тверской гос. ун-т; Тверской гос. объедин. музей-заповедник. 134 с. (Археология

Верхневолжья; вып. 2). URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48091805> (дата обращения: 31.05.2023).

Тверской музей и его приобретения в 1906 году / Сост. В. И. Колосов. Тверь, 1906. 38 с.
Ширинский-Шихматов А. А., 1906. Федовский могильник // Труды Второго областного
Тверского археологического съезда (1903 г., 10–20 августа). Тверь: Тип. Губ. правл.
С. 53–62.

Архивные материалы

Архив ИА РАН. *Бодунов Е. В.*, 1980. Отчет об археологических работах в Бологовском
и Вышневолоцком районах Калининской области в 1980 г. Р-1. № 8334, 8334а.

Архив ИИМК РАН. Отчет о раскопках Тверской ученой архивной комиссии. Ф. 1. Оп. 1.
1903 г. Д. 93. Л. 39–46 об.

Архив ИИМК РАН. Фотоотдел. III 8988–8997.

Архив ТГОМ. Книга поступлений Тверского музея (№ 9017–11925) 1895–1909 гг. Ч. 5.
Ф. 11. Оп. 1. Ед. хр. 26. св. 6.

Сведения об авторах

Исланова Инна Васильевна, Институт археологии РАН;
e-mail: ivisl@mail.ru;

Дементьев Евгений Александрович, Научный институт археологических и историко-куль-
турных исследований ФГБОУ ВО «РГУ им. А. Н. Косыгина»;
e-mail: hurtloker511@mail.ru;

Смирнова Светлана Михайловна, Научный институт археологических и историко-куль-
турных исследований ФГБОУ ВО «РГУ им. А. Н. Косыгина»;
e-mail: lisjaka@list.ru

I. V. Islanova, E. A. Dementyev, S. M. Smirnova

ANCIENT RUS' FEDOVO BURIAL SITE (UNKNOWN MATERIALS)

Summary. The Fedovo burial site is well known in archeological literature. In the begin-
ning of the 80s of the 20th century V. Ya. Konetsky corrected an inexact statement in the orientation
of corpses of this cemetery. It is necessary to rectify one more incorrect opinion. Available sources
allow us to state confidently that A. A. Shirinsky-Shikhmatov had conducted excavations not only
during 1903 but also in 1905. In 1980s, minor reconnaissance was done, it showed the perspective
of following studies of the archeological monument remains.

Keywords: Ancient Rus' burial site, Novgorod land, basin of the Upper Msta River.

Н. А. Макаров, П. Г. Гайдуков, А. Н. Федорина

ПЕЧАТЬ С КНЯЖЕСКИМ ЗНАКОМ ИЗ СУЗДАЛЬСКОГО ОПОЛЬЯ

Резюме. Статья посвящена редкой находке – свинцовой вислой печати с изображением св. Георгия и княжеской тамги – двузубца прямоугольных очертаний с боковым отрогом, – обнаруженной весной 2023 г. на одном из сельских поселений в Суздальской округе. Всего известно 18 таких печатей, однако лишь три находки полноценно документированы и надежно привязаны к археологическим памятникам. Новая находка существенно укрепляет предположенную ранее атрибуцию печатей с изображением св. Георгия и двузубца прямоугольных очертаний как булл князя Юрия Владимировича Долгорукого, длительное время занимавшего Ростово-Суздальское княжение. Выдвигается предположение, что находки княжеских печатей на селищах отражают раздачу князьями земельных участков за службу в Суздальской земле.

Ключевые слова: Древняя Русь, Суздальское Ополье, актовые печати, княжеские тамги.

Актовые печати остаются редкими находками на археологических памятниках центральных районов Северо-Восточной Руси. На селищах Суздальского Ополя за два десятилетия их систематического археологического обследования Суздальской экспедицией ИА РАН собрано лишь 6 булл. Еще одна печать, найденная на селище, передана в музей частным лицом (Макаров, Гайдуков, 2023. С. 81–86). Из Суздаля, основательно охваченного раскопками, происходят всего 4 печати (Седова, 1997. С. 86, 217. Рис. 22; Баранов, 2015. С. 545. Рис. 40: 104). Более многочисленны печати, добытые нелегитимным путем, находящиеся в частных коллекциях и не имеющие точных привязок к археологическим памятникам. Новая находка, пополнившая скромное собрание печатей, происхождение которых археологически документировано, – булла с изображением св. Георгия и княжеской тамги, обнаруженная весной 2023 г. на одном из сельских поселений в Суздальской округе.

На лицевой стороне печати – изображение св. Георгия в рост с копьём в правой руке и левой рукой, опирающейся на щит (рис. 1). Справа от фигуры – «А», заключенное в букву «О» (сокращенное ОАГИОС), слева – колончатая надпись «ГЕОР» с зеркальным начертанием букв. Вокруг головы святого – точечный нимб, по краю печати – точечный ободок. На оборотной стороне – княжеский знак: двузубец прямоугольных очертаний с коротким прямым выступом в основании и зубцами с концами,

Рис. 1. Печать из сборов на селище Спасское городище 7. 1 – фото; 2 – прорисовка (рис. А. Дементьевой)

отогнутыми в разные стороны, и отрогом, обращенным внутрь двузубца. По краю остаток точечного ободка. Диаметр свинцового кружка – 2,3–2,5 см.

Печать происходит из сборов на селище Спасское городище 7. Это селище – небольшое (0,7 га) поселение, расположенное к югу от Суздаля на водоразделе р. Нерли и р. Рпени, у истока небольшой речки Карши, правого притока Нерли, на слабо выраженном возвышении ее берега (рис. 2). Селище было открыто Суздальской экспедицией ИА РАН в 2017 г. и обследовалось в 2022–2023 гг. Культурный слой памятника представляет собой темно-коричневый сильногумусированный суглинок,

Рис. 2. Селище Спасское городище 7. Весна 2023

насыщенный печными камнями и фрагментами керамики и отчетливо выделяющийся на фоне окружающего грунта. Толщина культурного слоя на некоторых участках не превышает 30 см. Вся керамика, собранная в распашке, круговая с профилировкой, характерной для XI–XIII вв. (типы Va, VIa, VII, VIIIa, VIIIб, VIIIв, IX, по В. А. Лапшину (*Лапшин, 1992*); рис. 3). Собранная на селище вещевая коллекция включает около 150 предметов из металла, стекла, камня, кости и керамики. В составе коллекции – обычные бытовые и хозяйственные вещи (железные ножи, пробой, кресало, замок, ключ, шиферное пряслице, свинцовая пломба, свинцовые грузики, оселок, глиняное грузило, пластины и заклепки от котлов) и фрагменты сельскохозяйственных орудий (двух сошников) (рис. 4). Многочисленны металлические украшения и детали костюма: бусина от височного кольца и кольцевидная бусина с накладным декором, деталь рясен, пуговицы-гирьки, монетовидная подвеска, фрагмент круглого медальона с изображением процветшего креста, фрагмент подвески-петушка, полая подвеска-уточка и фрагмент подвески в виде двухголового конька, шумящая привеска, бубенчики, привески-лапки и звенья цепочек, фрагменты браслетов: пластинчатых с геометрическим декором и ложновитого, рубчатые и щитковый перстни, поясные пряжки, разделительные кольца и накладки (рис. 5). Единственный фрагмент украшения из стекла – фрагмент гладкого черного браслета с желтым перевитием (рис. 5: 24). В коллекции насчитывается около двух десятков выплесков, капель и неопределимых оплавленных фрагментов цветного металла, скорее всего, это остатки украшений и бытовых вещей, уничтоженных пожаром, но нельзя

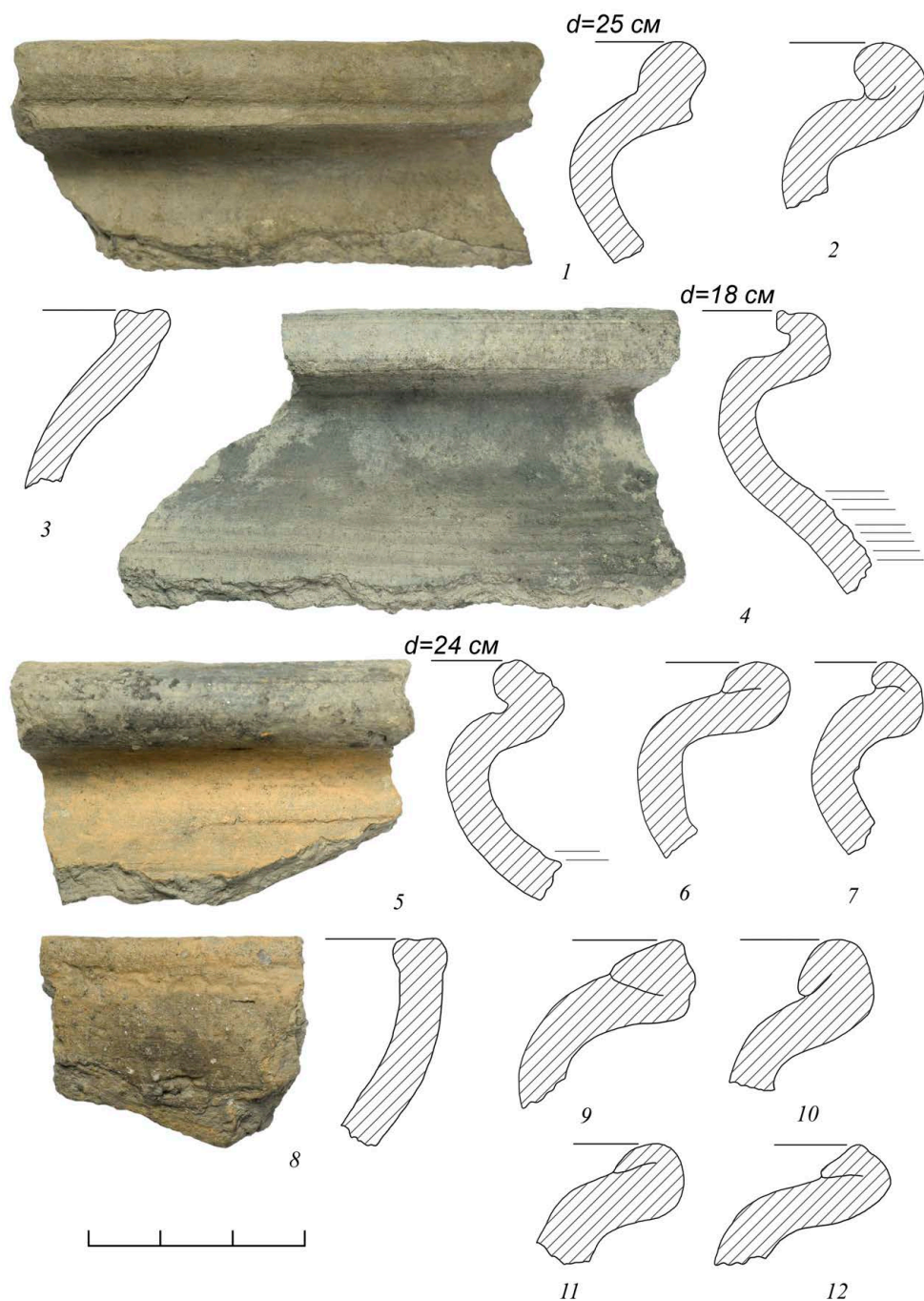

Рис. 3. Фрагменты круговых сосудов из сборов на пашне

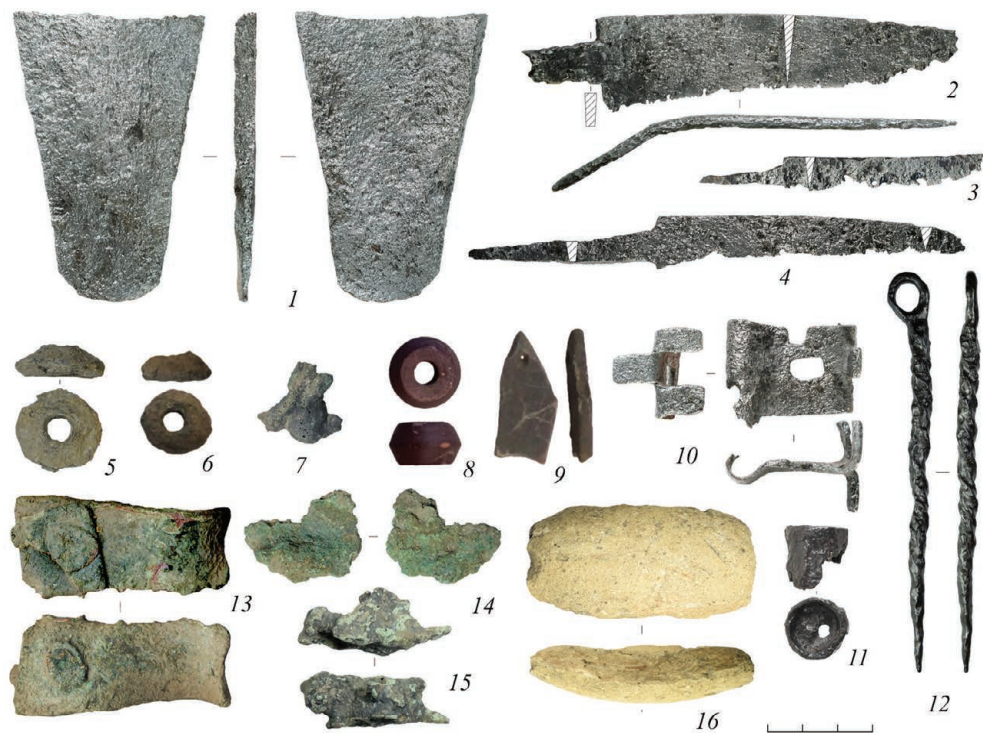

Рис. 4. Предметы из сборов на селище Спасское городище 7. 1 – сошник; 2–4 – ножи; 5, 6 – свинцовые грузики; 7, 14, 15 – оплавленные предметы из цветного металла; 8 – пряслице; 9 – оселок; 10 – ключ; 11 – навесной замок; 12 – булавка; 13 – деталь котла; 16 – грузило (1–4, 10–12 – железо; 5–7– свинец; 8, 9 – камень; 13–15 – бронза; 16 – глина)

исключить, что часть находок связана с ювелирным производством (рис. 4: 7, 14, 15). Выразительную группу составляют христианские предметы: фрагмент оплавленного энколпиона, прямоугольная иконка с изображением Богоматери с младенцем и 6 крестов-тельников различных типов (рис. 5: 2–6). Редкой находкой и единственным предметом, связанным с военными занятиями, является целая бронзовая гирька от кистеня весом 122 г (рис. 6: 1). Еще одна бронзовая гирька ранее была найдена в Суздале, а ее фрагмент – петля для подвешивания – на одном из пригородных селищ (рис. 6: 3, 2). При обследовании суздальских селищ найдено еще 5 гирек от кистеней, но все они – роговые или железные (Шполянский, 2023).

Основная масса собранных на селище предметов датируется XII – первой половиной XIII в., при этом хрониндикаторы XI – первой половины XII в. среди артефактов отсутствуют, а хрониндикаторы второй половины XII – первой половины XIII в. составляют наиболее заметную группу. Очевидно, оно возникло не ранее второй четверти XII в. и просуществовало до середины следующего столетия.

Рис. 5. Предметы из стекла (24) и цветного металла (1-23) из сборов на селище Спасское городище 7. 1 – бусина; 2, 4, 6 – кресты; 3 – энколпион; 5 – иконка; 7, 8 – пуговицы; 9 – монетовидная подвеска; 10 – бусина с фрагментов височного кольца; 11, 12 – зооморфные подвески; 13–15 – привески-лапки; 16 – пряжка; 17, 18 – накладки; 19–21 – перстни; 22–24 – браслеты

Рис. 6. Гирьки кистеней и их фрагменты. 1 – Спасское городище 7; 2 – Ивановское 2; 3 – Суздаль, ул. Ленина 57. Цветной металл

В своде древнерусских булл В. Л. Янина под № 283 опубликована печать из Старой Ладogi с изображением св. Георгия и княжеским знаком в виде двузубца с отрогом, близкая суздальской находке (Янин, 1970. С. 315. Табл. 67), однако очертания двузубца на этой печати отличны от суздальской. Первые находки печатей с этой разновидностью княжеского знака были сделаны уже после издания свода. П. Г. Гайдуковым зарегистрировано 17 печатей с изображением св. Георгия и двузубца с отрогом, обращенным внутрь, на левом зубце, аналогичных печати, обнаруженной под Суздалем. Две из них имеют точную археологическую привязку. Это печати из раскопок поселения Усть-Шексна при впадении Шексны в Волгу (Иванов и др., 2013) и из Могутовского археологического комплекса на р. Шерне, левом притоке Клязьмы (Чернов, 2023. С. 34). Находка из Усть-Шексны происходит из стратифицированных культурных напластований и связана, как считают авторы раскопок, со слоем пожара середины XII в. Остальные буллы зарегистрированы как находки из несанкционированных сборов с территории современной Владимирской области (7 экз.), Московской области (1 экз.), Тульской области (1 экз.), Брянской области или Украины (1 экз.) и Украины (Киевская область – 2 экз., Черниговская область – 1 экз.,

Рис. 7. Медальон из свинцово-оловянистого сплава с изображением процветшего креста

Черкасская область – 1 экз., Житомирская область – 1 экз.).

Известно, что персональная атрибуция большинства знаков Рюриковичей не прояснена или остается дискуссионной. Сами предметы, надписи на них и археологический контекст находок редко дают возможность установить принадлежность различных разновидностей знаков отдельным князьям. В. Л. Янин, создатель свода древнерусских печатей и общих основ их классификации и атрибуции, полагал, что княжеские знаки прямоугольных очертаний принадлежат старшим Мономашичам – Мстиславу Владимировичу и его потомкам, но воздержался от персональной атрибуции отдельных знаков этой группы. Однако накопление новых материалов, надписей и сфрагистических находок со знаками подтолкнуло к новым разработкам, направленным на формирование «генеалогического древа знаков Рюриковичей» (Михеев, 2017. С. 18). Среди княжеских знаков, принадлежность которых может быть установлена на основании новых находок, – тамгообразный знак в виде двузубца с кон-

цами, отогнутыми в разные стороны, и отрогом, повернутым внутрь, почти точно повторяющий (различие в оформлении основания) форму двузубца на суздальской булле. Основываясь на надписи «ПТАРОСТИСЛАВЛЬ» и изображении св. Георгия на оборотной стороне печати, С. М. Михеев атрибутировал тамгу как знак Ростислава Юрьевича, сына Юрия Владимировича Долгорукого. Он отметил, что аналогичная тамга или знаки близких очертаний присутствуют на ряде печатей, несущих на лицевой стороне изображение св. Георгия (№ 283 по каталогу: Янин, Гайдуков, 1998), и связал их с Юрием Владимировичем (Там же. С. 22–23). С. З. Чернов, опубликовавший недавно печать из Могучева с изображением аналогичной тамги и св. Георгия, полагает, что это определение, как и ранее предложенная атрибуция этого знака Святополку Мстиславичу (Молчанов, 1985), не может быть верифицирована (Чернов, 2023. С. 34).

Очевидно, что один из путей такой верификации – анализ географического распространения печатей со знаками аналогичных очертаний, в первую очередь тех, которые получены в результате легитимных полевых работ и имеют документированное место находки. Связь большинства печатей с изображением св. Георгия и тамгообразного знака с загнутым внутрь отрогом на левом зубце с землями Северо-Восточной Руси (11 экз. из 18) и локализация здесь всех трех булл с надежно документированным археологическим контекстом – убедительный аргумент в пользу атрибуции их как печатей Юрия Владимировича. Симптоматично также отсутствие подобных печатей в Новгороде, известном обилием и разнообразием сфрагистических материалов. Суздальская находка имеет особое значение для атрибуции этого типа печатей, учитывая, что именно в Суздаль Юрий Владимирович перенес центр княжеского управления землями Северо-Восточной Руси.

Селище, на котором найдена печать Юрия Владимировича, по своему облику, составу находок и материальной культуре не выделяется среди общей массы поселений XII–XIII вв. Предметы, связанные с обиходом знати, известные сегодня по находкам на нескольких десятках суздальских селищ (Макаров, 2023. С. 305–327), представлены здесь лишь двумя артефактами – вислой печатью и кистенем. Необычным для сельских поселений предметом следует считать также фрагмент круглого медальона из свинцово-оловянистого сплава с изображением креста (рис 7). Сочетание боевого оружия и печати можно интерпретировать как свидетельство присутствия на небольшом сельском поселении лиц, связанных с княжеской администрацией или находившихся на княжеской службе.

Спасское городище 7 – шестое селище с находками княжеских печатей или печатей светской администрации в Суздальском Ополе. Все эти поселения – поселения, появившиеся между рубежом XI–XII и серединой XII в. на ранее незаселенных участках после того, как основные узлы расселения уже сложились. Все они имеют небольшие размеры. Коллекции, собранные на всех этих памятниках, включают предметы вооружения, на двух найдены также стили для письма. На всех селищах буллы представлены одной находкой. Можно предположить, что появление этих поселений связано с раздачей князьями небольших земельных участков за службу, а документы, скрепленные печатями, устанавливали эти правоотношения. Продолжение обследования селищ позволит подтвердить или опровергнуть эту гипотезу.

Литература

- Баранов Н. А., 2015. Отчет о проведении научных изысканий (археологических раскопок) на ул. Теремки, д. 12 в Окольном городе г. Суздаля во Владимирской области в 2015 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 50042–50048.
- Иванов Л. М., Рыкунов А. Н., Рыкунова И. И., 2013. За семью печатями. Вислые печати Усть-Шексны открывают неизвестные страницы истории края // Рыбинская слобода. № 1. С. 20–31.
- Лашин В. А., 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М. С. 90–102.
- Макаров Н. А., 2023. «Усадьбы знати» на поселениях Суздальского Ополя XII–XV вв. // Археология Суздальской земли. Т. 2 / Ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда. С. 305–327.
- Макаров Н. А., Гайдуков П. Г., 2023. Актовые печати // Археология Суздальской земли. Т. 2 / Ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда. С. 81–86.
- Михеев С. М., 2017. Княжеские печати с тамгами и атрибуция знаков Рюриковичей XI–XII в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 4 (70). С. 17–41.
- Молчанов А. А., 1985. Об атрибуции лично-родовых знаков князей Рюриковичей X–XIII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XVI. Л.: Наука.
- Седова М. В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М.: Русский мир. 236 с.
- Чернов С. З., 2023. Могутовский сфрагистический комплекс XII века и предыстория Москвы. М.; Вологда: Древности Севера. 383 с.: ил.
- Шполянский С. В., 2023. Вооружение и всадническое снаряжение // Археология Суздальской земли. Т. 2 / Ред. Н. А. Макаров. М.; Вологда. С. 305–327.
- Янин В. Л., 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1–2. М.
- Янин В. Л., Гайдуков П. Г., 1998. Актовые печати древней Руси X–XV вв. Т. III. Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. М.: Интрада. 502 с.

Сведения об авторах

Макаров Николай Андреевич, Институт археологии РАН;

e-mail: nmakarov10@yandex.ru;

Гайдуков Петр Григорьевич, Институт археологии РАН;

e-mail: russianchange@yandex.ru;

Федорина Анастасия Николаевна, Институт археологии РАН;

e-mail: nasfed@yandex.ru

N. A. Makarov, P. G. Gaydukov, A. N. Fedorina

SEAL WITH A PRINCE'S SIGN FROM SUZDAL OPOLYE

Summary. The article is devoted to a rare find – that is, a leaden hanging seal wearing an image of St. George and a Prince's sign – a rectangular bident with a short spike. It was found in spring of 2023 at one of the villages of Suzdal region. There are known 18 seals of the type in question, but only three of them are properly documented and associated with archaeological sites. The new find supports the previous attribution of seals with the image of St. George and rectangular bident as the bullas of Prince Yuri Vladimirovich Dolgoruky, who was the ruler of Rostov-Suzdal principedom for a long time. It is suggested that the finds of Prince's seals at the village sites mean that the land plots were granted by princes for the service in Suzdal land.

Keywords: Ancient Rus', Suzdal Opolye, enactment seals, Prince's signs.

АРХЕОЛОГИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ

В. Ю. Коваль

О ФОРТИФИКАЦИИ СУЗДАЛЬСКОГО ДЕТИНЦА В X–XII вв.¹

Резюме. Укрепления Суздаля, одного из древнейших городов Северо-Восточной Руси, археологически изучались лишь несколько раз – в 1939, 1958, 1970, 1981–1986 гг. Самые древние укрепления мерянского поселения X в. (площадью около 1 га), предшествовавшего древнерусскому городу, были открыты в северо-западной части Суздальского кремля. Здесь были найдены 4 засыпанных рва, сменявших друг друга. После засыпки предыдущего рва новый вырывался со сдвигом в напольную сторону. Последний ров был засыпан не позднее начала XI в. Детинец древнерусского Суздаля площадью 14 га сегодня окружен валом высотой до 8,5 м. В основании этого вала в 1970 г. найдены остатки древо-земляной стены, предположительно датируемые XI в. Многочисленные перестройки этой стены на протяжении последующих 500 лет и привели к формированию современного «вала». Ров перед этим валом также практически не исследован. Грандиозные размеры сооружения затрудняют возможность его полной прорезки и исчерпывающего изучения.

Ключевые слова: ров, вал, древо-земляные стены, укрепления, средневековая Русь, археология, город, городище.

Укрепления Суздальского детинца (кремля) не раз становились предметом исследования археологов (А. Д. Варганова, П. А. Раппопорта, В. В. Седова, М. В. Седовой), однако целостного понимания этих сооружений пока не сформировалось. В наиболее полном виде описание укреплений Суздаля представлено М. В. Седовой, суммировавшей все сведения, опубликованные или отмеченные в отчетах о раскопках ее предшественниками (Седова, 1997. С. 46–57). Полученная картина в целом вызывает доверие, однако многие ее детали требуют уточнения или разъяснения.

Самыми ранними укреплениями на территории Суздаля М. В. Седова справедливо называла незначительные следы полностью скрытого вала и три параллельных рва, обнаруженные ею в двух раскопах, размещавшихся к северу от Рождественского собора (Там же, С. 47. Рис. 3). В раскопе 1981–1983 гг. (ближе к собору) рвы проходили почти по линии север – юг, в то время как в раскопе

¹ Исследование выполнено в рамках госзадания Института археологии РАН по теме «Города в культурном пространстве Северной Евразии в средневековье» (№ НИОКТР 122011200266-3).

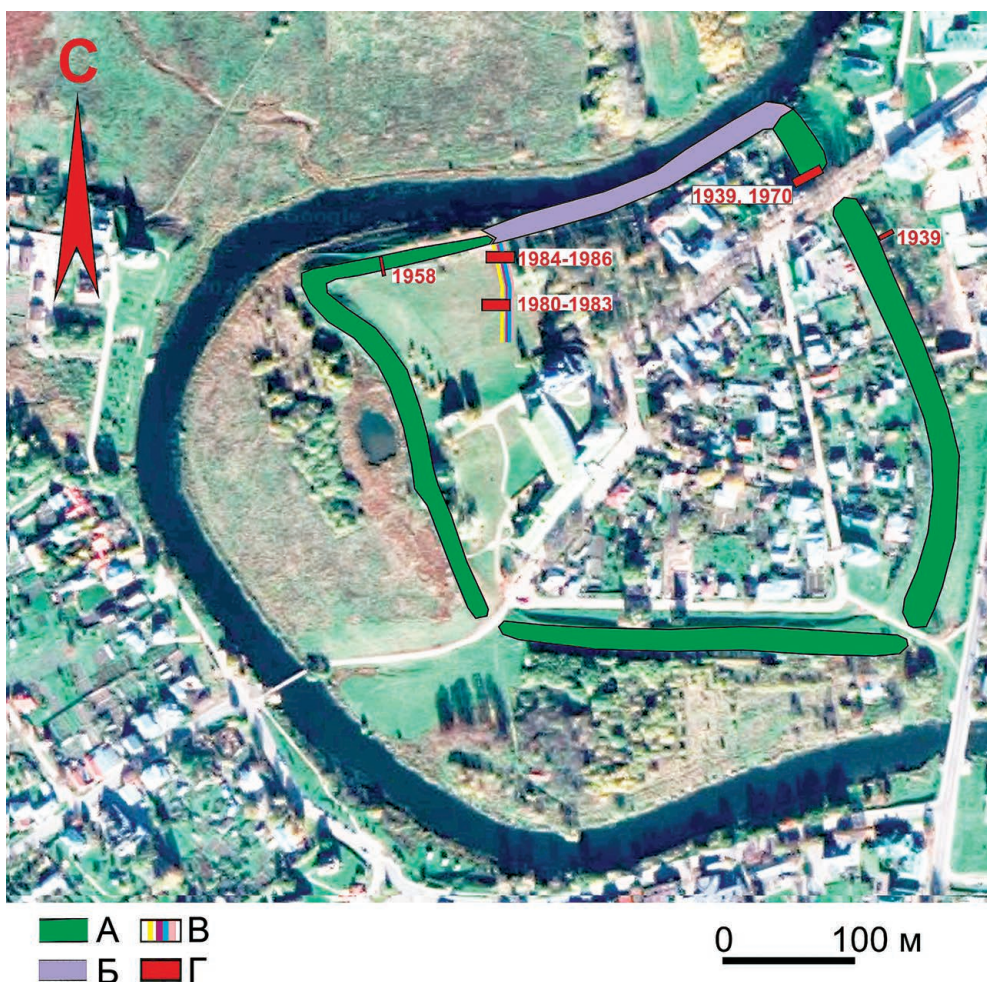

Рис. 1. Кремль Суздаля на основе Яндекс-карты. А – сохранившиеся валы; Б – разрушенный участок вала; В – трассы засыпанных рвов X в.; Г – раскопы

1984–1986 гг. (он же раскоп Детинец IV) близ берега р. Каменки они уже заметно заворачивали к западу и шли почти по линии ЮЮВ – ССЗ (рис. 1; 2). Южная часть этой системы обороны не исследовалась, но М. В. Седова резонно предположила, что она должна была охватывать северо-западную часть площадки, ограниченной позднейшими валами. Исходя из опубликованной схемы возможных ее границ (Седова, 1997. Рис. 62: 1), городище могло иметь размеры не менее чем 100 × 100 м, а его площадь М. В. Седова оценивала в 1,5–2 га (Там же. С. 59), что представляется несколько завышенным: вряд ли эта площадь превышала 1 га. Осталось также неясным, замыкались ли эти рвы в кольцо, охватывая всю площадку целиком, или обрывались на склонах возвышенности.

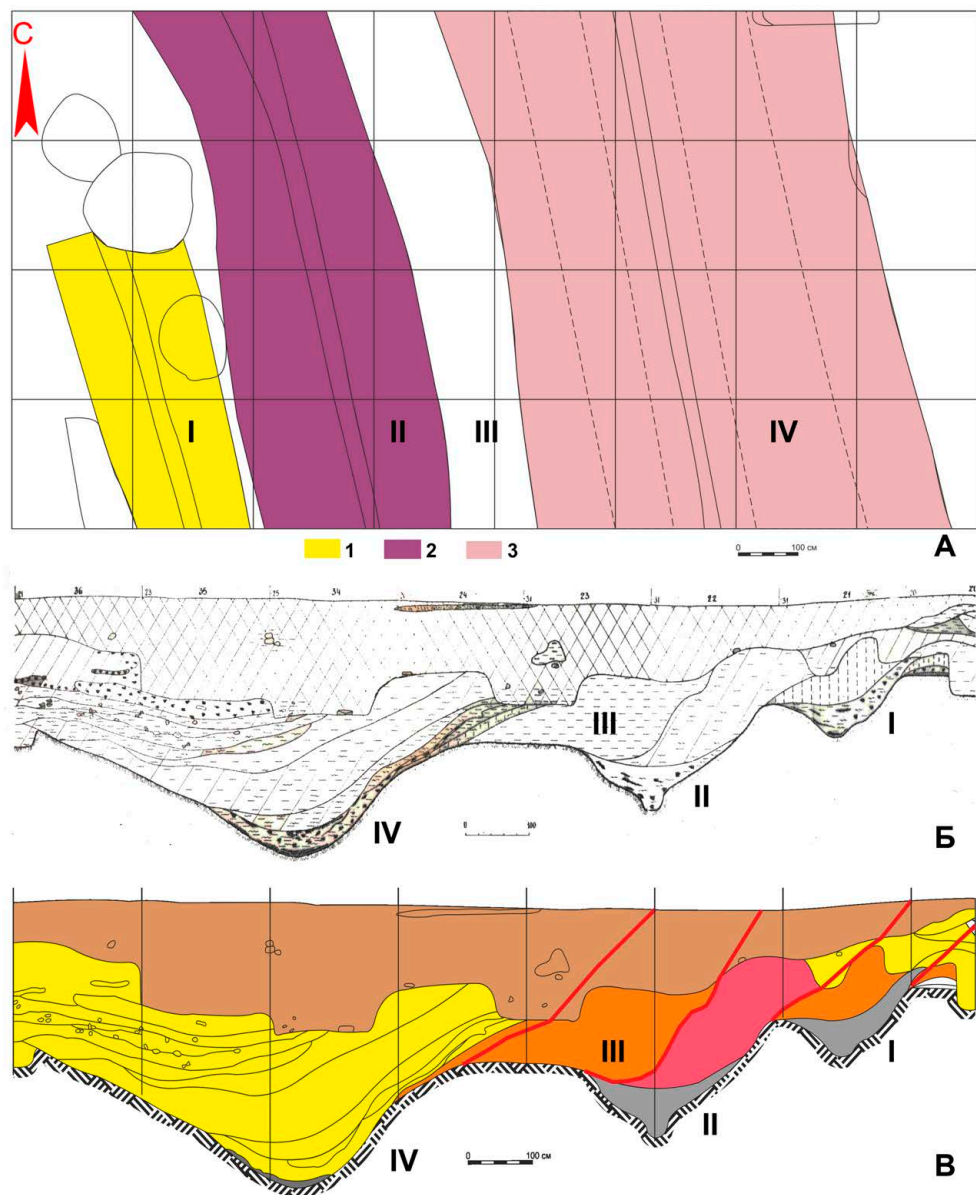

Рис. 2. Рвы в раскопе Детинец IV (1984–1986 гг.). А – план раскопа со рвами (по: *Седова*, 1986. Л. 24) (1 – ров-I; 2 – ров-II; 3 – ров-IV); Б – южный профиль раскопа (по: Там же. Л. 25); В – тот же профиль с обозначениями границ рвов и заливками основных прослоек, цвет которых условно передает основные составляющие грунтов (коричневый – гумусированные слои, желтый – суглинистые с включениями культурного слоя, оранжевый и розовый – рыжеватый материковый суглинок, серый – прослойки суглинка с древесным углем и золой)

При описании рвов в публикацию М. В. Седовой вкралось несколько ошибок. Так, она указала размеры «большого» и «среднего» рвов, но не упомянула «малый». При этом приведенные ею размеры «среднего» рва в действительности относятся к «малому», а размеры «среднего» тем самым оказались вообще упущенными. К тому же названия «малый», «средний» и «большой», хотя и точно соответствуют размерам рвов, все же не полностью отражают этапность их строительства. Кроме того, незамеченным остался еще один ров, дно которого составляло «перемычку» между «средним» и «большим» рвами и находилось существенно ниже уровня дневной поверхности (такая низкая «перемычка» не могла бы образоваться никаким иным способом). Этот ров не был своевременно замечен, поскольку априори предполагалось, что открытые рвы были вырыты и функционировали одновременно, хотя стратиграфия раскопов ясно указывает на то, что все они возникали последовательно и после засыпки более раннего рва выкапывался новый, отодвигавшийся в напольную сторону². Поэтому целесообразно рассмотреть эти сооружения в хронологической последовательности их создания.

Номер I следует присвоить самому западному рву, который имел и самые скромные размеры: ширину чуть более 2 м и глубину 1–1,2 м (рис. 2). В сечении он имел в одних местах полукруглую, а в других конусовидную форму (Седова, Чалых, 1983. Л. 124), причем на чертежах материка и профилях раскопа на дне рва отчетливо видна небольшая канавка шириной 20–30 см, аналогичная канавке на дне более позднего рва-II (см. ниже). Такому рву могла соответствовать насыпь высотой не более 1 м. Остатки этой насыпи видны на западном краю рва в виде массива красноватого суглинка («рыжая глина» по данным отчетного описания). При засыпке рва на его дно был сброшен большой объем суглинистого грунта, содержавшего древесный уголь и золу. Отсюда можно предположить, что на вершине вала располагались какие-то деревянные конструкции, сгоревшие в пожаре. Основной массив насыпи вала был сброшен в ров на втором этапе его засыпки – он составлял верхнюю часть заполнения рва и состоял из переотложенного материкового грунта.

Более поздний ров-II («средний», по М. В. Седовой) был вырыт вплотную ко рву-I после того, как тот был полностью засыпан. При этом своим западным (внутренним) бортом он подрезал восточный борт и часть заполнения рва-I. Ширина рва-II была уже значительно больше – около 5 м, а глубина – до 2 метров³. На профилях раскопа сечение рва имеет в нижней части слегка округлые стенки, но в целом профиль можно назвать треугольным. На дне рва зафиксирована канавка шириной

² Впервые такое понимание ранних фортификаций было сформулировано В. В. Даниловым (Данилов, 1992), однако оно было отвергнуто М. В. Седовой (Седова, 1997. С. 48. Прим. 12) без всякой аргументации. Такая категоричность имела свою причину, которая имеет личностный характер и потому здесь не обсуждается.

³ В отчете о раскопках указана иная ширина рва – около 3 м (Седова и др., 1986. Л. 23), но она определена на уровне гораздо ниже горизонта материка, где ширина рва была, соответственно, меньше. Расчет ширины проведен нами следующим образом: от вертикальной линии, проходящей через центр рва, промерено расстояние до его западного края на уровне горизонта материка. Это расстояние умножено на 2, и тем самым определена ширина рва в случае его симметричного профиля. При отсутствии следов восточного края рва такой подсчет является единственно возможным. Глубина рва также отмерена от уровня горизонта материка (в отчетах М. В. Седовой глубина отмерялась от уровня «перемычек» между рвами, который находился значительно ниже горизонта материка).

25–30 см и примерно такой же глубины, в которую, по мнению М. В. Седовой, устанавливались столбы диаметром 15–18 см (Седова, 1997. С. 47). Однако в отчетных материалах (чертежи, описания) столбы или вообще какая бы то ни было древесина на дне рва не упомянуты, вместо этого говорится только о канавке с плоским дном. Вероятно, никаких реальных следов этих столбов (древесный тлен, отпечатки на дне канавки) при раскопках обнаружено не было и «ряд столбов» является интерпретацией исследователя. Надо заметить, что аналогичную канавку имел ров X в. на Болгарском городище, где никаких следов установки столбов также не зафиксировано (Губайдуллин, 2019. С. 62, 63; Коваль, Бадеев, 2021. С. 9, 14. Рис. 3: А; 4). А. М. Губайдуллин полагает, что в Болгаре канавка служила дренажом, хотя и не поясняет смысл такого дренажа, если ров был вырыт в песке, который прекрасно дренирует любую влагу. Заметим, что при установке частокола или даже просто отдельных столбов в канаву глубиной всего лишь до 30 см эти конструкции не имели шанса простоять более нескольких лет, после чего упали бы под собственной тяжестью или от малейшего приложения усилий. Для прочной установки столбов в землю нужны гораздо более глубокие канавы. Впрочем, если допускать небольшую высоту кольев (до 1 м), они могли удерживаться в вертикальном положении достаточно долго и при этом действительно служили бы препятствием для преодоления рва. Таким образом, назначение канавок на дне ровов Суздаля и Болгара пока остается невыясненным.

Рву-II мог соответствовать вал высотой до 2 м. Этот вал также был срыт и сброшен в ров-II после пожара, поскольку на дне рва залегала мощная (40–50 см) прослойка суглинка, содержащая угли и золу. Судя по основному заполнению рва, вал был сложен из рыжевато-материкового суглинка.

Ров-III опознается по стратиграфии и плоской перемычке между рвом-II и рвом-IV, горизонтальная поверхность которой находилась на 1 м ниже горизонта материка в данной части поселения. Отличается и заполнение этого рва – желтовато-оранжевый (или рыжеватый) суглинок без видимых включений (Седова и др., 1986. Л. 15). Ров-III, в отличие от двух предыдущих, имел иной профиль – трапециевидный, с плоским дном и наклонными стенками. Сохранилась при этом только западная стенка, подрезавшая восточный склон рва-II и его засыпь. Ширину рва-III установить гораздо сложнее, поскольку неизвестно, каков был угол наклона его внешнего склона. Исходя из сохранившейся части рва шириной 3,5 м, можно предполагать, что полная его ширина в момент открытия составляла от 4 до 5 м. Вал, соответствующий этому рву, мог иметь высоту 1,5–2 м. Смена конусовидных в сечении ровов плоскодонными или округлодонными, по материалам Болгарского городища, происходила в XI в. (Коваль, Бадеев, 2021. С. 19). На дне рва-III не выявлено никаких следов пожара. Засыпан он был тем же самым материковым суглинком, который был извлечен при открытии рва и складирован в валу. Следовательно, и третий вал был полностью срыт.

Самым восточным и, соответственно, самым поздним по времени создания был ров-IV («большой ров», по М. В. Седовой). Это единственный ров, сохранившийся целиком, без повреждений. Его ширина на уровне горизонта материка составляла не менее 8 м, а глубина от древней поверхности достигала 2,5 м. Дно рва было округлым, а стенки отлогими, причем внутренняя (западная) стенка была более крутой, нежели внешняя. Заполнение рва-IV отличалось от остальных тем, что наряду с прослойками рыжевато-материкового суглинка состояло также из «земли» (так

в отчетах 1981–1986 гг. назывались темноцветные грунты). Впрочем, судя по цветному фото разреза рвов (*Седова*, 1997. Рис. 79), количество темноцветных грунтов тут не было значительным, поскольку заполнение этого рва мало отличается по цвету от предыдущих. Видимо, «земля» составляла незначительную примесь к материковому суглинку. На дне этого рва вновь фиксировалась обугленная древесина, но в меньшем количестве, чем в I и II рвах. Рву-IV мог соответствовать вал высотой до 3 м. Тем не менее этот вал также был срыт и сброшен в ров, так что даже следов его нигде не осталось.

Остается добавить, что исследователем не были зафиксированы следы почвообразования ни на одной из прослоек, наблюдаемых в профиле, следовательно, периодов длительной стабилизации поверхностей тут не наблюдалось. Другие профили раскопов 1981–1986 гг., в которые попали рвы, были повреждены поздними перекопами и не дают дополнительной информации об этих объектах.

Многорядные системы из 2–4 валов и 2–3 рвов хорошо известны, особенно на городищах раннего железного века Восточной Европы. Встречаются они и на городищах эпохи средневековья – на Руси (Ижеславльское городище в Рязанской земле, городища на степном пограничье Южной Руси) и в Волжской Булгарии (Билярское городище и др.). Однако во всех этих случаях рвы и валы чередуются, и неизвестно ни одного случая, когда перед одним валом размещалось бы 2 или 3 рва без валов между ними.

Обновление рвов с их перемещением в напольную сторону и одновременным увеличением размеров вала известно на ряде городищ раннего железного века (*Сыроватко*, 2009. С. 62–69. Рис. 19; 20; *Коваль*, 2011) и на средневековых городищах финноязычных народов Среднего Поволжья (*Михеев*, 2018. Рис. 2–5). Там так же новый ров отодвигался в напольную сторону, подрезая внешний склон предыдущего рва, зачастую практически полностью его уничтожая. Однако стратиграфия заполнения рвов этих городищ показывает, что рвы не засыпались полностью, а ранее насыпанные валы не срезались: засыпка старого рва происходила постепенно за счет оползания в него грунта, насыпавшегося на вершину или внешний склон вала. Сдвиг рва в напольную сторону производился только тогда, когда он уже по большей части заплывал грунтом и переставал быть существенной по размеру преградой. Этот процесс хорошо виден по наклонному залеганию слоев заполнения рвов, где они доходят почти до вершины вала (*Коваль*, 2011. Рис. 3: 6–17). Таким образом на городищах дославянского периода процесс сдвига рвов оборонительной линии происходил несколько иначе, чем в Суздале.

Сдвиг рва в напольную сторону можно наблюдать и на некоторых древнерусских городищах, где рвы были изучены с достаточной тщательностью. Например, такую картину можно видеть на Старокиевском городище IX–X вв. (*Комар*, 2013. Ил. 1). Особенно хорошо такой сдвиг, проводившийся 2 раза, зафиксирован на Ростиславльском городище, укрепления которого перестраивались в XIV–XV вв. (*Коваль*, 2015). Однако на русских городищах углубление рва и сдвиг его в напольную сторону не сопровождалось засыпкой ранее вырытого рва, в который лишь просыпалась небольшая часть грунта, сбрасывавшегося при перестройке дерево-земляных стен города. Поэтому древнерусские примеры не являются аналогами для ранних суздальских укреплений.

Такой аналог составляют только рвы X–XI вв., зафиксированные на Болгарском городище, где перед выкапыванием нового рва прежний засыпался полностью или частично, а новый сдвигался в напольную сторону на 2–3 м (*Коваль, Бадеев, 2021. С. 14–18. Рис. 4*). Здесь древние валы тоже не сохранились, а свидетельствами их былого существования выступают только полностью засыпанные рвы. Напомним также и о такой указанной выше черте сходства, как треугольный профиль самых ранних ровов X (или IX–X вв.?) в Болгаре и Суздале, а также канавки на их дне.

Но возникает вопрос: как различить, остатками каких структур являются найденные рвы, тем более, когда вала не сохранилось? Не могло ли быть так, что грунт, изымавшийся из ровов, не использовался для создания насыпи, а загружался в городни древо-земляных стен, как это происходило во всех оборонительных линиях городов средневековой Руси? Действительно, при полном отсутствии следов наземных частей этих линий обороны тут нельзя дать категоричного ответа. Однако имеются косвенные признаки, по которым можно отличить ров перед валом от рва перед древо-земляной стеной. Прежде всего, при перестройке древо-земляных стен существующий ров никогда не засыпался полностью, поскольку сама стена не разрушалась до основания: разбиралась лишь ее верхняя часть, тогда как нижняя присыпалась грунтом из верхней (разобранной) части стены. Именно таким путем и шло формирование «валов» русских городов, где руины каждой предыдущей стены увеличивали размеры основания для строительства новой. При этом в ров попадала лишь незначительная часть грунта из заполнения разобранных городней.

Для того чтобы засыпать ров, необходимо было вернуть в него весь грунт, вынутый из него ранее (или значительную его часть). Это легко сделать лишь в том случае, когда этот грунт составляет обычную насыпь. Разборка срубных стен оказывалась в таких случаях, видимо, слишком трудоемкой. Таким образом, существенная по объему грунта засыпка рва является признаком того, что этому рву сопутствовала не стена, а насыпной вал. Гораздо сложнее ответить на вопрос, для какой цели производилась засыпка рва. Это объяснимо в том случае, если оборонительная линия сдвигалась на значительное расстояние от предыдущей, но, когда ров и вал сдвигались в напольную сторону всего на 2–3 м, никакого заметного приращения площади городища не происходило. Казалось бы, гораздо проще было поступать так, как это делали жители городищ раннего железного века, продолжавшие наращивать высоту вала, постепенно сдвигая его вершину и новый ров в напольную сторону. Тем не менее в Болгаре и Суздале наблюдается совершенно иной сценарий: со сносом старого вала в ров и созданием почти по той же трассе новой линии укреплений, лишь немного превышающей по размерам предыдущую. Предложить объяснение такому варианту строительной деятельности пока не представляется возможным, однако это не отменяет сам факт такой организации дела. К сожалению, рвы перед валами исследованы пока лишь в редчайших случаях, поэтому ряд аналогий столь невелик и не позволяет составить представление о степени распространения рассматриваемого явления.

Датировка представленного здесь комплекса ровов, предложенная М. В. Седовой, довольно четкая и узкая: X – начало XI в. Основаниями для нее стали находки во рвах немногочисленной лепной керамики финского и славянского облика, а также размещение поверх рва-IV остатков сгоревшей жилой постройки, датированной по находкам и керамическому комплексу, в котором треть составляла раннекруговая керамика,

первой половиной XI в. (Седова, 1997. С. 50–51). Последняя дата пока не вызывает возражений, но надо иметь в виду, что 3 перестройки оборонительной линии не могли происходить слишком быстро, одна за другой. Вполне допустимо ожидать проведения их с интервалом в 25–30 лет, а в этом случае весь период от выкапывания рва-I до засыпки рва-IV должен был занимать не менее одного столетия, а скорее даже несколько больше времени (до двух веков). К сожалению, данные о материале из каждого отдельного рва отсутствуют в отчете и публикации, но при новых раскопках такой отдельный отбор, возможно, позволит уточнить дату перестроек этих сооружений. Впрочем, во всех рассматриваемых рвах керамика была встречена в минимальном количестве. Это свидетельствует о том, что при строительстве валов не использовался культурный слой, отложившийся на площадке городища – в дело шел только материковый суглинок и, возможно, почвенный слой, срезавшийся вне поселения.

В целом, ранняя фортификация Суздаля выглядит существенно отличающейся от той, что демонстрируют такие памятники, как Киев и Рюриково городище, защищенные в IX–X вв. мощными древо-земляными стенами. Иными словами, здесь не прослеживается связи с «ранней русской» (или «варяжской»?) традицией возведения городских укреплений. Гораздо больше сходства тут можно видеть с фортификацией финноязычных народов Поволжья и раннего Болгара. Однако слишком мало еще известно о защитных сооружениях раннедревнерусских городов и мерянских укрепленных поселений IX–X вв. Поэтому делать окончательные выводы о том, кто был строителем городища на северо-западной оконечности будущего Суздальского кремля, рано. Но следует все же указать на то, что пока нет признаков, которые позволяли бы видеть в этих укреплениях остатки детинца первоначального древнерусского Суздаля.

Следующий этап фортификационного строительства в Суздале связан с появлением укреплений по периметру всей той территории площадью 14 га, которая впоследствии стала называться кремлем. По данным М. В. Седовой, протяженность этих укреплений имеет 1400 м, высота валов колеблется от 3 до 8,5 м (максимальная – в восточной и южной частях крепости), ширина – от 18 до 25 м (Седова, 1997. С. 46). Ров фиксируется сейчас вдоль южного и восточного отрезков вала, его ширина от 25 до 35 м, глубина достигает 8,5 м. Валы имеют в сечении трапециевидную форму, поскольку верхушка вала была, возможно, срезана в XVIII в. для создания на ней прогулочной дорожки (письменными источниками эта версия не подтверждена).

Вал суздальского детинца (кремля) исследовался всего 3 раза: А. Д. Варгановым в 1939 г., П. А. Раппопортом в 1958 г. и В. В. Седовым в 1970 г. Кроме того, в 1978, 1979 и 1981 гг. в раскопы М. В. Седовой на северо-восточном краю площадки кремля попадал край вала, в основной своей части уничтоженный подмывом берега р. Каменки. В 1989–1990 гг. исследовался также участок в северо-западном углу крепости, где раскопом были затронуты внутренние склоны вала, однако никаких конструктивных частей оборонительных сооружений при этих раскопках замечено не было. При этом полный разрез вала и рва не производился никем и никогда по понятным причинам грандиозности сооружения. В раскоп А. Д. Варганова 1939 г., заложенный у западного подножия вала (рис. 1), попал шлейф осыпи этого вала длиной 4–5 м (рис. 3: А). Никакой полезной информации для определения времени создания и конструкции оборонительного сооружения этот раскоп не дал. Было установлено

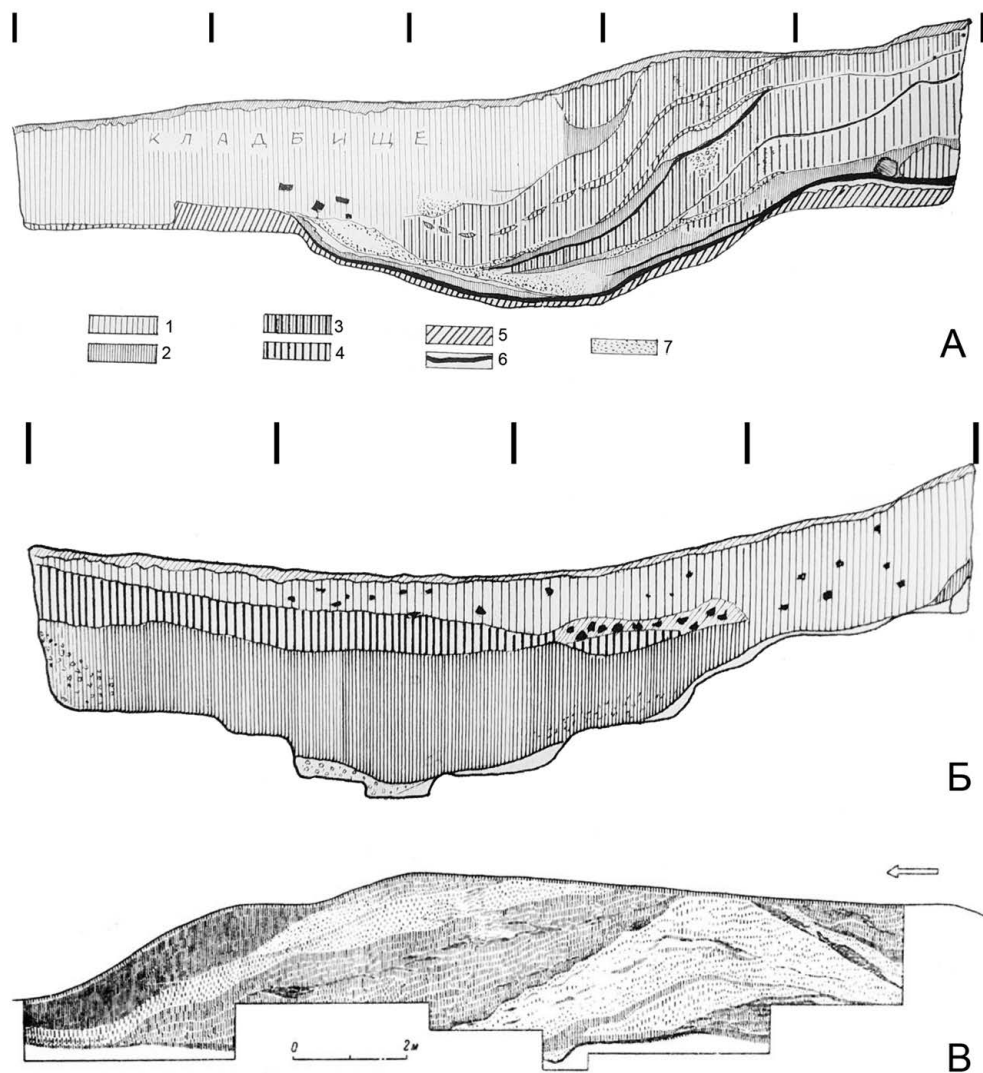

Рис. 3. Разрезы укреплений Кремля. *A* – северный профиль раскопа у западного склона вала (по: Варганов, 1939б. Л. 18) (1 – культурный слой; 2 – темная земля; 3 – глина с культурным слоем; 4 – глина; 5 – материковая глина; 6 – перегной; 7 – уголь); *B* – южный профиль раскопа во рву (по: Варганов, 1939б. Л. 22. Условные обозначения те же); *V* – западный профиль траншеи разреза вала 1958 г. (по: Раппопорт, 1961. Рис. 78)

только, что осыпь вала состоит из «желтой глины», т. е. из материкового грунта (Варганов, 1939а. Л. 6, 7; 1939б. Л. 18)⁴.

Частичный, но все же уже гораздо более протяженный (15 м) разрез вала был выполнен в 1958 г. П. А. Раппопортом (*Rapponort*, 1961. С. 99, 100. Рис. 78) в западной части северного отрезка этого сооружения, где его высота была наименьшей – около 3 м (рис. 1; 3: В). Разрез этот был доведен до материка лишь на отдельных участках (суммарно на половине длины разреза), поэтому невозможно было установить, размещались ли под этим валом засыпанные рвы укреплений X в. (эта задача и не ставилась перед исследованиями). В результате проведенных работ вал был расценен П. А. Раппопортом как «бескаркасный», а это значит, что ему нигде не встретились в нем хорошо сохранившиеся деревянные конструкции (конструкции плохой сохранности не учитывались и не фиксировались в силу примитивности применявшейся методики прорезки вала узкой траншеей, без горизонтальных зачисток и фиксации планов пластов). Разумеется, по причине методического несовершенства работ этот вывод нельзя считать достоверным. Единственным важным результатом, полученным в итоге этих раскопок, стало обнаружение в северной части разреза остатков так называемой первоначальной насыпи шириной до 10 м и высотой 2,5 м, под которой сохранился культурный слой, содержащий исключительно лепную керамику. Правда, в самой «первоначальной насыпи» автор раскопок упоминает наряду с лепной и круговую керамику (Там же. С. 100). Поскольку при раскопках в северо-западной части кремля ранние слои (до XI в.) обнаружены не были (хотя углубления в материке, включая очаги ранних жилищ, при этом фиксировались), Н. Н. Воронин сделал вывод, что весь культурный слой раннего мерянского поселения и раннеславянского поселка X в., сменившего это поселение, был срезан и перемещен в валы (Воронин и др., 1960. С. 86). Датировка этого среза и формирования «первоначального вала» была предложена в пределах рубежа XI–XII вв. (Там же). Заметим, что, придерживаясь этой даты, пришлось бы считать, что в промежутке между началом XI в. и рубежом XI–XII вв. Суздаль вообще не имел укреплений: ведь прежние (в северо-западной части площадки) были срыты и на их месте уже в первой половине XI в. стояли дома (см. выше).

Гораздо более вероятным кажется появление «первоначального вала» сразу после ликвидации мерянского мысового городища. Заметим также, что нет никакой уверенности в том, что «первоначальный вал» был именно насыпью, а не руинами древо-земляной стены: известны многочисленные примеры, когда исследователи 1950–1960-х гг. (и последующего времени) не замечали следов полностью сгнивших городской даже в профилях проложенных ими траншей. При отсутствии же планов этих траншей, фиксировавших различия в грунтах на горизонтальных зачистках, нет никакой возможности проверить достоверность выводов П. А. Раппопорта.

Возможно, валы Суздальского кремля и дата их появления оставались бы неразрешимой загадкой до сих пор, если бы не раскопки В. В. Седова на участке рядом с Ильинскими воротами на восточном валу (т. е. рядом с местом работ А. Д. Варганова в 1939 г.). Раскоп 1970 г. был заложен на месте разрушенной части вала к северу от давно уничтоженных Ильинских ворот, где сохранилась лишь самая

⁴ Благодарю О. В. Григорьеву (ИИМК РАН) за помощь в ознакомлении с материалами отчета А. Д. Варганова, хранящегося в архиве ИИМК РАН.

нижняя часть вала высотой чуть более 1 м. К сожалению, материалам этих раскопок не повезло, потому что весь отчет о работах 1970 г., поступивший на хранение в архив ИА РАН, оказался утрачен в 1992 г. В. В. Седову удалось лишь частично восстановить этот отчет, предоставив один чертеж (полевую миллиметровку) плана раскопа на уровне материка (Седов, 1970). Однако уже вскоре после проведения раскопок их автором была сделана небольшая публикация, в которой приведен не только план раскопа, но и его северный профиль (Седов, 1974. С. 61–63; Седова, 1997. Рис. 6). В этой публикации дано краткое, но четкое описание остатков городней, обнаруженных в основании той части вала, которая была обращена к городу: это были срубы шириной 4 м из бревен диаметром до 30 см, длина которых не установлена, поскольку ни одна городня полностью не вошла в раскоп (рис. 4: А). Разумеется, в полном соответствии с традицией своего времени, открытые городни были названы В. В. Седовым

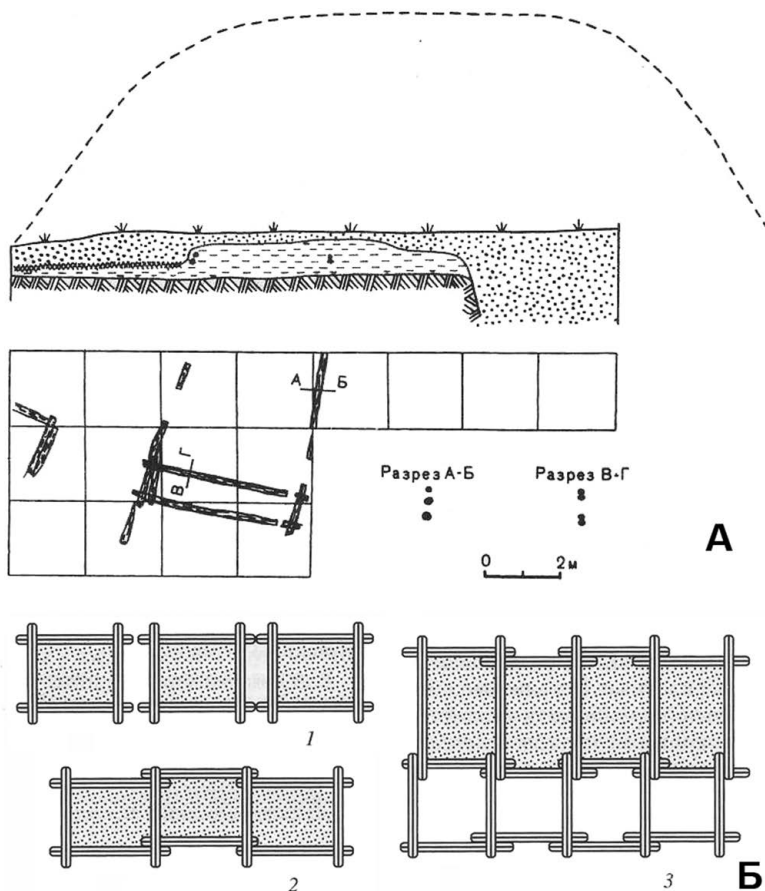

Рис. 4. Название рисунка. А – план и северный профиль раскопа 1970 г. на валу Суздальского кремля (Седова, 1997. Рис. 6: Б); Б – схемы строительства древо-земляных стен из невязаных (1) и вязаных городней (2) или городней и пустотелых клеток (3) (по: Моргунов, 2009. Рис. 19)

не остатками древо-земляной стены, а «внутривальными конструкциями». Был установлен интервал между соседними городнями – 0,6–0,7 м. По мнению В. В. Седова, соседние срубы были перевязаны друг с другом, однако эта перевязка не отражена на чертеже. Размещение бревен в городнях на плане В. В. Седова отличается от того, которое применялось при возведении взаимосвязанных городней: в этом случае между ними не остаются интервалы (узкие «простенки»), а соседние городни имеют одну общую стенку, в которую врубаются продольные бревна от разных городней – одно рядом с другим (Моргунов, 2009. Рис. 19: 2, 4) (рис. 4: Б). Поэтому в действительности обнаруженные городни не были перевязаны друг с другом, а выпуски бревен соседних городней стыковались торцами и сливались в одну линию: когда сохранность дерева невысока и оно фиксируется фактически в виде полос древесного тлена, как раз и возникает иллюзия единой связанной конструкции. Между тем строительство городских стен из не взаимосвязанных городней более характерно для XI в. (Там же. С. 48), в более позднее время от такой строительной техники отказались.

На северном профиле раскопа показан край засыпанного рва, который, вероятно, прорезал коричневый глинистый грунт, аналогичный находившемуся в заполнении городней, который залегал между ними и рвом (рис. 4: А). К сожалению, сам ров не вскрывался, и его параметры остались неизвестными. При этом В. В. Седов полагал, что этот ров принадлежал тому «валу», которому принадлежали городни. Действительно, между остатками городней и краем рва в раскопе 1970 г. никаких следов других деревянных конструкций не обнаружено, но найти их следы в траншее шириной всего 2 м было очень сложно (а раскоп в этом месте был сужен до размеров такой траншеи). Между тем пространства шириной 4 м вполне достаточно для размещения второго ряда городней. Похоже, что ров уничтожил внешний фас этого второго ряда истлевших деревянных конструкций. Если это так, то стена, открытая в 1970 г., имела ширину не менее 8 м и состояла из двух рядов городней.

Под городнями стены в раскопе 1970 г. лежали лишь прослойки древесного тлена, но к югу от раскопа при наблюдениях за земляными работами в 1969 г. на поверхности материка был зафиксирован тонкий слой с лепной керамикой. В самом глинистом грунте нижней части исследованной стены («вала» в терминологии 1970-х гг.) были найдены обломки раннегончарной керамики «гнездовского облика», в т. ч. украшенной линейно-волнистым орнаментом, которую В. В. Седов датировал X – первой четвертью XI в. Отсюда им был сделан вывод о том, что оборонительное сооружение тут было возведено в середине XI в. (Седов, 1974. С. 63). Этот вывод как нельзя лучше сочетается со способом возведения этой стены из не взаимосвязанных городней, еще широко использовавшимся как раз в XI в. (см. выше).

Засыпку открытого в раскопе 1970 г. рва В. В. Седов связывал с перестройкой «вала» в XII в. В отличие от заполнения городней (коричневого суглинки), ров оказался засыпан иным грунтом – желтым суглинком, остатки которого прослеживались и над городнями, причем они включали следы древесины, что позволило В. В. Седову предполагать, что и после перестройки тут имелись деревянные конструкции. Таким образом, в раскопе 1970 г. были обнаружены очевидные следы одной из ранних перестроек стены детинца. Однако осталось неясным, как открытая тут стена соотносится с «первоначальной насыпью» в разрезе 1958 г. и была ли «стена Седова» самой ранней фортификацией всего суздальского детинца (как полагал сам Валентин

Васильевич) или даже только в этой части кремлевского вала – ведь его внешняя часть раскопом 1970 г. вскрыта не была. Ответ на этот вопрос может быть получен в случае нового исследования участка, на котором проводились работы в 1970 г.

Целый ряд вопросов возникает к информации М. В. Седовой о том, что внутренний склон кремлевского «вала» был укреплен рядами столбов (Седова, 1997. Рис. 7: а), расположенных уступами, аналогию чему она предлагала видеть в стене западнославянского Мекленбурга, датированной VII в. (Там же. Рис. 7: б). Такие ряды столбов (как явные остатки частоколов, так и отдельные столбы, которые лишь предположительно связываются в цепочки) были зафиксированы на разных уровнях в остатках вала вдоль обрыва над р. Каменкой при раскопках 1978–1981 гг. Но связь выявленных «рядов столбов» с конструктивом древней оборонительной линии кажется сомнительной уже хотя бы потому, что вдоль вала (а позже обрыва) проходили многочисленные ограды усадеб, размещавшихся внутри кремлевской территории на протяжении всей истории существования города. Раскопные чертежи свидетельствуют скорее о позднем времени возникновения таких частоколов. Что касается стены Мекленбурга, то М. В. Седова ссылалась не на чертежи раскопок, а на реконструкцию этой стены, опубликованную в книге Петра Доната (Там же. 1997. Рис. 7: б). Но к самой этой реконструкции имеется ряд законных вопросов относительно достоверности «ступенчатого» вида ее внутреннего фаса. В любом случае полутысячелетие более ранние конструкции Мекленбурга не имеют отношения к суздальским реалиям.

Вероятно, мысль о ступенчатом строении внутренней стороны кремлевского «вала» явилась результатом восприятия сообщения о «ступенях» высотой 0,2–0,3 м, замеченных на внутреннем склоне вала при работах 1958 г. (Воронин и др., 1960. С. 86). Изучение разреза в публикации П. А. Раппопорта (рис. 3: В) показывает, что на внутреннем склоне вала ничего подобного не наблюдается, но что-то похожее на «ступени» (вернее было бы говорить о неровностях склона) можно заметить на внутреннем склоне «первоначальной насыпи», находящейся в центре изученного вала. Но ни описание разреза, ни чертеж не несут никаких данных о том, что эти «ступени» сопровождалась бы каким-то столбами. Поскольку в 1958 г. «ступени» фиксировались фактически в сердцевине современного вала, а в раскопах М. В. Седовой вскрывались остатки внутреннего склона позднейшего вала, никакой связи между рассматриваемыми разновременными и, видимо, разными по генезису структурами проследить невозможно.

Единственным объектом, который действительно мог быть связан с древней фортификацией, является траншея шириной 0,4–0,5 м с остатками частокола из наклонно врытых кольев, обнаруженная на уровне материка недалеко от обрыва к р. Каменке (Седова, 1997. С. 55). Возможно, это остатки частокола, предшествовавшего строительству древо-земляной стены по краю площадки.

Отдельного рассмотрения требует датировка древнейшей стены Суздальского детинца (кремля). Как отмечалось выше, впервые она (в облике «первоначальной насыпи») была предложена Н. Н. Ворониным в пределах рубежа XI–XII вв., причем столь узкая датировка фактически не была как-то обоснована. М. В. Седова полностью приняла эту хронологию и стала называть сохранившиеся до наших дней валы «Мономаховым городом», исходя из вполне логичного посыла о необходимости

возобновления города Владимиром Мономахом после его сожжения Олегом Святославичем в 1096 г. и в связи со строительством каменного Успенского собора около 1101–1102 гг. (Седова, 1997. С. 13). Однако при таком подходе пришлось бы допускать, что Олег Святославич сжег Суздаль, не имевший никаких серьезных укреплений. Остается неясным, почему после ликвидации в начале XI в. валов и рвов мысового поселения IX–X вв. древнерусский Суздаль не обрел своих собственных оборонительных сооружений и прошло почти 100 лет, пока они у него появились. В этой связи предположение В. В. Седова о строительстве открытой им линии городской в середине XI в. кажется гораздо более приемлемым вариантом. При этом нельзя исключать того, что «стена Седова» не была самой ранней древнерусской фортификацией Суздальского детинца в XI в. и ей предшествовали другие конструкции (стены или ряды частоколов).

Конечно, известны, причем именно и только на северо-востоке Руси, примеры городов без следов стен (Ростов и Белоозеро), однако нельзя исключать того, что и у этих городов были когда-то укрепленные площадки, стены которых по каким-то причинам не сохранились в виде валов. Для Суздаля безкрепостной период наименее вероятен, поскольку укрепления имел как предшествующий ему мерянский (или меряно-славянский?) поселок, так и город XII–XV вв. В этом случае разрыв в фортификационном строительстве на протяжении XI в. видится труднообъяснимым.

Если допустить, что остатки стены, открытой в 1970 г., принадлежат оборонительной линии XI в., то на рубеже XI–XII вв., в эпоху Владимира Мономаха, стена Суздаля была не создана на пустом месте, а обновлена с существенным увеличением ее размеров. Следы этой, а также последующих перестроек, как и следы сожжения городских стен в 1238 г., надо искать в толще нынешнего вала. Совершенно очевидно, что вал высотой более 8 м мог сформироваться только в результате многократного разрушения и восстановления древо-земляных стен. Разумеется, в Новое время, когда на смену древо-земляным стенам стали приходиться бастионные насыпи, тут могли производиться и досыпки грунта, но эти контексты еще предстоит выявить и установить дату их появления. Поскольку никаких следов бастионной планировки Суздальского кремля не прослеживается, более вероятным кажется другой вариант объяснения «досыпок». Те массивы грунта, что обнаруживаются на склонах валов (и суздальского вала в частности) можно связывать с заполнением городской позднейших древо-земляных стен, воздвигавшихся поверх остатков более ранних стен (т. е. поверх «вала»), которые впоследствии были разрушены и сброшены на склоны. Такая схема развития событий гораздо более соответствует традициям русского крепостного зодчества, развивавшегося с X по XVI в., вплоть до полного перехода к строительству каменно-кирпичных, полностью земляных (бастионных) и полностью деревянных (пустотелых) стен.

Необходимо добавить, что нынешний ров перед кремлевским валом фактически также остается неисследованным. Единственную попытку сделать его прорезку предпринял А. Д. Варганов в 1939 г., но заложенная им траншея имела длину всего 8 м (Варганов, 1939а. Л. 9, 10; 1939б. Л. 22, 23), т. е. составляла только 1/4 ширины рва (рис. 3: Б). Материалы этой прорезки показали, что верхнюю часть заполнения рва составляет грунт с керамикой и находками XVIII–XIX вв., т. е. это поздняя засыпка привезенной со стороны земель. В самой верхней части заполнения рва,

буквально под дерном была зафиксирована прослойка желтоватой глины, которая могла быть следами сброса в ров грунта, из которого была сложена вершина вала. Таким образом, хотя работы 1939 г. и дали некоторую информацию о рве и его заполнении, они не позволяют даже приступить к установлению этапов расширения и углубления этого сооружения. Нет даже уверенности в том, что в 1939 г. было достигнуто материковое дно рва, поскольку склоны рва, стоявшего на протяжении 500–700 лет, неизбежно оплывали. А. Д. Варганов делал зондаж на «дне», но выявленные в этом зондаже структуры не вполне ясны. Это мог быть как нетронутый материк, так и заплывы материковым грунтом, засыпка ранних углублений в ходе более позднего углубления рва.

К сожалению, прорезка грандиозного вала и огромного рва Суздальского кремля пока не представляется возможной из-за чрезмерно высокой стоимости и трудоемкости таких работ, однако без их проведения в будущем ответить на вопросы об этапах перестройки стен Суздальского кремля просто невозможно. В качестве альтернативы капиталоемким раскопкам вала можно предложить повторное изучение недоисследованного в 1970 г. участка между разрушенными Ильинскими воротами и краем подрезанного вала, где могли сохраниться еще многие фрагменты самых ранних укреплений Суздальского кремля. Такие раскопки не позволят ответить на все вопросы истории создания этого вала, но, несомненно, они дали бы шанс уточнить время создания первоначальной стены города, определить размеры рва, обнаруженного под валом в 1970 г. В перспективе раскопки можно было бы продолжить и на дне существующего большого рва, что принесло бы новые сведения об этапности его создания.

Литература

- Варганов А. Д.*, 1939а. Земляные валы г. Суздаля (отчет археологических работ 1939 г.) // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 98.
- Варганов А. Д.*, 1939б. Чертежи и фотографии к отчету по исследованию земляных валов г. Суздаля в 1939 г. // Архив ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. Д. 100.
- Воронин Н. Н., Гуссаковский Л. П., Никитин А. В., Ратнопорт П. А., Седов В. В.*, 1960. Среднерусская экспедиция // КСИА. Вып. 81. С. 86–94.
- Губайдуллин А. М.*, 2019. Фортификация в Среднем Поволжье в X – первой половине XVI вв. Казань. 323 с. (Археология Евразийских степей; № 3.)
- Данилов В. В.*, 1992. Древнейшие укрепления Суздаля // Городецкие чтения. Городец: Городецкий музей. С. 42–46.
- Коваль В. Ю.*, 2011. «Ростиславльский курган» (вал городища раннего железного века на Ростиславле) // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 35–58.
- Коваль В. Ю.*, 2015. Главная линия оборонительных укреплений Ростиславля Рязанского // РА. № 1. С. 73–87.
- Коваль В. Ю., Бадеев Д. Ю.*, 2021. Фортификация цитадели Болгара // Поволжская археология. № 4. С. 8–21.
- Комар О.*, 2013. «Дохристиянська» монументальна архітектура Староківицької гори (проблеми датування та атрибуції) // *Opus Mixtum*. Київ. № 1. С. 106–121.
- Михеев А. В.*, 2018. Средневековый слой Ардинского городища (по материалам исследований 2013 года) // Поволжская археология. № 1. С. 241–252.

- Моргунов Ю. Ю.*, 2009. Древо-земляные укрепления Южной Руси X–XIII вв. М.: Наука. 303 с.
- Раппопорт П. А.*, 1961. Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // МИА. № 105. 246 с.
- Седов В. В.*, 1970. Отчет об археологических раскопках в Суздале в 1970 г. // Архив ИА. РАН. Р-1. № 4208.
- Седов В. В.*, 1974. Две заметки по археологии Суздаля // Культура средневековой Руси. Л.: Наука. С. 61–64.
- Седова М. В.*, 1997. Суздаль в X–XV веках. М.: Русский мир. 320 с.
- Седова М. В., Сабурова М. А., Родина М. Е., Михайлова Л. А., Чалых Н. Е.*, 1986. Отчет Владимиро-Суздальской экспедиции за 1986 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 11962.
- Седова М. В., Чалых Н. Е.*, 1983. Отчет о работе Владимиро-Суздальской экспедиции за 1983 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9863.
- Сыроватко А. С.*, 2009. Юго-Восточное Подмоскowie в железном веке. М.: ЧеБук. 351 с.

Сведения об авторе

Коваль Владимир Юрьевич, Институт археологии РАН;
e-mail: kovaloka@mail.ru

V. Yu. Koval

ON THE FORTIFICATION OF THE SUZDAL CITADEL IN THE 10th–12th CENTURIES

Summary. The fortifications of Suzdal, one of the most ancient cities of North-Eastern Rus', were studied archeologically only a few times – in 1939, 1958, 1970, 1981–1986. The most ancient fortifications of the Merya settlement of the 10th century (with an area of about 1 ha), which preceded the ancient Russian city, were discovered in the northwestern part of the Suzdal Kremlin. Four filled-in ditches replacing each other were found. After backfilling the previous ditch, a new one was pulled out with a shift to the field side. The last ditch was filled up in no later than the beginning of the 11th century. Today, detinets of ancient Russian Suzdal with an area of 14 ha is surrounded by a rampart up to 8.5 m high. In 1970, the remains of a wood-and-earth wall were found at the base of this rampart, presumably dating back to the 11th century. Numerous reconstructions of this wall over the next 500 years led to the formation of the modern “rampart”. The ditch in front of this rampart was also barely explored. The grandiose dimensions of the structure make it difficult to completely cut through and exhaustively study it.

Keywords: ditch, rampart, wood-and-earth walls, fortifications, medieval Rus', archaeology, city, forthill.

Д. А. Кабаев

СЕВЕРНЫЙ МОГИЛЬНИК СУЗДАЛЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОХРАННЫХ РАСКОПОК ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ)

Резюме. В статье представлены результаты раскопок Северного могильника Суздаля XI – первой половины XII в., произведенных в 2015–2022 гг. В научной литературе этот могильник значился как могильник у стен Ризоположенского монастыря и впервые был исследован М. В. Седовой в 1991 и 2001 гг. В рамках изучения культурного слоя монастыря на площади 364 кв. м обнаружено 23 захоронения, 11 из них в курганах. Повторное обнаружение некрополя в 2015 г. и последующие его исследования в 2017, 2021 и 2022 гг. позволили установить его восточную и западную границы. В результате этих работ в раскопах на площади 255,42 кв. м изучено 16 ингумаций в могильных ямах с западной ориентировкой XI – начала XII в. Захоронения как курганные, так и бескурганные. В 4 женских погребениях обнаружен сопровождающий инвентарь – височные кольца и перстни.

Новые полевые исследования к северу от укреплений Окольного города Суздаля показывают, что Северный могильник был большим городским средневековым кладбищем с разнообразными погребальными обрядами – подкурганными ингумациями и грунтовыми погребениями.

Ключевые слова: Древняя Русь, Суздаль, Северный могильник, погребальный обряд, курганы, ингумации.

Северный могильник Суздаля расположен в северной части современного города на левобережной территории к северу от укреплений Окольного города, между улицами Ленина и Гастева, и удален в восточном направлении на 290–410 м от русла р. Каменки. Впервые могильник обнаружен в 1991 г. М. В. Седовой в ходе раскопок в северной части двора Ризоположенского монастыря за его западной стеной. Под слоем поселения XII–XIII вв. обнаружены остатки курганного некрополя (Седова, 1997. С. 141). Работы были продолжены в 2001 г. на площади 364 кв. м. Изучено 23 захоронения, из них 11 – в курганах (Нестерова, 2008. С. 197). По итогам тех работ границы могильника не были установлены. Предполагалось, что занимаемая им площадь ввиду удаленности от реки была очень велика, количество

Рис. 1. Раскопки Северного могильника последних лет на космоснимке г. Суздаля (ресурс: www.maps.yandex.ru, 2021 г.)

насыпей – не меньше, чем в Михайловском некрополе (Седова, 1997. С. 142). Это – городской некрополь, верхняя граница существования могильника, рубеж XI–XII вв.

Работы последних лет охватили территорию к северу от Ризоположенского монастыря (рис. 1). Могильник был обнаружен на ул. Энгельса на отрезке между ул. Ленина и Гастева, а также на ул. Ленина в районе д. 87А, 89 на удалении в 200 м от северной стены монастыря. На ул. Энгельса в трех небольших раскопах в районе д. 2, 4 и с южной стороны д. 81 по ул. Ленина найдены курганные ровики, имевшие вид канав и траншей с покатыми стенками глубиной 20–40 см, заполненные серым гумусом с прослойками и комками материкового суглинка. По ул. Энгельса курганные ровики обнаружены в 11 и 140 м к западу от красной линии застройки ул. Ленина. В раскопе 2, расположенном в северо-восточной части Ризоположенского монастыря в 5 м к югу от северного въезда, прослежен край могильной ямы. Проектные работы позволили не делать прирезку и не вскрывать могильную яму. На ул. Ленина в районе д. 87А, 89 в трех раскопах на площади 255,42 кв. м изучено 16 захоронений: 3 захоронения в 2015 г., 2 захоронения в 2017 г. и 11 захоронений в 2021 г. По результатам

археологических работ последних лет можно установить западную и восточную границы Северного могильника. Восточную следует определить красной линией застройки ул. Ленина, так как восточный край кургана 1 отступал от нее на 4 м в западном направлении. Западную границу можно провести по ул. Гастева. За проезжей частью улицы в ходе археологических работ в рамках реконструкции стадиона «Спартак» по ул. Гастева, 1Б изучена посадская застройка XII–XIII вв. (Баранов, Милованов, 2018. С. 18). Захоронений не обнаружено.

На территории, удаленной от современной улицы, могильные ямы и курганы в раскопах прослеживались с уровня погребенной почвы. На границе древней почвы и средневекового слоя фиксировались тонкие полосы рассыпанных курганных насыпей. В раскопе 2017 г. установлено, что могильник формируется на пахотном горизонте. Древняя почва на этом участке достигала мощности 30–35 см и сформирована трехчастной структурой. Центральная часть почвенного горизонта имела более темный окрас, над материком – более светлый цвет. В почвенном горизонте фиксируются следы пахоты в виде ломаных или неровных границ, не затронувшей материк. Ближе к красной линии застройки ул. Ленина древний почвенный горизонт практически отсутствовал.

Все захоронения выполнены по обряду ингумации (рис. 2). Захоронения как курганные, так и бескурганные. Курганных захоронений – 8 в 6 курганах: женских индивидов – 3, мужских – 2, 1 девочка-подросток и 1 ребенок. Один курган разрушен. Захоронения как одиночные, так и парные. Парные захоронения есть в двух курганах раскопа 2021 г.: в кургане 1 – захоронение женщины и девочки-подростка, в кургане 3 – захоронение женщины и ребенка. Размеры округлых курганных площадок колеблются от 3,8 до 6,8 м. Большинство курганов имело ровики, из которых бралась земля для насыпи. В семи случаях ровики представляли собой отдельные ямы, окружавшие захоронения или располагавшиеся с какой-нибудь одной стороны, приобретающая вид полукольца. В одном случае зафиксировано, что ровик был общим для двух курганов (курган 2 и 3 в раскопе 2021 г.). В этом случае ровики достигали в ширину 160–210 см и в глубину 40–60 см. В двух случаях могильные ямы были окружены кольцевыми канавками (курган 1 в раскопе 2017 г. и курган 3 в раскопе 2021 г., рис. 2; 3: 1). Ширина канавок составляла 20–40 см при глубине 15–20 см. Заполнение – темный гумусированный суглинок с включениями мелких угольков. Следов частокола и присутствия древесного тлена в заполнениях не выявлено. В трех случаях могильные ямы были оформлены полукольцевыми канавками: в двух случаях с восточной стороны (курганы 2, 4 раскопа 2021 г.), в одном случае с западной стороны (курган 1 в раскопе 1 2015 г.). Эта группа курганов соотносится с первой группой курганов на Михайловой стороне, где ровики наблюдались в виде полукольца и отдельных ям и под насыпями курганов с уровня предматерикового слоя прослеживались кольцевые канавки вокруг могил (Седова, 1997. С. 149). Канавки, окружающие погребения, – выразительные элементы древнерусской погребальной обрядности, известны на памятниках различных областей Руси, в Среднем и Смоленском Поднепровье, в Подесенте, в Полесье, на Оке, в Москворецком бассейне (Макаров и др., 2021. С. 17). Для Суздальских могильников канавка с одной стороны – выразительный элемент обустройства участков захоронений, выражающий единство местной традиции (Там же). У кургана 1 из раскопа 2021 г. канавки отсутствовали (рис. 4: 1). Ровик

Рис. 2. Сводный план материковых объектов в раскопе 2021 г.

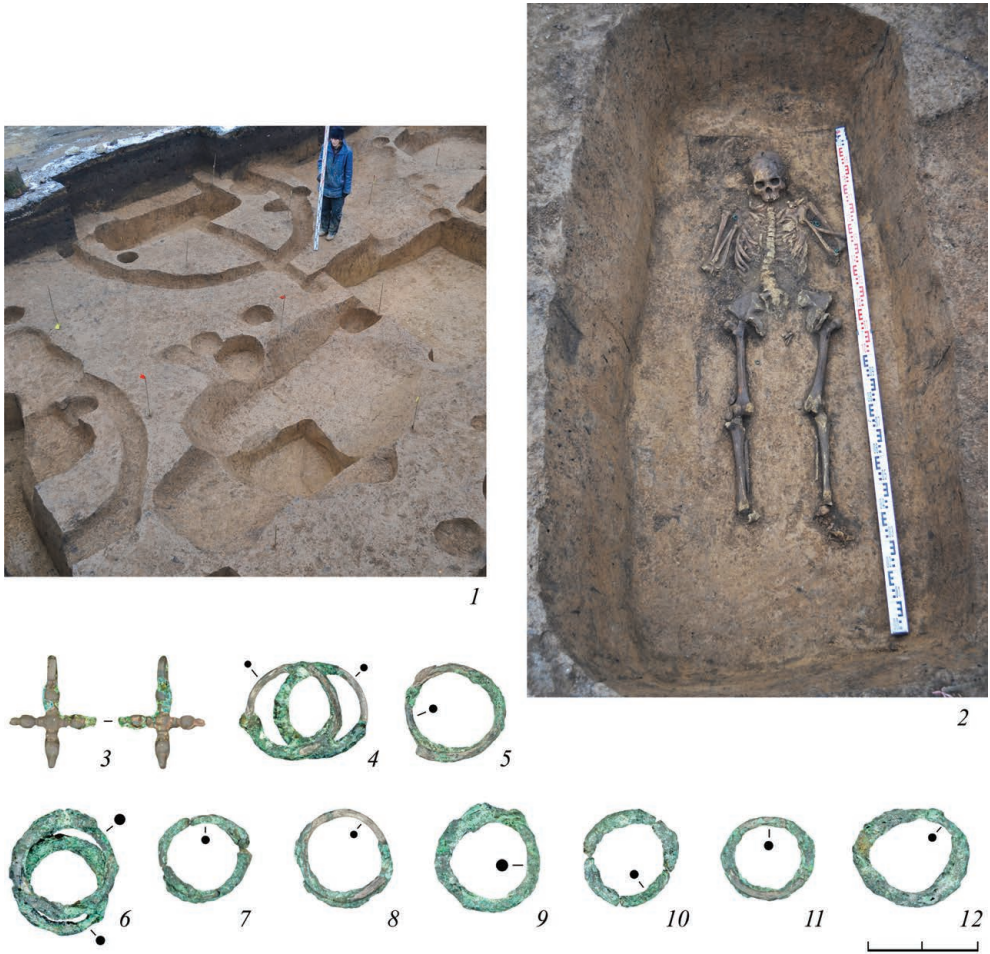

Рис. 3. Курган 3 в раскопе 2021 г. 1 – курган 3, вид с юго-запада; 2 – захоронение 7, вид с востока; 3 – нателный крестик; 4–12 – височные кольца

имеет форму полукольца, обрамляющего могильные ямы с северной и западной сторон. Его ширина составляет 65–115 см при глубине 20 см. Этот курган соответствует второй группе курганов Мжарского могильника (Седова, 1997. С. 151).

Все захоронения выполнены в прямоугольных могильных ямах длиной 210–280 см, шириной 80–130 см. Глубина могильных ям составляет 30–70 см. Обряд захоронения – труположение на спине с западной ориентировкой. Руки покойных сложены в районе живота и таза. В захоронении 1 раскопа 1 2015 г. правая рука сложена на животе, левая вытянута вдоль тела. Остатки деревянной конструкции прослежены только в захоронении 7 кургана 3 – тонкие полосы древесного тлена в голове и вдоль правой стороны костяка.

Рис. 4. Курган 1 в раскопе 2021 г. 1 – курган 1, вид с юго-запада; 2 – захоронения 2, 3, вид с востока; 3 – перстень из захоронения 3; 4 – височное кольцо из захоронения 3

Сопровождающий погребения инвентарь найден в трех женских захоронениях. Это украшения из цветных металлов. В захоронении 1 из раскопа 2015 г. на пальце левой руки обнаружен перстень с заходящими концами и гравированным орнаментом, имитирующем витые. Подобные перстни получили широкое распространение по всей территории Древней Руси. Их находят как в культурном слое городов и селищ, так и в погребениях XII – начала XIII в. (Зайцева, 2008. С. 123–124. Рис. 110; 111). В захоронении 3 из кургана 1 найден подобный перстень, однако имитация витых передана тонкими насечками на торцевых сторонах (рис. 4: 3). Еще одна

находка – это трехбусинное височное кольцо (рис. 4: 4). Его точное изначальное расположение установить невозможно, так как захоронение имело неполное анатомическое расположение. Череп находился в районе живота (рис. 4: 2). Причина аномального расположения черепа не установлена по причине плохой сохранности (отсутствовали лицевые кости и разрушены шейные позвонки). Это захоронение пожилой женщины с выраженным остеопорозом. Височное кольцо также обнаружено в районе живота. Диаметр кольца – 2 см. Один конец дужки украшения отогнут и сложен в виток, второй конец обрублен. У петлеобразного конца в 2 витка намотана проволока для фиксации бусин. На кольцо нанизаны 3 узелковые бусины, сплетенные из тонких сканных проволочек, и какое-то изделие (возможно, бракованное) из синего стекла. Узелковые кольца найдены в захоронениях Мжарского могильника при раскопках Владимирских курганов (*Спицын*, 1905. С. 52. Рис. 140). Такие кольца обнаружены в культурном слое Новгорода второй четверти XI в. (*Седова*, 1981. С. 14; 1997. С. 155) и на памятнике Минино II в захоронении 3 первой половины XII в. (*Зайцева*, 2008. С. 103. Рис. 94). М. В. Седова отмечает, что трехбусинные височные кольца с узелковыми бусинами встречаются в сельских курганах XI–XII вв. и в культурном слое городских усадеб Суздаля XI в. (*Седова*, 1997. С. 163). По ее наблюдениям, узелковые кольца выполнены как бы рукой одного мастера. Левашова и Спицын отмечают специфику Владимиро-Суздальских курганов как средоточие трехбусинных височных колец наряду со Средним Поднепровьем (*Спицын*, 1905. С. 102, 139–140; *Левашова*, 1967. С. 22). На других территориях такие кольца также встречаются, но их находки единичны и дисперсны.

Еще один набор женских украшений найден в захоронении 7 кургана 3 в раскопе 2021 г. (рис. 3: 2). Набор украшений состоял из 11 перстневидных височных колец с заходящими на 1/3 или 1/4 диаметра кольца рублеными концами (рис. 3: 4–12). Диаметр колец – 14–16 мм. Расположение колец следующее: 2 височных кольца найдены под головой, 1 височное кольцо найдено у правого бедра, 2 височных кольца обнаружены на левом плече, 3 височных кольца расчищены на правом плече и 2 височных кольца найдены на левом локте. Расположение колец, вероятно, указывает на оформление прически. В монографии М. В. Седовой приведены сведения из раскопок на Михайловой стороне о 16 комплексах, содержащих только перстнеобразные кольца в количестве от 1 до 12 (*Седова*, 1997. С. 154). Многочисленные височные кольца вплетались в волосы в виде цепочек вертикальных и горизонтальных. находка одного кольца у внутренней части бедра может указывать на то, что это кольцо могло использоваться в качестве закрепки или для подвешивания. Перстнеобразные кольца с заходящими концами преобладают в Волго-Клязьменском междуречье, имеют широкую хронологию. Спицын датирует такие кольца XI–XII вв. (*Спицын*, 1905. С. 18–19. Рис. 123).

В засыпке захоронения в ногах найден нательный медный крестик (рис. 4: 3). Нательный медный крестик с шариками на концах и средокрестием в виде шарика, а также напаянными капельками металла на шарики лопастей датируется XII в. Подобный крестик найден на Пировом городище (*Муравьева*, 1999. С. 12).

Бескурганых захоронений изучено 8. Бескурганые захоронения выполнены по обряду ингумации в грунтовых ямах. Они были выявлены по всей площади вскрытых участков. Все захоронения с западной ориентировкой в вытянутом положении,

лежа на спине. Захоронения лежат в прямоугольных могильных ямах длиной 230–300 см, шириной 110–144 см. Четыре захоронения в раскопе 2021 г. локализовались в его центральной части на расстоянии около 2,5 м и образуют подобие ряда в направлении север – юг (рис. 2). В могильных ямах располагались костяки со сложенными руками в районе живота и таза. Два захоронения были определены как мужские, одно – женское. К женскому погребению подзахоронен ребенок. Одно бескурганное захоронение девочки-подростка обнаружено в раскопе 2017 г., 2 захоронения – в раскопе 2015 г. В захоронении 3 останков не обнаружено, захоронение 2 было определено как мужское. У захоронения 2 правая рука сложена на животе, левая – вытянута вдоль тела.

Следы деревянных конструкций прослеживались в основном на стратиграфических разрезах могильных ям в виде вертикальных полос супесей. Только на дне могильной ямы захоронения 1 (раскоп 2021 г.) удалось проследить деревянные конструкции. Вдоль тела погребенного, а также в голове и ногах фиксировались полосы древесного тлена разной толщины. В местах пересечения полос тлена расчищено 7 кованых железных гвоздей. Это сооружение может соответствовать конструкциям Мжарского могильника. М. В. Седова приводит описание наиболее полно сохранившейся конструкции в погребении 1 кургана 57, представляющей собой клеть, перекрытую сверху досками и поставленную на настил из вертикальных досок, скрепленных снизу поперечными планками в голове и ногах (Седова, 1997. С. 151–152). Также под пяткой правой стопы расчищены остатки кожаной обуви.

Погребальный инвентарь найден в одном захоронении. В женском захоронении 4 у левого виска обнаружены перстневидные височные кольца – серебряное с завязанными на две стороны концами и медное с заходящими концами, датируемые XI – началом XII в. (рис. 5). Диаметр колец – 18 и 15 мм соответственно. Проволочные перстневидные височные кольца из серебра обнаружены в захоронениях у западной стены Ризоположенского монастыря (Там же. С. 142).

Существенная деталь обряда захоронения – это размеры могильных ям. В трех захоронениях размеры могильных ям значительно превышали размеры самих тел. Их длина составила 280–300 см. Погребальный инвентарь либо отсутствовал, либо был очень скромным. В раскопе у стен Ризоположенского монастыря устанавливается зависимость размера могильной ямы от погребальной конструкции. Длина могильных ям, где погребенные находились в клетях, больше, чем у могил с гробовинами (Нестерова, 2008. С. 197). Возможно, это связано с социальными, этническими или возрастными отличиями. В могильнике на Михайловой стороне в больших ямах чаще производились погребения мужчин, причем многие из этих могил были безынвентарными (Седова, 1997. С. 148). М. В. Седова устанавливает безусловную зависимость размера и глубины могильной ямы от пола, возраста и социальной принадлежности погребенных. Общая датировка этого памятника: XI – первая половина XII в. В северной части Северного могильника в больших могильных ямах зафиксированы захоронения не только мужчин, но и женщин, и девочки-подростка. Очевидно, половозрастные характеристики погребенных индивидов не стоит учитывать. М. В. Седова высказала мнение, что размеры могильных ям Мжарского могильника могут отражать социальный статус погребенных. Большие могильные ямы использовались для погребения суздальской аристократии, «поскольку другие способы выражения их

Рис. 5. Височные кольца в захоронении 4 (раскоп 2021 г.). Вид с востока

высокого социального положения уже были недопустимы по нормам христианской религии» (Седова, С. 163).

Таким образом, в северном могильнике присутствуют как курганные, так и бескурганные захоронения. Одновременное существование подкурганной и бескурганной формы погребения прослежено во многих областях Руси. Широкое распространение грунтовые могильники получили в южнорусских землях (в Среднем Поднепровье, на Волыни и в Прутско-Днестровском регионах), на северо-восточной периферии Руси – на белом Озере и р. Шексне (Макаров, Зайцева, 2016. С. 186).

В целом обряд захоронения в раскопах последних лет повторяет результаты исследования М. В. Седовой у стен монастыря. По погребальному инвентарю захоронения в северной части могильника можно датировать XI – первой половиной XII в. Это городской некрополь, синхронный некрополю на Михайловой стороне.

Со второй половины XII в. по мере роста населения города шло жилое освоение территории Северного могильника (Седова, 1997. С. 141). Курганные насыпи срываются. Этот процесс прослеживался в стратиграфии отдельных курганных ровиков – множественные чередующиеся наслоения материкового суглинка и древней почвы. В раскопе 2 2017 г. разровненная курганная насыпь прослеживалась в виде тонкой полосы материкового желтого суглинка, лежащей на древней почве, как на курганной площадке, так и за ее пределами. Могильник перерывает культурный слой второй половины XII – XIII в. С этим горизонтом связаны котлованы четырех подполий жилых построек и семи хозяйственных ям, а также столбовые ямы и канавки (рис. 2). Ямы вписаны в межмогильное пространство и фактически не нарушают захоронения. Из жилого горизонта второй половины XII – XIII в. происходит ряд находок: железные ножи (рис. 6: 2, 3), механизм железного навесного цилиндрического замка (рис. 6: 17), шиферные и глиняное пряслица (рис. 6: 8–10), цельный трапецевидный двусторонний костяной гребень линзовидного сечения (рис. 6: 1), датируемый XII–XIV вв. (Баранов, 2020. С. 169), стеклянные браслеты (рис. 6: 20–22), стеклянные зонные бусы и стеклянная вставка каплевидной формы (рис. 6: 4–7). Изделия из цветных металлов представлены двумя нательными медными крестиками с ромбовидным средокрестием, с утолщением на концах лопастей в одном случае и шариками на концах во втором случае (рис. 6: 18, 19). Такие крестики датируются XII–XIII вв. и известны по находкам во Владимире и Пировых Городищах (Муравьева, 1999. С. 10). Найден пластинчатый широкосрединный непрорезной перстень, датируемый второй половиной X – XII в. (Зайцева, 2008. С. 121), треугольная привеска от шумящей подвески, стержневидный ременной наконечник, медный бубенчик с рельефным пояском (рис. 6: 13–16). К предметам импорта относятся обломки амфор (рис. 6: 31) и 2 фрагмента сосудов импортного производства из синего прозрачного стекла с росписями цветными эмалями и золотом (рис. 6: 11, 12). В раскопе 2021 г. среди находок особую группу составляют предметы, связанные с ювелирным производством (рис. 6: 23–30): обрезки медных пластин, выплески металлов, литник, ювелирный пинцет и фильера (волока) – металлическая пластина с тремя рядами отверстий для протаскивания проволоки. Найдено более 50 обломков тиглей и целый тигель-льяхка для приготовления эмалей. Похожий предмет известен по раскопкам в Новгороде на усадьбе конца XII в. художника Олисея Гречина.

Северный могильник Суздаля является еще одним городским некрополем XI – первой половины XII в., так же как и могильник на Михайловой стороне. Он располагается вблизи Окольного города к северу. Сегодня границы могильника окончательно не определены. С запада и востока его ограничивают ул. Гастева и Ленина соответственно. По выявленным захоронениям размеры Северного могильника составляют: по линии С – Ю – 250 м, по линии В – З – 155 м. В некрополе обнаружено разнообразие погребального обряда – подкурганные ингумации и грунтовые погребения. Погребальный инвентарь в могильнике ограничивается немногочисленными женскими украшениями – височными кольцами и перстнями. В нем отсутствуют

Рис. 6. Находки из жилого горизонта второй половины XII–XIII вв. 1 – гребень; 2, 3 – ножи; 4–6 – бусы; 7 – вставка; 8–10 – пряслица; 11, 12 – фрагменты стеклянных сосудов; 13 – ремной наконечник; 14 – бубенчик; 15 – перстень; 16 – привеска к подвеске; 17 – механизм замка; 18, 19 – кресты-тельники; 20–22 – браслеты; 23 – литник; 24, 25 – медные обрезки; 26, 27 – фрагменты тигля и льячки; 28 – тигель-лячка; 29 – ювелирный пинцет; 30 – фильера (волока); 31 – фрагмент амфоры

бытовые предметы и орудия труда, распространенные в инвентаре сельских могильников. Скучный погребальный инвентарь или его полное отсутствие может свидетельствовать о значительной степени христианизации суздальского городского населения. Косвенным доказательством служит находка медного крестика в засыпке погребения 7 раскопа 2021 г., принадлежавшего, очевидно, человеку, выполнявшему обряд захоронения, и утраченного во время погребения.

Литература

- Баранов Н. А., 2020. Суздальские гребни из кости и плотного рога (по материалам охранных археологических исследований 2008–2019 гг.) // АВСЗ. Вып. 10. М.
- Баранов Н. А., Милованов С. И., 2018. Кремль, Окольный город и Посадская часть города Суздаля (Владимирская область) // Города, селища, могильники. Раскопки 2017. М. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 25).
- Зайцева И. Е., 2008. Изделия из цветных металлов и серебра // Археология севернорусской деревни X–XIII веков. Т. 2. М.
- Кабаев Д. А., Володина Т. Е., 2017. Археологические раскопки в Суздале на ул. Ленина, 89 // АВСЗ. Вып. 7. М.
- Левашова В. П., 1967. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Труды ГИМ; вып. 43).
- Макаров Н. А., Зайцева И. Е., 2016. Бескурганые ингумации в могильнике Шекшово: новые материалы к изучению // АВСЗ. Вып. 6. М.
- Макаров Н. А., Красникова А. М., Узулава Н. Д., 2021. Первые результаты раскопок могильника Гнездилово под Суздалем // АВСЗ. Вып. 11. М.
- Муравьева А. Н., 1999. Энколпионы и кресты-тельники XI – н. XVI вв. из археологических коллекций ВСМЗ: каталог. Владимир.
- Недошивина Н. Г., 1967. Перстни // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. С. 253–274. (Труды ГИМ; вып. 43).
- Нестерова Н. В., 2008. Городские некрополи средневекового Суздаля по археологическим данным // АВСЗ. Вып. 2. М.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Седова М. В., 1997. Суздаль в X–XV вв. М.
- Спицын А. А., 1905. Владимирские курганы // ИАК. № 15. СПб.

Сведения об авторе

Кабаев Данил Андреевич, ООО «Владимирский областной центр археологии при ВлГУ»;
e-mail: d.kabaev@mail.ru

D. A. Kabaev

NORTHERN BURIAL GROUND OF SUZDAL (BASED ON SECURITY EXCAVATIONS IN RECENT YEARS)

Summary. The paper presents the results of excavations of the Northern burial ground of Suzdal in 11th – first half of 12th century, conducted in 2015–2022. In scholarly literature, this burial ground was listed as a burial ground near the walls of the Rizopolozhensky monastery and was first investigated by M. V. Sedova in 1991 and 2001. During the study of the cultural layer of the monastery, 23 burials were discovered on 364 sq. m., 11 of them in mounds. The rediscovery

of the necropolis in 2015 and its subsequent research in 2017, 2021 and 2022 allowed to establish its eastern and western boundaries. As a result, the excavations in the area of 255.42 sq. m. have studied 16 inhumations of 11th – early 12th century in the grave pits with western orientation. Burials are both mound and ground burials. 4 female burials contained grave goods – temple rings and finger rings. New field research to the north of the fortifications of the Okolny Town of Suzdal show that the Northern burial ground was a large urban medieval cemetery with a variety of funeral rites – mound inhumations and ground burials.

Keywords: Ancient Russia, Suzdal, Northern burial ground, funeral rites, mounds, ground burials.

С. В. Очеретина, И. А. Афонькин

ОБНАРУЖЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОГО РАНЕЕ НЕКРОПОЛЯ НА ТЕРРИТОРИИ НОВОГО ГОРОДА ДРЕВНЕГО ВЛАДИМИРА (АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ 2020 г.)

Резюме. Статья посвящена исследованиям, проведенным на территории Нового города древнего Владимира, в результате которых обнаружен неизвестный ранее городской некрополь. В ходе археологических работ на участке площадью 19,23 кв. м исследовано 18 захоронений, выполненных по христианскому обряду. В двух захоронениях обнаружены фрагменты погребальной одежды.

Отмечено наличие двух горизонтов захоронений: в культурном слое и в ямах, заглубленных в материк. Стратиграфически хронологического промежутка между ними не прослежено. Это свидетельствует о том, что некрополь на исследованном участке существовал непрерывно достаточно длительное время. Его предварительная датировка – XII – начало XIV в.

Ключевые слова: Новый город древнего Владимира, городской некрополь, захоронения, фрагменты погребальной одежды.

Археологические исследования на территории древнего Владимира-на-Клязьме чаще всего затрагивают участки его жилой застройки. Однако неотъемлемой частью города являются кладбища – как правило, связанные с христианскими храмами. Владимир, как столичный крупный город Древней Руси, вероятно, имел несколько городских некрополей. Впервые древний городской некрополь, существовавший на протяжении нескольких столетий, был открыт и исследован в 2016–2017 гг. на территории Патриаршего сада (Очеретина, Кабаев, 2021. С. 56–66). В других частях древнего Владимира подобных объектов известно не было.

В 2020 г. сотрудниками «Владимирского областного центра археологии при ВлГУ» проводились археологические работы в рамках реконструкции здания театра кукол по адресу: г. Владимир на ул. Гагарина, д. 7, со стороны западного фасада, на площади 19,23 кв. м.

Участок археологических исследований располагался в восточной части Нового города древнего Владимира. В последние десятилетия эта часть города неоднократно

изучалась археологами. Предшествующие археологические исследования показали, что данная территория освоена с древнерусского времени. Были исследованы остатки жилых и хозяйственных сооружений, границы усадеб зафиксированы в виде частотных канавок. Полученные результаты позволили сделать вывод о том, что для раннего периода освоения восточной части Нового города характерна плотная усадебная застройка (Мухина, 2007. С. 75. Курбатов, 2007. С. 90).

В ходе археологических раскопок 2020 г. исследован культурный слой мощностью 90–137 см. Современный техногенный слой, состоящий из остатков дорожного покрытия, перемешенного слоя коричневого пестроцвета с включением кирпичного боя и мусора, составляет от 40 до 70 см. Под ним залегает слой темно-серого гумусированного суглинка мощностью 5–15 см, содержащий материал XV–XVII вв., частично переработанный в более позднее время. Непотребоженные культурные отложения XII–XIII вв. в виде слоя серого суглинка мощностью 10–15 см, лежащего на погребенной почве (обесцвеченном суглинке) мощностью 5–10 см, сохранились местами. Следов жилой застройки раннего периода обнаружено не было.

На значительной площади раскопа в нижней части стратиграфической колонки зафиксирован пестроватый слой серо-коричневого суглинка с включением угля и древесного тлена. В ходе его разборки обнаружены антропологические останки. Затем были найдены и расчищены 12 захоронений в культурном слое и еще 6 – в могильных ямах, заглубленных в материк. Многие захоронения входили в раскоп частично, и для их полного исследования сделаны прирезки к восточному и западному бортам раскопа.

Значительная часть костных останков имеет плохую сохранность, в некоторых захоронениях сохранились только фрагменты черепной коробки. 4 захоронения частично разрушены при возведении пристроя к зданию театра кукол в 1955 г. Тем не менее в захоронениях 5, 9, 13, 16 зафиксирована полная сохранность костных останков, в захоронениях 10, 15, 18 – сохранность большей части костяков.

Все исследованные захоронения выполнены по христианскому обряду. Погребенные лежат на спине в вытянутом положении, ориентированы головой на запад, руки скрещены в районе таза, в единичных случаях – на груди или подняты к ключицам. Большинство захоронений без инвентаря.

В двух захоронениях, выполненных в могильных ямах, заглубленных в материк, найдены фрагменты погребальной одежды.

В захоронении 10 около нижней челюсти были обнаружены и расчищены фрагменты воротника. Он представляет собой золототканую ленту с геометрическим зигзагообразным орнаментом, закрывающим всю поверхность. Около застежки выткан едва различимый крест. На фрагментах ленты шириной 15 мм золочение сохранилось плохо (рис. 1).

Золототканые ленты были в обиходе у населения Древней Руси в течение XI–XIII вв., производились они в Византии. В русском импорте шелковая золототканая тесьма играла заметную роль. Чаще всего встречается зигзагообразный и плетеный орнамент, реже – диагональный и ромбовидный в различных вариантах (Фехнер, 1982. С. 64–65).

К воротнику были пришиты 2 медные грибовидные пуговицы: одна обнаружена вместе с ним, другая – отдельно, но в той же могильной яме. Медные грибовидные пуговицы являлись деталью древнерусской одежды. По материалам

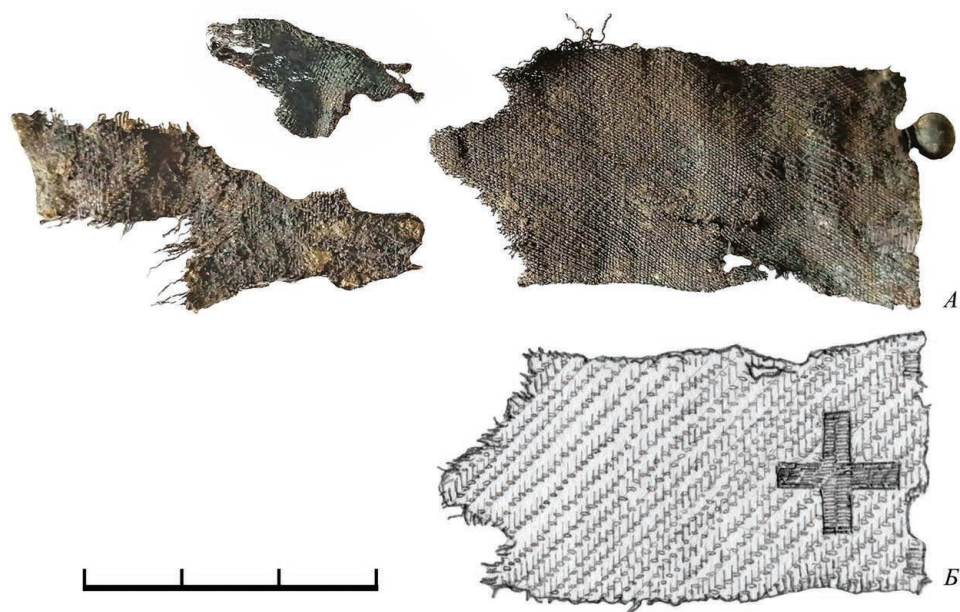

Рис. 1. Фрагменты воротника из захоронения 10. А – фото; Б – прорисовка

Владимиро-Суздальской Руси они датируются XI – началом XIII в. (Пуговицы XI–XVIII вв., 2015. С. 7–8, 44–46).

В захоронении 15 в районе левой ключицы найден и расчищен фрагмент погребальной одежды – возможно, нагрудника. Размеры фрагмента: 70 × 30 (35) мм. Он состоит из шелковой ткани с вышивкой «в прикреп», обшитой с двух сторон золототканой тесьмой шириной 8–10 мм с зигзагообразным орнаментом. С изнаночной стороны сохранился берестяной подклад (рис. 2).

Вышивка золотными нитями на Руси была широко распространена. «Для декоративного оформления одежды применялись преимущественно гладкие одноцветные ткани, т. е. наиболее дешевые сорта привозного шелка, которые украшались местными вышивальщицами различными узорами. Основным материалом для шитья служили спряденные на шелковую или льняную нить золоченые серебряные нити, поступавшие на русский рынок из Византии и стран Ближнего Востока» (Фехнер, 1976. С. 222).

Изначально практиковалась техника вышивки «на проем», но в конце XII – начале XIII в. наблюдается переход к шитью «в прикреп», при котором золотные нити накладывались на поверхность ткани и прикреплялись к ней шелковой нитью еле заметными стежками (Там же. 1976. С. 224). Таким образом, основываясь на аналогии технологии вышивки «в прикреп», можно датировать фрагмент погребальной одежды (нагрудника) периодом конца XII – начала XIII в.

К фрагменту изделия, обнаруженного в погребении 15, были пришиты 5 пуговиц: полностью сохранились 2, остальные – во фрагментах. Пуговицы медные, позолоченные, шаровидные с овальным ушком (диаметром 5 мм). Медные шаровидные пуговицы

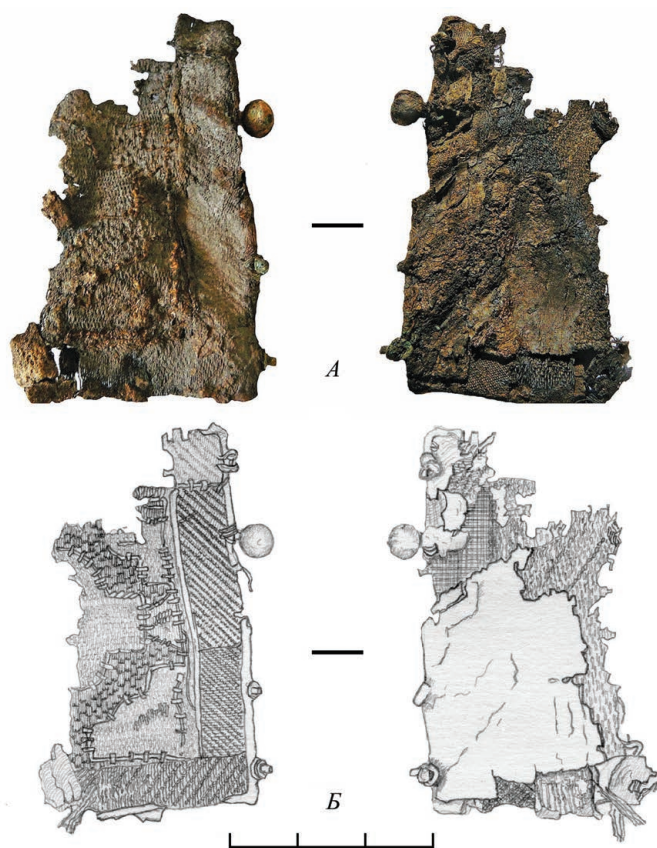

Рис. 2. Фрагмент погребальной одежды из захоронения 15. А – фото; Б – прорисовка

датируются по материалам Владимиро-Суздальской Руси XII–XIII вв. (Пуговицы XI–XVIII вв., 2015. С. 22–25).

Таким образом, захоронения, исследованные в заглубленных в материк ямах, исходя из общей стратиграфии раскопа и находок фрагментов погребальной одежды, возможно отнести к домонгольскому периоду истории города – XII – началу XIII в.

Отсутствие между захоронениями, расположенными в культурном слое, и захоронениями в заглубленных в материк ямах хронологического промежутка, который не прослеживается стратиграфически, говорит о том, что некрополь на исследованном участке существовал непрерывно достаточно длительное время. Захоронения, обнаруженные в культурном слое, исходя из общей стратиграфии раскопа и взаимного расположения объектов, могут быть датированы XIII – началом XIV в.

Итак, при проведении археологических работ 2020 г. в восточной части Нового города древнего Владимира обнаружен неизвестный ранее городской некрополь, исследована его небольшая часть. В процессе исследования зафиксированы 2 горизонта захоронений: в слое серо-коричневого суглинка с древесным тленом и улем

и в могильных ямах, заглубленных в материк. Наиболее древние захоронения относятся к XII – началу XIII в., но некрополь продолжал существовать, вероятно, до конца XIII – начала XIV в.

Часть древнего кладбища уничтожена при строительстве здания Народного дома в 1904–1907 гг. (современный театр кукол) и пристроя к нему в 1955 г. Установить границы сохранившейся части некрополя, уточнить время его функционирования возможно при проведении более масштабных работ.

Литература

- Курбатов А. В., 2007. Раскопки 2003–2004 гг. у Торговых рядов в г. Владимире // АВСЗ. Вып. 1. С. 90–97.
- Мухина Т. Ф., 2007. Археологические работы ВЦАРПИК во Владимире в 2003–2006 гг. // АВСЗ. Вып. 1. М.: ИА РАН. С. 75–80.
- Очеретина С. В., Кабаев Д. А., 2021. Городской некрополь древнего Владимира на территории Патриаршего сада по итогам археологических исследований 2016–2017 гг. // АВСЗ. Вып. 11. М.: ИА РАН. С. 56–66.
- Пуговицы XI–XVIII веков из археологических коллекций Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Владимир, 2015.
- Фехнер М. В., 1976. Золотое шитье Владимиро-Суздальской Руси // Средневековая Русь. М. С. 222–225.
- Фехнер М. В., 1982. Шелковые ткани в средневековой Восточной Европе // СА. № 2. С. 57–70.

Сведения об авторе

- Очеретина Светлана Владимировна, Институт археологии РАН;
e-mail: svetoch0412@yandex.ru
- Афонькин Иван Александрович, Институт археологии РАН;
e-mail: afonkin.ivan.85@mail.ru

S. V. Ocheretina, I. A. Afonkin

THE DISCOVERY OF A PREVIOUSLY UNKNOWN NECROPOLIS ON THE TERRITORY OF THE NEW CITY OF ANCIENT VLADIMIR (ARCHAEOLOGICAL WORKS 2020)

Summary. The article is devoted to the research conducted on the territory of the New City of ancient Vladimir, as a result of which a previously unknown urban necropolis was discovered. During the archaeological work on 19.23 sq. m, 18 graves made according to the Christian rite were examined. Fragments of burial clothes were found in two burials.

The presence of two burial horizons is discovered: in the cultural layer and in pits buried in main-land. Stratigraphically, there is no chronological gap between them. This indicates that the necropolis existed continuously for quite a long time. Its preliminary dating is the 12th – early 14th centuries.

Keywords: New city of ancient Vladimir, city necropolis, burials, fragments of funerary clothing.

Е. Р. Михайлова, В. Ю. Соболев

ГОРОДИЩЕ ГОРОДЕЦ ПОД ЛУГОЙ В СИСТЕМЕ ЛОКАЛЬНЫХ ЦЕНТРОВ ЗАПАДА НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

Резюме. Статья посвящена интерпретации материалов раскопок Г. С. Лебедева в д. Городец Лужского района Ленинградской области в 1970–1973 гг. На расположенном здесь городище можно выделить два периода жизни: укрепленное поселение X–XIII вв. и монастырь XVI–XVIII вв. В тот же комплекс памятников входят неукрепленное поселение к югу от городища и курган (возможно, оставшийся от более крупного могильника). Раннесредневековое городище возникло не позднее X в. на западной окраине плотно заселенного Врево-Черемнецкого поозерья, для которого характерно наличие нескольких городищ, селищ с лепной керамикой, сопок, а также плотная сеть памятников начала II тыс. Укрепленное поселение Городец под Лугой, возможно, отмечает постепенное расширение первоначального микро-региона. Однако не менее вероятно, что окруженный кольцевым валом, плотно застроенный «городок» на изолированном холме мог быть связан не с первоначальными поселенцами этой местности, а с формирующимися структурами государственной власти, заинтересованными в контроле над местными путями и местным населением.

Ключевые слова: Новгородская земля, средневековье, пути, городища, монастырь.

Городец под Лугой – одно из немногих городищ западной части средневековой Новгородской земли, изучавшееся планомерными раскопками. Приступая к его изучению, Г. С. Лебедев отмечал: «Городища, как и селища, на территории Ленинградской области не раскапывались до 1970 г.» (Лебедев, 1977. С. 56). Основной исследовательской задачей, таким образом, стало изучение городища эпохи формирования Древнерусского государства на современном тогда методическом уровне.

В 1970–1973 гг. Г. С. Лебедев исследовал в д. Городец Лужского района Ленинградской области северную часть городища и часть вала у въезда на него, небольшую часть территории селища у юго-западного подножия городища и разрушенный курган (рис. 2). По мнению исследователя, «Городец оказался одним из немногих известных пока центров древнерусской культуры, где прослеживается ее развитие от староладожских до новгородских форм, преемственно и непрерывно с IX по XIII в.» (Там же. С. 123).

К сожалению, полноценная публикация материалов Городца пока так и не состоялась. Часть материалов и наблюдений была опубликована автором раскопок в нескольких статьях и научно-популярной книге (Лебедев, 1973; 1977; Лебедев, Розов, 1975; Lebedev, 1982). К материалам Городца под Лугой обращались Н. И. Платонова при работе над проблемой возникновения погостов Полужья (Залевская, 1982; Платонова, 1991), Н. А. Ефимова и Т. А. Жеглова – при изучении керамики Полужья (Ефимова, 1977; Жеглова, 1986). Коллекции из раскопок Г. С. Лебедева в Городце хранятся в Фонде археологии Гос. музея истории Санкт-Петербурга. В настоящее время готовится их публикация авторами настоящей статьи (вещевая часть коллекции) и Т. А. Жегловой (ряд керамических комплексов).

За годы, прошедшие со времени раскопок в Городце, были проведены раскопки и других ранних древнерусских центров в бассейнах Луги и Плюссы – здесь в первую очередь нужно назвать Передольский погост (Платонова и др., 2007) и комплекс памятников у д. Которск (Кузьмин, 1991; Кузьмин и др., 2000а; Михайлова, 2008; 2014а; Mikhaylova, 2014; Михайлова, Соболев, 2017; Соболев, 2019; и др. работы), – а также частично изучены некоторые ранние городища: в урочище Священка на оз. Врево (Лебедев, 1987), близ д. Надбелье на притоке Луги Оредежи (Кузьмин, 2000а). При взгляде на географическую карту Городец выглядит включенным в систему раннесредневековых городищ, расположенных западнее Новгорода, по верхнему течению р. Луги и далее через Врево-Череменецкое поозерье к верховьям р. Плюссы (Косицкое, Передольский погост, Петровский погост, Заорешье, Подгородье, Вревское урочище (?), Городец, Которск, Сквородка) (рис. 1).

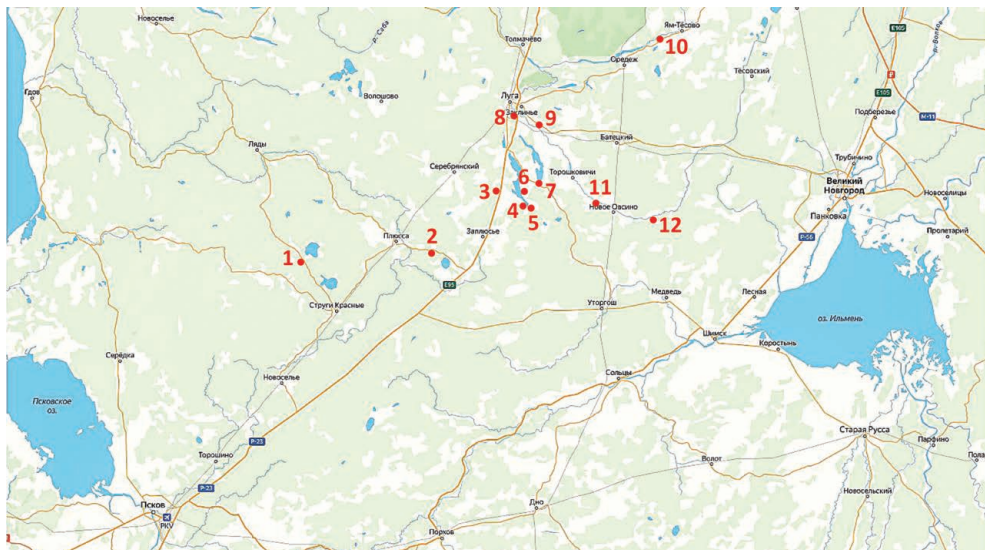

Рис. 1. Расположение комплексов археологических памятников, упомянутых в тексте. 1 – Сквородка; 2 – Которск; 3 – Городец под Лугой; 4 – Священка; 5 – Большое Конезерье; 6 – Заорешье; 7 – Петровский погост (Голубково); 8 – Вревское урочище (предполагаемое городище); 9 – Подгородье; 10 – Надбелье; 11 – Передольский погост; 12 – Косицкое

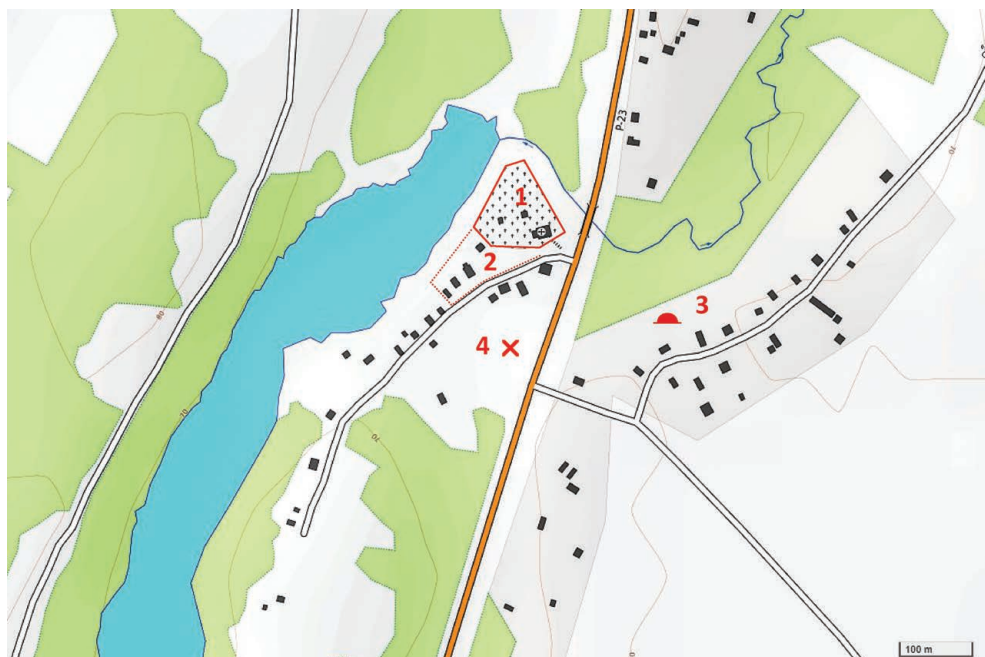

Рис. 2. Ситуационная схема расположения археологических памятников в д. Городец. 1 – городище; 2 – селище («посад»), по данным Г. С. Лебедева; 3 – место расположения кургана; 4 – место сбора древнерусской керамики в 2023 г.

Сравнение материалов Городца под Лугой с этими центрами является актуальной исследовательской задачей.

В эпоху позднего средневековья здесь располагалось «сельцо Городец на озере», упомянутое Писцовой книгой 1501 г., удаленное примерно на 1,5–2 км к северо-западу от Дремяцкого погоста с церковью Св. Николая (Андряшев, 1914. С. 156, 159).

В конце XVI в. на площадке городища возник Георгиевский монастырь (Гремячая пустынь), который упоминается как недавно основанный в тарханной грамоте, выданной городецкому игумену Трифону новгородским митрополитом Варлаамом. Грамота характеризует место, где расположен монастырь, как «убогое, развоевано от литовских людей и от немец» (Зверинский, 1892. С. 115–116). Согласно преданию, игумен Трифон был убит в 1590-х гг. литовскими воинами во время службы в монастырской церкви и погребен в ней же. Мощи преподобномученика Трифона по сей день почивают на том же месте, в современной Георгиевской часовне.

Первые сведения о древностях в селе Городец относятся к 1850 г., когда местным крестьянином Тимофеем Раковым на валу городища у церкви были найдены 95 древних монет, оказавшихся московскими копейками XVII в. (Дело..., 1850).

Первое профессиональное обследование городища было предпринято в 1927 г. сотрудниками Палеоэтнологической экспедиции (Материалы..., 1931). Г. П. Гроздилов и Н. Н. Чернягин сняли глазомерный план городища, важный для оценки степени сохранности средневековых культурных напластований. На их плане

отмечена ограда из слег (прогонов) по невысоким кирпичным столбам по гребню городищенского вала, участок пашни в северной и северо-западной частях площадки городища и сравнительно небольшое кладбище вокруг Успенской церкви в восточной части площадки. На плане показана лестница, ведущая от шоссе к Успенской церкви (сейчас здесь же расположена каменная лестница с воротами внизу); въезд на площадку городища показан с юго-западного угла, где он располагается и сейчас. В том же архивном деле сохранилось несколько рисунков Н. Н. Черныгина, изображающих городище. Наиболее выразительны два из них, запечатлевшие памятник с западной стороны: общий вид городища из-за озера и вид на городищенский вал в районе въезда на городище (рис. 3).

Во 2-й половине XX – начале XXI в. городище обследовалось неоднократно: в 1960 г. – А. С. Потресовым и Е. В. Шолоховой, в 1960 г. – Л. Ю. Янитсом и Э. Ю. Тыниссоном, в 1970 г. – Г. С. Лебедевым, в 1988 г. – Е. М. Колпаковым, в 2003 г. – С. Л. Кузьминым и С. А. Семеновым, в 2013 г. – Е. Р. Михайловой, в 2015 г. – Ст. А. Васильевым и С. А. Семеновым (*Потресов, Шолохова*, 1966. С. 87; *Лапшин*, 1990. С. 31; *Михайлова*, 2014б. Л. 27–30; *Васильев*, 2015. Л. 284–291).

Городище расположено у края автодороги Р-23 (Киевское шоссе), на холме на правом коренном берегу Городецкого ручья, при истоке ручья из узкого проточного Городецкого озера (рис. 4). Городецкий ручей впадает в оз. Белое – залив крупного озера Врево, откуда по системе проток можно выйти в Череменецкое озеро и далее в реку Лугу. Площадка городища имеет в плане треугольную форму, по периметру она была окружена валом шириной 6–8 м и высотой до 3 м; в настоящее время вал оплыл и сильно поврежден. Максимальные размеры площадки составляют приблизительно 90 × 100 м, высота над уровнем озера – 8–9 м. На площадке городища расположены каменная Георгиевская часовня и деревянная Успенская церковь; обе новодельные, но находящиеся на месте своих исторических предшественниц. В настоящее время почти вся площадка городища занята действующим кладбищем, для расширения которого частично срыты валы; однако еще в 1970-х гг. значительная часть площадки была свободна от могил.

Раскопки на городище проводились Г. С. Лебедевым в 1970–1973 гг. Работы 1970 г. носили разведочный характер: в северной части площадки городища была вскрыта площадь 19 кв. м. В 1971–1973 гг. Г. С. Лебедев раскопал практически всю северную треть площадки от Георгиевской часовни до северной оконечности городища (около 1000 кв. м) – именно эта часть городища отмечена на плане Н. Н. Черныгина и Г. П. Гроздилова как пашня. Кроме того, Г. С. Лебедев прорезал вал вблизи въезда на площадку, зафиксировав стратиграфию насыпи и обнаружив внутри вала перекладные деревянные конструкции. Одновременно в 1973 г. небольшие работы на городище провел Вал. А. Булкин. Он исследовал основание церкви Св. Георгия XVIII в., перестроенной в часовню. «Храм, простой и очень архаичный по планировке, мог быть поставлен на месте деревянной церкви XVI столетия» (*Лебедев*, 1977. С. 128–129).

В ходе раскопок Г. С. Лебедев разделил культурный слой городища мощностью около 1 м на три основных стратиграфических горизонта. Верхний из них (горизонт I) исследователь отнес к XII–XIII вв., его верхняя дата соответствует гибели городища в большом пожаре. Средний горизонт (II) он датировал в основном XI в., нижний горизонт III (предматериковый, включая заполнения впущенных в материк

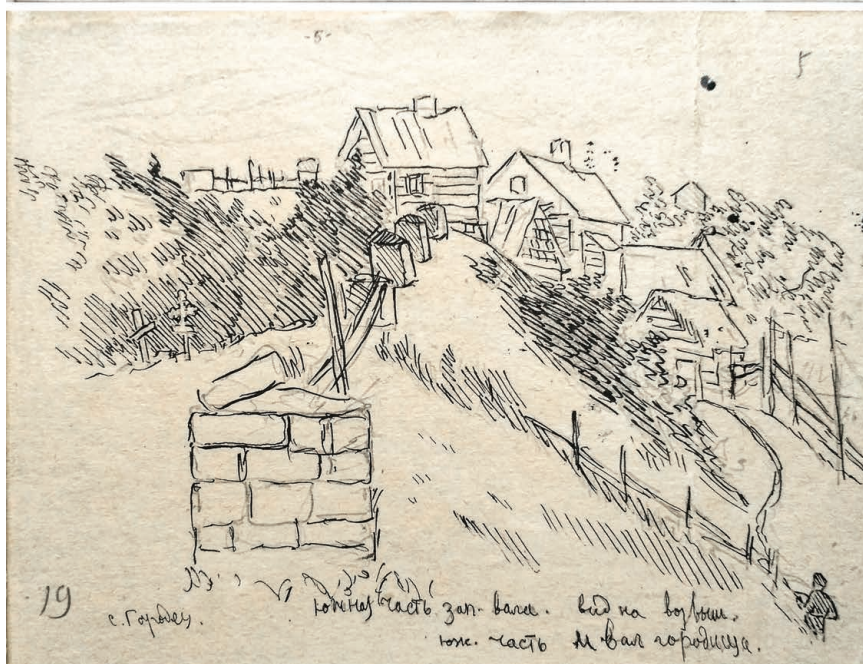

Рис. 3. Городище в д. Городец в 1927 г. Рисунки Н. Н. Черныгина (по: Материалы..., 1931. Л. 19, 21)

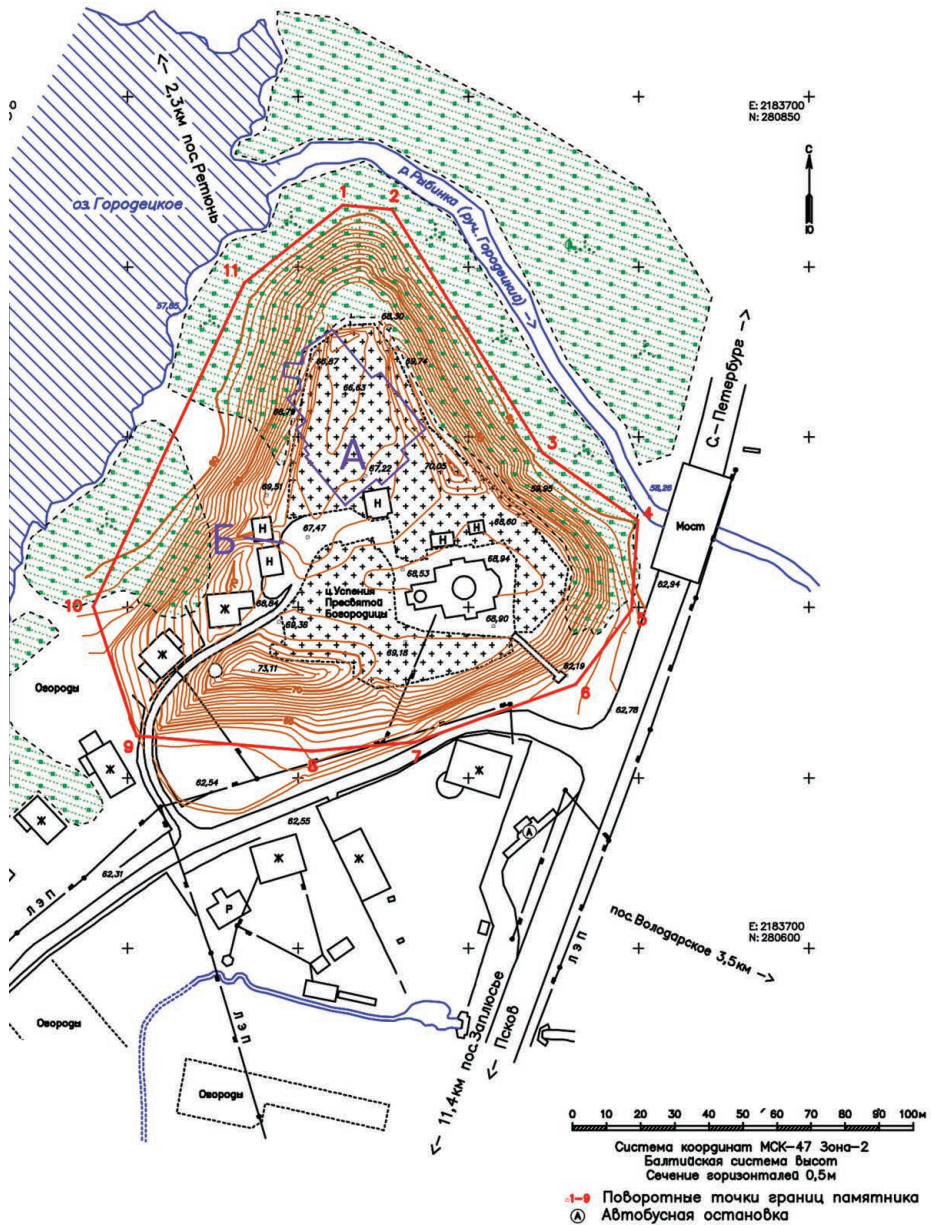

Рис. 4. План городища Городец под Лугой. Съемка А. В. Бехтера (2013 г.) с уточнениями С. А. Васильева (2015 г.). Публикуется с любезного разрешения авторов. Фиолетовым контуром обозначены общий контур раскопов Г. С. Лебедева (А) и место прорезки вала (Б)

ям) – предшествующим временем, в пределах IX–X вв. Однако в каждом из выделенных горизонтов присутствуют разновременные находки, что свидетельствует о сильной перемешанности слоя городища. Нуждается в уточнении и нижняя дата памятника. Н. И. Платонова еще в 1982 г. показала, что достоверных комплексов IX в. в Городце нет и начало формирования культурного слоя городища следует датировать в пределах X в. (*Залевская*, 1982. С. 50–54).

Наше обращение к коллекциям подтвердило ее вывод (*Михайлова, Соболев*, в печати). Так, в горизонте I сочетаются предметы XII–XIV вв. (крученный щитковоконечный браслет, двусторонний наборный гребень, обувные подковки) с более ранними ножами «с толстым обушком», дисковидным известняковым пряслицем, ромбовидными наконечниками стрел без упора, гранеными сердоликовыми бусами. В горизонте II собран набор достаточно ранних бус (граненая эллипсоидная и призматическая из хрусталя, шарообразная и призматическая из сердолика, лимоновидная, бочонковидная печеночно-красная), но одновременно к тому же горизонту относятся бронзовая бусина с напаянными колечками и навитые бусины из стекла характерного зеленовато-голубого («медного») оттенка, арбалетный болт, «кудельная» железная булава с петлеобразной головкой и витым стержнем. Не менее разнородны хронологически находки из нижнего, III горизонта, в основном представленные теми же типами, что предметы из горизонта II.

Единый комплекс с городищем составляли селище у его подножия и погребальные памятники, однако сведений об этих памятниках у нас немного.

Средневековый культурный слой был выявлен Г. С. Лебедевым в 1972 г. на огородах деревни у юго-западного подножия городища в районе въезда на него (см. рис. 2: 2). Памятник был интерпретирован исследователем как посад средневекового городища. На вновь выявленном селище была заложена разведочная траншея, в которой был разобран мешаный культурный слой мощностью до 0,9 м, содержащий материалы XIV–XVII вв. и остатки деревянных построек в основании слоя (*Лебедев*, 1974. Л. 32–33; 1977. С. 129). Возможно, на других участках селища могут быть обнаружены и более ранние материалы: весной 2023 г. на огородах южной части деревни авторами были найдены фрагменты керамики XII–XIII вв. в сочетании с более поздними (см. рис. 2: 4).

Сведения о погребальных памятниках в окрестностях Городца также скудны. Имеются данные о наличии курганной группы северо-западнее д. Городец и одиночного кургана юго-западнее деревни. Оба памятника утрачены, их культурно-хронологическая характеристика неизвестна (*Латишин*, 1990. С. 31–32).

Юго-восточнее городища, на высоком платообразном участке коренного берега Городецкого ручья, на частном огороде к 1970-м гг. сохранялся один полуразрушенный курган с каменной обкладкой. В 1972 г. курган был раскопан Г. С. Лебедевым (рис. 5). к моменту раскопок насыпь кургана имела высоту около 0,3 м, диаметр 8,5–9 м; с северной стороны кургана сохранилась обкладка насыпи из ряда крупных валунов, уложенных вокруг ее основания. В центре подкурганной площадки было расчищено зольно-углистое пятно, иных признаков погребения не обнаружено. Курган был датирован XII–XIII вв. по найденной в насыпи керамике (*Лебедев*, 1974. Л. 34–36). Можно предположить, что ранее здесь располагался курганный или курганно-жальничный могильник, однако никаких сведений об этом не сохранилось.

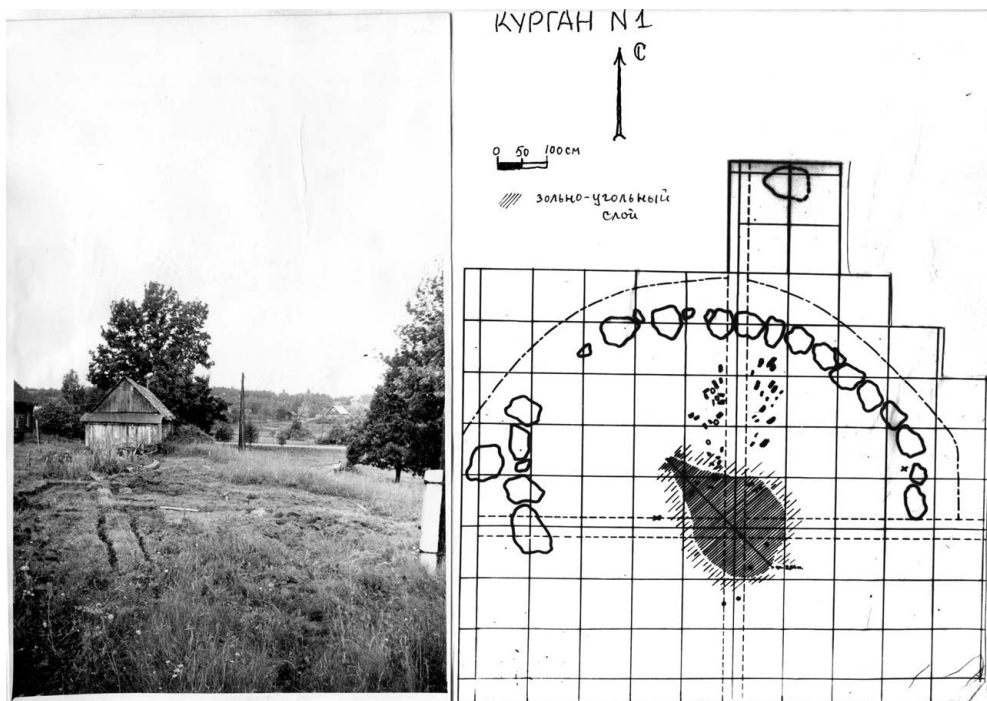

Рис. 5. Раскопки кургана в д. Городец. Подготовительная таблица Г. С. Лебедева к полевому отчету за 1972/1973 гг. Хранится в Лаборатории археологии СПбГУ

Еще одно место, где обнаружены захоронения, – площадка городища. В северной части раскопа 1972–1973 гг. была расчищена впущенная в материк могила, содержащая безынвентарное погребение головой на юго-запад (яма 30). Уровень, с которого была впущена могила, в ходе раскопок проследить не удалось. Погребение может быть связано со временем существования монастыря, но может относиться и к более раннему. В этой связи обращают на себя внимание довольно многочисленные целые фибулы и браслеты XII – начала XIII в., найденные в центральной части раскопа – такие находки характерны скорее для погребений, чем для поселенческих слоев (рис. 6: 1–17). Память о кладбище, когда-то имевшемся на городке, могла стать одной из причин возникновения здесь монастыря.

Существование Георгиевского Городецкого монастыря (Гремячей пустыни) в XVI – середине XVIII в. стало важным этапом в истории сложения комплекса памятников. В это время не только сформировалась верхняя часть культурного слоя городища, но и, по-видимому, были существенно нарушены нижележащие напластования. Материалы раннего нового времени из траншеи Г. С. Лебедева у подножия городищенского холма могут быть связаны как с селцом, упомянутым в писцовой книге, так и с монастырским хозяйством.

Вместе с тем собственно монастырская жизнь небольшой и бедной обители в археологических материалах практически не отразилась. Можно вспомнить только о находке резного костяного крестика с изображением Богоматери Знамение из верхнего

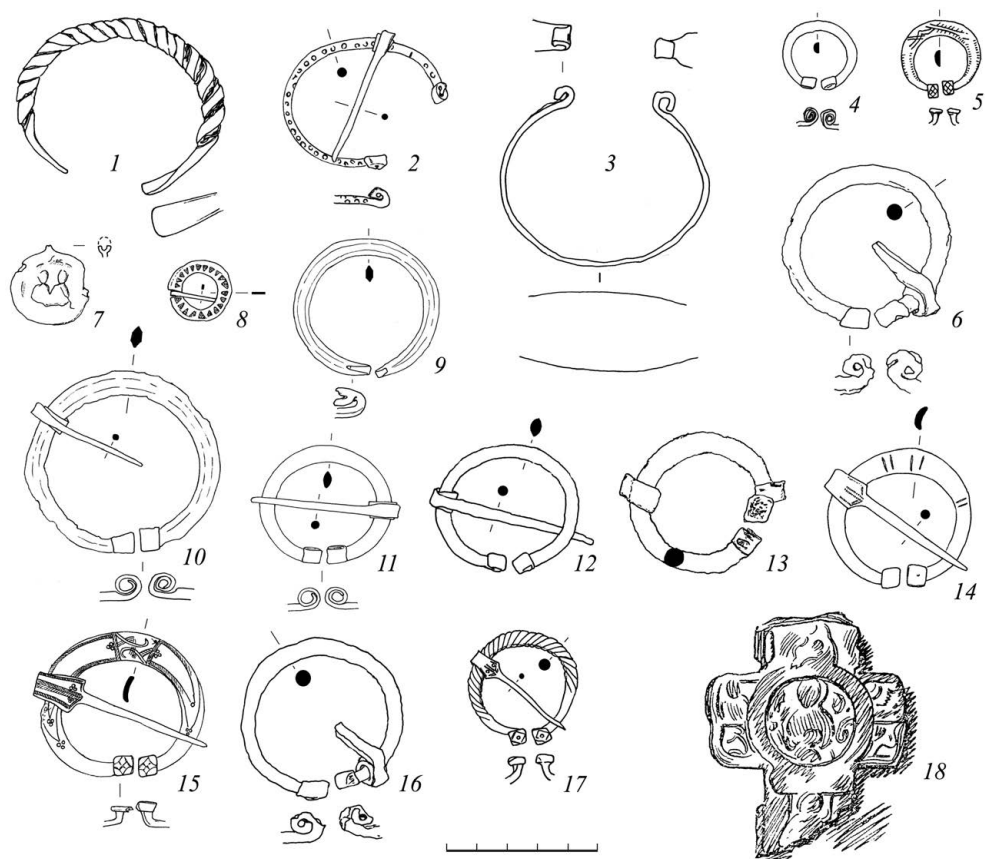

Рис. 6. Металлические украшения и костяной крестик из культурного слоя городища Городец под Лугой. 1, 2, 18 – горизонт I; 3 – горизонт I (постройка); 4–13 – горизонт II; 14–16 – горизонт III; 17 – горизонт неизвестен. 1, 2, 4, 5, 7–9, 11, 14, 15, 17 – медный сплав; 3, 6, 10, 12, 13, 16 – железо; 18 – кость. 1–17 – рис. Е. Р. Михайловой; 18 – по: Лебедев, 1977. С. 129 (6/масштаба)

горизонта городищенских напластований (рис. 6: 18). В остальном материалы ничем не отличаются от материалов любого сельского поселения: обычная керамическая посуда, сельскохозяйственные орудия, обувные подковки. Та же картина характерна и для других небольших сельских монастырей (Кузьмин и др., 2000б; Михайлова и др., 2015).

В предшествовавшее время городище, вероятно, также не было значительным центром. Обратившись к материалам неплохо изученных локальных центров конца I – начала II тыс. в Передольском и Которском погостах, мы увидим обширные «богатые» селища при городищах, многочисленные хорошо сохранившиеся древнерусские курганные могильники и хронологически предшествовавшие им сопки (а в Которском погосте – еще и насыпи культуры длинных курганов).

Похожий крупный комплекс памятников располагается в 7–8 км юго-западнее Городца у южной оконечности оз. Врево (см. рис. 1).

Здесь в урочище Священка на берегу оз. Врево располагается мысовое городище (Большое Конезерье VI). Культурного слоя на площадке городища не зафиксировано, однако в разведочной траншее 1974 г. была открыта яма со сгоревшими деревянными конструкциями внутри, в заполнении которой найден венчик лепного сосуда. В 1979 г. Лебедев обнаружил селище с исключительно лепной керамикой, примыкающее к городищу с напольной стороны (Большое Конезерье VII). В раскопе площадью 16 кв. м исследователь открыл часть каменного очага и образующие два-три яруса остатки наземных построек: фрагменты глиняных полов, деревянных конструкций, куски глиняной обмазки стен. В основании культурного слоя были расчищены несколько материковых ям с плитняковыми кладками в них; в верхней части одной из ямок были собраны кальцинированные кости (*Лебедев, 1987. С. 67–69*). В 2005 г. Е. Р. Михайловой на территории селища также была собрана лепная керамика (*Михайлова, 2005*).

Непосредственно на территории современной деревни Большое Конезерье известно раннесредневековое селище с круговой керамикой и несколько могильников, в том числе крупный курганно-жальничный могильник (Большое Конезерье I), в центре которого располагалась сопка. В ходе раскопок З. В. Прусаковой, исследовавшей юго-западную часть могильника, были выявлены следы двух трупосожжений, сопровождавшихся лепной керамикой, и плитняковые кладки, связанные с позднейшими захоронениями по обряду ингумации (*Прусакова, 1982. С. 59*). Следы кремаций в сочетании с кладками из плитнякового камня позволили Г. С. Лебедеву и З. В. Прусаковой сопоставить выявленные комплексы с каменными могильниками Эстонии и Южной Финляндии, однако этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении (*Михайлова, 2020*). Возможно, открытые на селище в урочище Священка ямы с кладками и немногочисленными кальцинированными костями следует сопоставлять не столько с каменными могильниками, сколько с могильником Заполье-2, открытым под сопкой в Передольском погосте и недавно подробно опубликованном Н. И. Платоновой и Т. А. Жегловой (*Платонова, 2021; Платонова, Жеглова, 2021. С. 184*). В любом случае, в районе д. Конезерье открыты следы погребальных памятников с кремациями I тыс.

Еще в нескольких километрах далее, у южного берега соседнего большого озера, Череменецкого, в д. Голубково располагается еще одно городище, рядом с которым также расположено селище, а в ближайших окрестностях известны сопки и более поздние курганные и курганно-жальничные могильники.

По несколько групп сопок известно и в окрестностях удаленных от Врево-Череменецкого поозерья городищ у деревень Надбелье на Оредежи и Сквородка в бассейне Плюссы.

На фоне этих комплексов Городец под Лугой выглядит сравнительно поздним укрепленным пунктом на торном пути, но никак не центром ближайшей округи (ср. *Платонова, 1991. С. 72*). По-видимому, первоначально регион ранних древнерусских памятников, отмеченный сопками и (пока только вероятно!) предшествующими им кремационными могильниками в урочище Священка и в д. Конезерье, складывался в южной половине Врево-Череменецкого поозерья, где крупные озера создавали благоприятные хозяйственные условия, а немногочисленные проходы в поозерье со стороны р. Луги могли быть при необходимости надежно перекрыты.

Укрепленное поселение в Городце возникает несколько позднее – в X в., и, возможно, отмечает расширение первоначального «сопочного» микрорегиона. Однако не менее вероятно, что окруженный кольцевым валом плотно застроенный «городок» на изолированном холме мог быть связан не с первоначальными поселенцами местности, а с формирующимися структурами государственной власти, заинтересованными в контроле над местными путями и местным населением.

Литература

- Андряшев А. М.*, 1914. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятина по писцовым книгам 1498–1576 гг. Ч. 1. Списки селений; Ч. 2. Карты погостов. М.: Изд. Имп. О-ва истории и древностей российских при Московском ун-те. 552 с.
- Васильев Ст. А.*, 2015. Отчет о проведении работ по формированию единого государственного реестра и мониторингу объектов культурного наследия – памятников археологии в Волховском, Кингисеппском и Лужском районах Ленинградской области в 2015 году. Т. 1–3. СПб. // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области.
- Дело по отношению С-Петербургского Военного Губернатора, о найденных крестьянином Тимофеевым Лужского уезда в с. Городец 95 штук древней монеты // Архив ИИМК РАН. Рукописный отдел. Ф. 6. 1850 г. Д. 156.
- Ефимова Н. А.*, 1977. Лепная керамика из полуземлянок Городца под Лугой // Проблемы истории и культуры Северо-Запада РСФСР / Отв. ред. В. В. Мавродин. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та. С. 98–101.
- Жеглова Т. А.*, 1986. Древнерусская керамика Верхнего Полужья: дипломная работа. Л. // Архив кафедры археологии СПбГУ.
- Залевская Н. И.*, 1982. К вопросу о возникновении погостов на Верхней Луге // Северная Русь и ее соседи: межвуз. сб. / Отв. ред. А. Д. Столяр. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та. С. 49–54.
- Зверинский В. В.*, 1892. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи с библиографическим указателем. Т. II. Монастыри по штатам 1764, 1786 и 1795 годов. СПб.: Тип. Б. Безобразова и К. 466 с.
- Кузьмин С. Л.*, 1991. Которский погост – локальный центр конца I – начала II тыс. н. э. в верховьях Плюссы // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. / Под ред. В. Л. Янина, Е. Н. Носова, П. Г. Гайдукова. М. С. 153–168.
- Кузьмин С. Л.*, 2000. Городище у деревни Надбелье на Оредеже // Археология и история Пскова и Псковской земли: материалы науч. семинара 1996–1999 гг. Псков. С. 95–97.
- Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю.*, 2000а. Могильник Которск IX – кладбище населения Которского погоста // *Stratum plus*. № 5. С. 70–82.
- Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю.*, 2000б. Михайловский на устье Узы монастырь // Михайловская Пушкиниана. Вып. 12. М.: Вербум-М. С. 88–91.
- Лашин В. А.*, 1990. Археологическая карта Ленинградской области. Ч. 1. Западные районы. Л.: Ленинградское обл. отд. Всерос. о-ва охраны памятников истории и культуры. 124 с.
- Лебедев Г. С.*, 1973. Городец под Лугой (предварительное сообщение) // КСИА. Вып. 135. С. 72–76.
- Лебедев Г. С.*, 1974. Отчет о работах в Лужском районе Ленинградской области СЗАЭ 1972/73 гг. Л. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8766.
- Лебедев Г. С.*, 1977. Археологические памятники Ленинградской области. Л.: Лениздат. 232 с.

- Лебедев Г. С., 1987. Памятники уроч. «Священка» на оз. Врево в Верхнем Полужье // Археология и история Пскова и Псковской земли: тез. докл. науч.-практ. конф. Псков. С. 67–69.
- Лебедев Г. С., Розов А. А., 1975. Городец под Лугой // Вопросы истории. № 2. С. 212–216. Материалы по учету археологических памятников (сведения, чертежи и рисунки) в д.д. Городец, Городец, Городище, Естомицы, Жилой Брод, Задубье Лужского района // Архив ИИМК РАН. Рукописный отдел. Ф. 2. Оп. 1. 1931. Д. 91.
- Михайлова Е. Р., 2005. Заключение по результатам натурного археологического обследования земельного участка вблизи д. Конезерье Володарской волости Лужского района Ленинградской области // Архив Комитета по сохранению культурного наследия Ленинградской области. № 79–118.
- Михайлова Е. Р., 2008. Исследования селища Которской погост в 2006 г. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Материалы ЛШ заседания. Псков. С. 215–228.
- Михайлова Е. Р., 2014а. Бескурганные могильники близ Которского погоста: хронология и место среди древностей лесной полосы Восточной Европы // Русь в IX–XII веках: общество, государство, культура / Отв. ред.: Н. А. Макаров, А. Е. Леонтьев. М.; Вологда: Древности Севера. С. 317–335.
- Михайлова Е. Р., 2014б. Отчет об археологической разведке в Лужском районе Ленинградской области в 2013 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1.
- Михайлова Е. Р., 2020. Каменные могильники к востоку от Чудского озера: к постановке проблемы // Археология и история Пскова и Псковской земли. Ежегодник Семинара имени академика В. В. Седова. Вып. 35 / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков: ИА РАН. С. 310–324.
- Михайлова Е. Р., Селин А. А., Соболев В. Ю., 2015. История Чернозерского монастыря и некоторые находки с его территории // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В. В. Седова. Вып. 30 / Отв. ред. Н. В. Лопатин. М.; Псков: Нестор-История. С. 143–151.
- Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю., 2017. Элитарные комплексы древнерусского времени: стереотипы выделения (на примере Которского погоста) // *Élite ou Égalité...* Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв. / Отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Бранко. С. 147–157.
- Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю., в печати. Городец под Лугой: вещевые находки и хронология памятника.
- Платонова Н. И., 1991. Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 / Под ред. В. Л. Янина, Е. Н. Носова, П. Г. Гайдукова. М. С. 68–88.
- Платонова Н. И., 2021. «Предсопочные» погребальные традиции в верхнем Полужье (по материалам Передольского археологического комплекса) // Записки ИИМК РАН. № 25. С. 194–214.
- Платонова Н. И., Жеглова Т. А., 2021. Заполье-3 – местонахождение «предсопочной» культуры в верхнем Полужье // Археологические вести. Вып. 31. С. 179–195.
- Платонова Н. И., Жеглова Т. А., Лесман Ю. М., 2007. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // Северная Русь и народы Балтики / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Дмитрий Буланин. С. 142–194.
- Потресов А. С., Шолохова Е. В., 1966. Древние водные пути новгородцев // Ледовое побоище 1242 г. Труды комплексной экспедиции по уточнению места Ледового побоища / Ред. Г. Н. Караев. М.; Л.: Наука. С. 65–97.

- Прусакова З. В.*, 1982. Топография могильников у д. Конезерье на о. Врево // Северная Русь и ее соседи: межвуз. сб. / Отв. ред. А. Д. Столяр. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та. С. 55–60.
- Соболев В. Ю.*, 2019. Оружие и снаряжение коня из раскопок Никольского Которского погоста Новгородской земли // Земля наша велика и обильна: сб. ст., посвящ. 90-летию А. Н. Кирпичникова / Отв. ред. С. В. Белецкий. СПб.: Невская Типография. С. 384–394.
- Lebedev G. S.*, 1982. Der slawische Burgwall Gorodec bei Luga (Zur Probleme den ost- und westslawischen Beziehungen) // Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte. Bd. II / Bearb. H. Kaufmann. Berlin. S. 225–238. (Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege; Beiheft 17).
- Mikhaylova E.*, 2014. Kotorisky Pogost – a local Centre in the western Part of Novgorod Land // Strongholds and Power Centres East of the Baltic Sea in the 11th–13th Centuries. A collection of articles in memory of Evald Tõnisson / Ed. H. Valk. Tartu. P. 209–237. (Muinasaja Teadus; 24) (Proceedings of the Learned Estonian Society; 37).

Сведения об авторе

- Михайлова Елена Робертовна*, Санкт-Петербургский гос. университет;
e-mail: helena.mikhaylova@gmail.com;
Соболев Владислав Юрьевич, Санкт-Петербургский гос. университет;
e-mail: vlad.sobolev@gmail.com

E. R. Mikhaylova, V. Yu. Sobolev

HILLFORT GORODETS NEAR LUGA IN THE SYSTEM OF LOCAL CENTERS OF THE WEST OF NOVGOROD LAND

Abstract. The article analyses materials of G. S. Lebedev's excavations in the village Gorodets, Luga district, Leningrad region, in 1970–1973. Two periods can be distinguished at the local settlement: a fortified settlement of the 10th–13th centuries and a monastery of the 16th–18th centuries. The same complex of sites includes an unfortified settlement to the south of the hillfort and a burial mound (possibly a remnant of a larger burial ground). The early medieval settlement emerged no later than 10th century on the western edge of densely populated Vryovo–Cheremenets Lakeland, which is characterized by the presence of several hillforts, non fortified settlements with handmade pottery, high burial mounds (*sopkas*) and a dense network of sites from the early 2nd millennium. The fortified settlement of Gorodets near Luga probably marks the gradual expansion from the original micro-region. However, it is no less probable that the densely built up fort on an isolated hill, surrounded by a ring rampart, could be associated with emerging structures of state power, interested in control over local routes and population.

Keywords: Novgorod land, Middle Ages, ways, hillforts, monastery.

Л. С. Андрианова, А. С. Фёдоров

ВОЛОГДА XV–XVI вв. В ГРАНИЦАХ КРЕПОСТИ ИВАНА ГРОЗНОГО

Резюме. В статье представлены результаты археологических исследований в Вологде в границах города-крепости Ивана IV Грозного. Археологические раскопки широкими площадями, проведенные в северной части крепости в 2007–2008, 2011, 2013, 2020 гг., выявили городской посад XIV–XVI вв. с дворами-усадебными, ремесленными мастерскими, мелиоративными сооружениями, храмами и некрополями. Антропогенные отложения XIV–XIX вв. представляли собой влажный культурный слой мощностью 3,5–4,0 м. С «догрозненским» временем связаны нижние культурные напластования, сохранившие остатки жилых и хозяйственных срубов, частоколов, настилов, елочных гатей. Выявлена ювелирная мастерская с характерными находками; собраны крупные коллекции предметов из черного и цветного металлов, камня, глины, органических материалов (кожа, дерево, береста, кость, ткани). Из редких находок – деревянные резные кресты, монеты XV в., височное кольцо с фигурной лопастью с изображением птички и подвесная печать новгородского владычного наместника на Двине второй половины XV в.

Ключевые слова: позднее Средневековье, Вологда, крепость XVI в., влажный культурный слой, ювелирная мастерская, подвесная печать.

Вологда принадлежит к числу городов Русского Севера, поступательно развивавшихся на протяжении столетий от малого поселения, расположенного на мысу у излучины крупной реки при впадении в нее малых рек и ручьев, до современного многофункционального городского поселения, вышедшего к водораздельным пространствам и успешно осваивающего их в течение последних двух веков. Возникновение города традиционно связывают с приходом преподобного Герасима «до зачала града Вологды, на великий лес на Средний посад» в середине XII в. (1147 г. в современном летоисчислении) (*Ключевский*, 1871. С. 332). В достоверных письменных источниках Вологда впервые упоминается в 1264 г. в договорной грамоте между Новгородом и тверским князем как волость новгородская и в качестве таковой фигурирует в последующих договорных грамотах Новгорода вплоть до 1456 г. (*Кукушкин*, 2018. С. 11).

Древнейший центр города, в документах XVII в. именуемый как Старое городище (Писцовые и переписные..., 2018. С. 125), располагался на излучине высокого

правого берега реки Вологды в районе Ленивой площадки. Изначальными городскими землями стали фрагментированные останцовые террасы и древние береговые валы, возвышающиеся над поверхностью меандрового пояса реки Вологды (Ленивая Площадка, Соборная Горка), обособленные друг от друга долинами малых рек и ручьев.

В 1565 г. Иван IV принимает решение о возведении новой каменной крепости в 0,4 км ниже по течению от первого деревянного кремля, неоднократные упоминания о котором сохранились в летописях и жалованных грамотах XV в. Возвести на прежнем месте новую крепость значительных размеров, спланированную в соответствии с основными правилами фортификационного искусства XVI в., было невозможно из-за неудобного рельефа и малых размеров площадки (Кукушкин, 2018. С. 22, 51–52).

Территория, выбранная для сооружения каменной крепости, представляла собой местами заболоченную и/или прорезанную тальвегами водораздельную террасированную равнину с фрагментами древнего берегового вала в виде повышений. В целом рельеф был неоднороден, перепады высот могли достигать 1,5 м, что определялось эрозионной деятельностью р. Вологды и ее притоков, густая сеть которых сохранялась вплоть до завершения регулярной застройки центральной части города в соответствии с Генеральным планом Вологды 1781 г. (Скупинова, 2018. С. 173).

В ходе строительства крепости топография местности была значительно преобразована, появились новые элементы ландшафта – валы, рвы, канал Копанка. Для рва, идущего вдоль ее юго-восточной стены, было создано искусственное русло водотока, ныне называемого р. Золотухой (рис. 1). Огороженная стенами крепостная территория составила 46 га, что сделало Вологодский кремль одной из крупнейших русских крепостей XVI в. После внезапного отъезда Ивана Грозного из Вологды в 1571 г. каменное строительство крепости было приостановлено, а позже завершено в упрощенном по сравнению с изначальным проектом деревянном исполнении. В XVII в. крепость страдает от многочисленных пожаров, ветшает и постепенно разрушается. Остатки крепостных сооружений были разобраны в ходе благоустройства Вологды в начале XIX в.; в настоящее время наземных архитектурных фрагментов крепости не сохранилось (Кукушкин, 2018. С. 87–89).

Территория в границах крепости долгое время оставалась за пределами внимания археологов; считалось, что активное освоение этой местности началось достаточно поздно – при Иване Грозном. Время от времени в границах крепости велись наблюдения за земляными работами, закладывались шурфы, формировались небольшие коллекции, в основном керамики XVI–XVIII вв.; изредка встречались находки более раннего времени (Иванищев, 2007. С. 23–25, Никитин, 1961. С. 12). Было очевидно, что отдельные локусы в границах крепости и на прилегающих территориях могли быть освоены до ее строительства, но наличие городской застройки подвергалось сомнению, речь лишь шла о возможности существования отдельных жилищ и небольших рыбацких станов вдоль реки. Многие исследователи отмечали повышенную влажность культурного слоя в нижних горизонтах, хорошую сохранность органических материалов и перспективность проведения раскопок широкими площадями (Кукушкин, 1993. С. 15–16, Суворов, 2007. С. 20).

Изучение Вологды широкими площадями в границах крепости XVI в. началось в 2007 г. На одном из планируемых к застройке участков (пр. Победы, 20) была

Рис. 1. Вологодская крепость XVI в. с гидротехническими сооружениями

выявлена хорошо сохранившаяся усадебная застройка «догрозненовского» времени (Андрианова, 2007). В течение ряда лет вологодскими археологами было исследовано несколько участков с влажным культурным слоем общей площадью 1320 кв. м (раскопы 22, 24, 25, 28, 29, 50) (рис. 2). Материалы раскопок показали, что основные локусы селитебного освоения данной территории сформировались уже к XV в. и на протяжении XV–XVII вв. они активно застраивались в соответствии с особенностями рельефа местности (Андрианова, 2019).

Раскопки выявили исключительную сохранность «мокрых» культурных напластований, особенно в северо-восточной части города-крепости, на участках, примыкавших к современной Кремлевской площади. Основой для формирования влажного культурного слоя стала плотная материковая глина, которая исключала естественный дренаж осадков и способствовала быстрому накоплению слоя, перекрывавшего заболоченные понижения. Мощность изученных культурных напластований в среднем достигала 3,5 м, на отдельных участках – до 4–5 м. Во влажном культурном слое сохранились остатки жилых и хозяйственных срубов, частоколы, елочные гати, настилы из жердей, бревен (рис. 3); были получены крупные коллекции изделий из органических материалов.

Наиболее ранние следы заселения данной территории выявлены в 2011 г. на Торговой площади, 15, в юго-западной части раскопа 28, заложенного

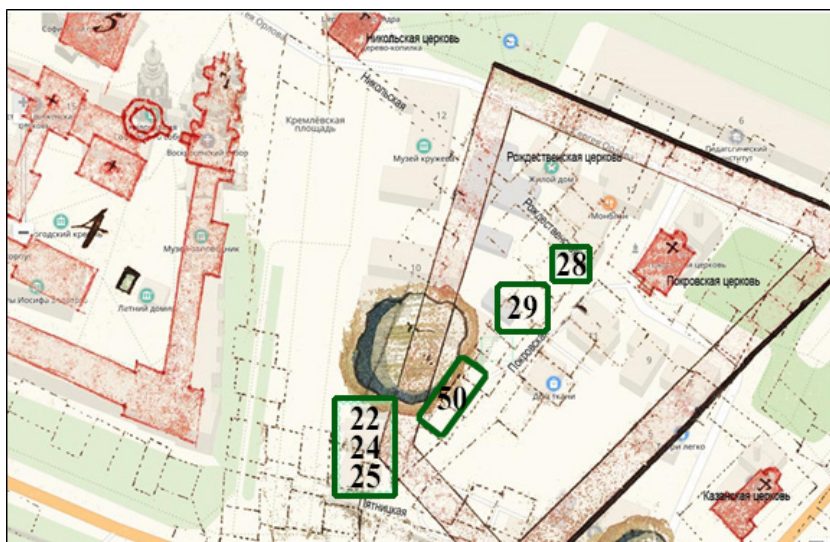

Рис. 2. Расположение раскопов на Первом регулярном плане Вологды. 1781 г.

на возвышенной гряде берегового вала. На глубине 1,6–1,9 м от современной поверхности обнаружена небольшая усадьба с остатками срубной постройки, обнесенная частоколом. Прослежены параллельные частокольные канавки, указывающие на многократное изменение площади дворового участка за счет смещения межусадебной границы на 1,5–2,0 м. Вещевой инвентарь, обнаруженный в усадьбе, однозначно указывал на рыболовный промысел как основное занятие ее владельцев. Дендрообразцы, взятые с наиболее позднего частоккола, датированы в хронологическом диапазоне 1390–1406 гг.¹ (Андреанова, Грязнов, 2020. С. 6).

Возвышенных и удобных для застройки мест было недостаточно, поэтому уже в XV в. горожане начинают занимать и благоустраивать неудобья – заболоченные или переувлажненные участки на некотором удалении от реки. В большинстве раскопов были зафиксированы простейшие мелиоративные конструкции: елочные гати, дренажные каналы, водосборные ямы. Крупное гидротехническое сооружение, интерпретированное как поверхностная дренажная система закрытого типа, выявлена в 2011 г. в раскопе 29 (Кремлёвская пл., 8а) (Андреанова, 2014а. С. 205–206, 214. Рис. 6). Это был комплекс канав, отводивших воду от мест избыточного скопления – вероятно, в большой пруд, фиксируемый на плане XVIII в.² Сверху каналы, расположенные параллельно друг другу, перекрывали поперечными бревнами, поверх которых накладывали два-три ряда елок, бревна и засыпали землей, затем елочными гатями, уложенными в виде решеток, перекрывали участки между каналами. Благоустроенный подобным образом участок могли использовать в различных целях,

¹ Определение А. А. Карпущина, лаборатория естественнонаучных методов ИА РАН.

² Копия первого подтвержденного плана г. Вологды, помещенная в «Атлас городов Вологодского наместничества». РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 21544. Л. 2.

Рис. 3. Деревянные конструкции XV – первой половины XVI в. в нижних культурных напластованиях (раскоп 22, 2007 г.)

что было удобно, поскольку земля из хозяйственного оборота не изымалась. Площадь елочных гатей в границах раскопа составила более 200 кв. м (16×14 м); прослежены границы дренажной системы с северной и восточной стороны. В 2020 г. в раскопе 50 (Кремлёвская пл., 46) была предположительно выявлена южная граница сооружения, что дает возможность говорить о его протяженности – не менее 50 м. Подобные способы осушения увлажненных территорий известны с древности, но чаще всего использовались в сельской местности. В позднесредневековом городе такая дренажная система выявлена впервые.

На дендрохронологический анализ взято 35 спилов, 28 образцов датированы. Большая часть относится ко второй половине XV в. (1452–1489 гг.), четыре образца датированы первой половиной XV в. (1423–1437 гг.), остальные – в рамках XVI в. (1500–1580 гг.). Благоустраивая территорию под хозяйственные нужды, ее сразу делили частокколами на владельческие участки. С разновременных частокколов (бревна забутовки) взято 18 спилов, девять образцов датировано (1419–1493 гг.) (Андрианова, Жаворонков, 2022. С. 67).

Елочная гать, покрывавшая заболоченный низинный участок, существовала на протяжении XV–XVI вв. К югу от данного сооружения в раскопах 22, 25, 50 выявлено семь разделенных частоколами дворов-усадеб второй половины XV – начала XVI в., располагавшихся на склоне останцово-надпойменной террасы. Еще одна усадьба находилась к северу от дренажной системы в раскопе 28. Ширина усадебных участков варьировалась в пределах 7–11 м; длину участков установить не удалось, но, судя по переписным книгам XVII в., вместе с огородной землей они могли достигать 100–180 м. Хозяйственные и жилые постройки примыкали к частокольным оградкам, образуя внутренний двор – иногда со следами мощения в виде бревенчатых настилов. Хорошая сохранность дерева (некоторые срубы сохранились на 3–4 венца) позволила определить назначение и характер отдельных построек. Прослежены двухчастные жилые срубы (изба и сени), хозяйственные постройки-прирубы, вымостки из жердей и бревен. В усадьбе № 2 зафиксированы: сруб-пятистенка на подклете, пристройка-мастерская, овчарня, ледник (интерпретированы по этнографическим данным). В усадьбе № 3 помимо жилой постройки выявлен сруб (амбар?), для которого получена серия дендротат; самые поздние образцы датированы 1494 г.³ (Андреанова, 2014б. С. 212. Рис. 2).

В усадьбе № 7 (раскоп 50) расчищена трехкамерная жилая постройка размера 9,9 × 9,8 м, сохранившаяся на три венца. К ней примыкал обширный заросший ивняком низинный участок, для осушения которого были прорыты четыре дренажные канавы, перекрытые затем бревнами и елочными гатями. Здесь же располагался колодец, на дне которого размещалась бочка для сбора воды, а рядом с ним – деревянное корыто больших размеров. Обустроенный для хозяйственных нужд участок тянулся до частокола, отделявшего его от вышеописанной дренажной системы.

По всей видимости, все эти дворы-усадыбы существовали до конца 1560-х гг., затем мешавшие строительству постройки были разобраны, а жителей переселили в другое место (по некоторым данным, в Гончарную слободу). На освободившейся территории складировался доставленный для строительства «белый камень» (известняк), следы которого зафиксированы в большинстве раскопов. Вплоть до конца XVI в. данная территория почти не застраивалась. Единственная срубная постройка (6 × 6 м), датированная второй половиной XVI в. (не ранее 1575 г.) обнаружена в раскопе 29 (Андреанова, Жаворонков, 2022. С. 64). Находок с ней связано немного, не было обычных бытовых вещей, типичных для жилых построек, что косвенно указывает на административный характер сооружения⁴.

Обнаруженный археологический материал позволяет реконструировать быт и хозяйственные занятия вологжан XV–XVI вв. Значительная часть предметов, сохранных в нижних культурных напластованиях, связана с рыболовным промыслом. Найдено несколько весел для одновесельных лодок-долбленок (рис. 4: 1), а также более двухсот изделий, интерпретированных как специализированный инвентарь для рыбной ловли; рыболовные крючки, железная блесна (рис. 4: 4), деревянные и берестяные поплавки (рис. 4: 5–8), тяжелые каменные и облегченные керамические

³ Определение А. А. Карпухина, лаборатория естественнонаучных методов ИА РАН.

⁴ Известно, что во время строительства крепости на ее территорию были перенесены административные здания – дворец, таможенная и приказная избы, а также некоторые церкви.

Рис. 4. Предметы рыболовного снаряжения. 1 – весло; 2 – ботало; 3 – глиняное грузило; 4 – блесна; 5–8 – полавки; 9 – каменное грузило в берестяном кошеле. 1, 2, 6 – дерево; 3 – глина; 4 – железо; 5, 8 – сосновая кора; 7, 9 – береста. 2, 4, 6, 7 – из раскопа 28, остальное – из раскопа 22

грузила для ставных и волоковых сетей (рис. 4: 3, 9), ботало (рогулька) для вспугивания рыбы (рис. 4: 2), кочедыки для плетения сетей. Основная часть рыболовного инвентаря (150 экз.) выявлена в раскопе 28; вторая по представительности коллекция (62 экз.) собрана на территории двух дворов (раскоп 22), владельцы которых, судя по обилию специфического инвентаря, занимались речным рыболовством. Внутри жилого сруба усадьбы № 4 обнаружено несколько крупных каменных грузил в берестяных кошелях (рис. 4: 9) и берестяной туес, наполненный 17 очажными камнями разных размеров, подготовленных для грузил. Каменные грузила в берестяных кошелях встречаются нечасто⁵, в Вологде они найдены только на территории крепости в слоях до середины XVI в.; в вышележащих горизонтах не фиксируются (Андреанова, 2020. С. 93). Анализ костных остатков и чешуи рыб показал, что основным объектом рыбного промысла были щука, карповые и другие виды рыб, обитавшие в р. Вологде (Андреанова и др., 2020. С. 13–14).

Благодаря влажному культурному слою сформированы значительные коллекции деревянных изделий: хозяйственные орудия (лопаты, вилы, грабли, чекмари, киянки, нагели, подшипники, блоки, траверс, трепало), кухонная и бытовая утварь (ложки, лопатки, мутовки, миски, ковши, веретена), бондарные изделия, детские игрушки, а также изделия из бересты (туески, подставки, лекало для выкройки рукавиц) (рис. 5: 9–15).

Кожаные изделия представлены ножнами, рукавицами, мячиками и многочисленной обувью: сапогами (преимущественно с загнутыми носками) и поршнями (простыми и детальнокроенными). Особенностью вологодской обуви XVI в. является наличие клейм в виде двух-трех сходящихся лучей на загнутых носках (рис. 5: 2). На одной из подошв с удлиненным носком, декорированным мелкими гвоздиками, зафиксировано копьевидное клеймо (Андреанова, Фёдоров, 2012; Андреанова, Кашинцев, 2020. С. 319. Рис. 4: 1–5).

На раскопанных участках отмечены следы различных производств XV–XVI вв., связанные с кузнечным, деревообрабатывающим, косторезным, ювелирным и кожевным ремеслами (Андреанова, Кашинцев, 2020. Рис. 1–4). Найдены специализированные орудия труда, приспособления, готовые и бракованные изделия, заготовки, отходы производственной деятельности, прямо или косвенно указывающие на соответствующую деятельность. Но в целом таких предметов немного, поэтому о существовании производственных объектов на данной территории говорить преждевременно. В частности, несмотря на обилие обувных деталей и немалые скопления кожаных обрезков, сапожный инструмент представлен единичными находками, что скорее указывает на домашний характер обувного производства, предполагающий в основном мелкий ремонт. То же самое можно сказать о косторезном производстве, которое никогда в Вологде не отличалось высоким качеством и обслуживало потребности местного рынка (Никитин, 1961. С. 23).

Несмотря на многочисленные железные изделия, обнаруженные в ходе раскопок, кузнечный шлак и несколько крупных криц, полноценных свидетельств функционирования кузниц в раскопах не выявлено. Вероятно, кузнечное производство как наиболее опасное в плане возникновения пожаров было вынесено на край или за пределы городской застройки.

⁵ Два аналогичных изделия найдены на территории Костромского Поволжья, в селище Вёжи.

Рис. 5. Изделия из кожи и дерева. 1 – сапог (нижняя часть); 2 – носок подошвы с клеймом; 3 – поршень; 4 – деталь сапога (головка с тиснением); 5 – ножны; 6 – нашивка; 7 – футляр для гребешка; 8 – ложка; 9 – лекало; 10 – мутовка; 11 – лопата; 12 – вилы; 13 – поплавок для удочки; 14 – траверс; 15 – корыто долбленое. 1–7 – кожа; 9 – береста; 8, 10–15 – дерево (раскоп 22)

Единственная производственная мастерская, выявленная в слое XVI в., была связана с ювелирным производством, которое, в отличие от кузнечного, не было вынесено в отдельный производственный район, а осуществлялось непосредственно в доме мастера (раскоп 28). Обнаружен развал кирпичной печи, примыкавший к срубам жилого дома. Вокруг печи обнаружено множество характерных предметов (рис. 6: 14–17): обломок каменной литейной формочки, фрагменты тиглей, обрезки медных и бронзовых пластинок, моток медной проволоки, выплески цветного металла, отходы производства, а также инструментарий: ювелирный молоточек (рис. 6: 16), разнообразные по форме пинцеты, клещи пружинного типа, предназначенные для извлечения тиглей (Андреянова, Кашишцев, 2020. С. 315–319. Рис. 1). Разнообразные изделия из цветных металлов обнаружены во всех раскопах (пинцеты, накладки, проволочки), особый интерес представляют женские украшения: кольца, плетеные браслеты, серьги в виде вопросительного знака, булавки «пус йеппи» (рис. 6: 6–13). Подобные изделия найдены во многих русских городах, в Новгороде они встречаются в слоях XIII–XV вв., булавки – в основном в слоях XIV–XV вв. (Седова, 1981. С. 16–17). В Вологде они бытовали дольше – вплоть до первой половины XVII в. Наиболее интересная находка – крупное височное кольцо округлой формы из золотистого сплава (размер в поперечнике – 4,4–4,8 см), с разомкнутыми концами, на которых оформлен крючок для застегивания. Кольцо имеет фигурную лопасть с изображением птички и небольшим выступом с тремя круглыми отверстиями для подвесок (рис. 6: 11). Форма фигурной лопасти и ее стилистическое оформление близки псковской находке (створка каменной литейной формы для отливки височных колец с птичкой), обнаруженной в слое XV в. (Королева, Харлашов, 1994. С. 96. Рис. 9: 4).

Отдельная категория находок – семь монет XV–XVI вв., обнаруженных в нижних культурных напластованиях в раскопе 50 (Кремлёвская пл., 46); определены два пула XV в., денги Ивана III и Василия III. Собрана коллекция из 34 крестов XV–XVI вв., из них четыре деревянных резных, четыре костяных, в том числе обломок в металлическом окладе, остальные – из цветного металла (рис. 6: 2–5).

Особый интерес представляет подвесная печать XV в., которая относится к серии печатей новгородских владычных наместников на Двине (рис. 6: 1). До сих пор была известна лишь одна печать, оттиснутая этой парой матриц (Свод актовых печатей, № 540), сохранившаяся при данной Ивана Михайловича с женой Федосьей Никите Федоровичу и дочери Евдокии на село Онашинское на Кургонеме. В. Л. Янин датирует указанную грамоту 1460–1470-ми гг. (Янин, 1970. С. 189). На печати читалось только имя наместника – Иван. По двум печатям реконструируется следующая надпись: ПЕЧАТЬ НАМЕСТНИКА ДВИНСКОГО ВЛАДЫЧНЯ ИВАНА ЛЕКСАНДРОВИЧА⁶. Вологодской печати был присвоен № 540-2.

Наиболее интенсивно данная территория использовалась в XVII в., что подтверждается плотной застройкой и многочисленным вещевым инвентарем. Археологические материалы XVII в. столь разнообразны и значительны, что требуют отдельного рассмотрения.

⁶ Заключение сделано д. и. н., чл.-корр. РАН П. Г. Гайдуковым.

Рис. 6. Печать, кресты, украшения и ювелирные инструменты. 1 – вислая печать; 2–5 – кресты; 6–13 – украшения; 14–17 – находки, связанные с ювелирным производством. 6 – серьга; 7 – заколка; 8–10 – булавки «пус йеппи»; 11 – височное кольцо; 12 – браслет; 13 – моток медной проволоки; 14 – обрезок пластины; 15 – обломок каменной литейной формочки; 16 – ювелирный молоточек; 17 – пинцет. 2, 3 – дерево; 5 – кость; 16 – железо, остальное цветной металл. 1, 2, 8–12 – раскоп 22; 13–17 – раскоп 28; 3–7 – раскоп 50

Литература

- Андреанова Л. С.*, 2008. Отчет об охранных археологических раскопках на территории г. Вологды (проспект Победы, 20) в 2007 году // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 42245. 145 л.
- Андреанова Л. С.*, 2014а. Охранные раскопки в исторической части Вологды в 2011 году // Археология Севера: материалы археолог. чтений памяти С. Т. Еремеева: сб. ст. Вып. 5. Череповец. С. 200–217.
- Андреанова Л. С.*, 2014б. Археологические раскопки на Кремлевской площади Вологды // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Т. III. Казань: Отечество. С. 211–215.
- Андреанова Л. С.*, 2019. Изучение влажного культурного слоя в границах крепости Ивана Грозного в Вологде // Русский Север – 2019: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: сб. работ III Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Вологда: Полиграф-Периодика. С. 234–245.
- Андреанова Л. С.*, 2020. К вопросу о речном рыболовстве в позднесредневековой Вологде (по материалам раскопок в границах города-крепости XVI века) // Археология Севера: материалы археолог. чтений памяти С. Т. Еремеева: сб. ст. Вып. 8. Череповец. С. 89–101.
- Андреанова Л. С., Гимранов Д. О., Девяшин М. М., Яшина О. В.*, 2020. Исследование фаунистических остатков из раскопок на Кремлёвской площади г. Вологды в 2011 году // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. № 1 (16). С. 8–16.
- Андреанова Л. С., Грязнов А. Л.*, 2020. Дворовладение в Вологде в XV – начале XVIII века // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. № 2 (17). С. 13–21.
- Андреанова Л. С., Жаворонков Ю. М.*, 2022. Датирование строительных горизонтов по результатам дендроанализа образцов древесины из раскопок на Кремлевской площади в городе Вологде // Археология Севера: материалы археолог. чтений памяти С. Т. Еремеева: сб. ст. Вып. 9. Череповец. С. 55–73.
- Андреанова Л. С., Кашищев А. Ю.*, 2020. К вопросу о ремесленном производстве вологжан в XV–XVII вв. по материалам археологических раскопок в границах вологодской крепости // Русский Север – 2020: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия: сб. работ IV Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Вологда: Полиграф-Периодика. С. 309–319.
- Андреанова Л. С., Фёдоров А. С.*, 2012. Кожаная обувь из раскопок на Кремлёвской площади в Вологде // Археология Севера: материалы археолог. чтений памяти С. Т. Еремеева. Вып. 4. Череповец. С. 82–91.
- Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.: Л., 1949. № 254. С. 264.
- Иванищев А. М.*, 2007. Культурный слой города Вологды – часть археологического наследия России: проблемы охраны и современное состояние археологических исследований // Археология Вологды: История и современность. Вологда: Древности Севера. С. 21–28.
- Ключевский В. О.*, 1871. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.
- Королева Э. В., Харлашов Б. Н.*, 1994. К вопросу о дворах в средневековом Пскове // Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков. С. 77–96.
- Кукушкин И. П.*, 1993. Отчет об охранных-археологических работах в городе Вологде, археологических разведках в Вологодском и Грязовецком районах Вологодской области в 1992 году // Архив ИА РАН. № Р-1/17 379.
- Кукушкин И. П.*, 2018. Вологодская крепость. Вологда: Древности Севера.

- Никитин А. В., 1961. Древняя Вологда по археологическим данным // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда: Вологодское кн. изд. С. 6–24.
- Писцовые и переписные книги Вологды XVII – начала XVIII века: в 3 т. / [сост., ред. И. В. Пугач]. Вологда: Древности Севера, 2018. Т. 3: Писцовые, переписные и дозорные книги Вологды XVII века. 392 с.
- Скупинова Е. А., 2018. Историческая топография Вологды в границах крепости XVI века // Наука сегодня: вызовы, перспективы и возможности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (г. Вологда, 12 декабря 2018 г.). Вологда: Маркер. С. 172–174.
- Суворов А. В., 2007. Что защищают охранные зоны культурного слоя Вологды? // Археология Вологды: История и современность. Вологда: Древности Севера. С. 15–20.
- Янин В. Л., 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. II. Новгородские печати XIII–XV вв. М. 189 с.

Сведения об авторе

Андрианова Лариса Сергеевна, ООО «Научно-производственный центр «Артефакт»;
e-mail: anlaris@mail.ru

Фёдоров Алексей Сергеевич, ООО «Научно-производственный центр «Артефакт»;
e-mail: sholaland@inbox.ru

L. S. Andrianova, A. S. Fedorov

**VOLOGDA IN THE 15th–16th CENTURIES WITHIN THE BORDERS
OF IVAN THE TERRIBLE FORTRESS**

Summary. The paper presents the results of archaeological investigations within the borders of the fortress-city of the 16th century. Archaeological excavations in the northern part of the fortress were carried out by the wide areas in 2007–2008, 2011, 2013, 2020. The posad (urban settlement) with manor yards, craft workshops, meliorative constructions, churches and necropolises of the 14th–16th centuries was revealed. Anthropogenic sediments of the 14th–19th centuries consisted of wet cultural layers 3.5–4.0 m thick. The lower cultural layer with remains of living and household log houses, palisades, planking, spruce causeways is related to the times before Ivan the Terrible. A jewelry workshop with special finds was revealed. Large collections of finds made of ferrous and non-ferrous metal, stone, clay and organic materials (leather, wood, birch bark, bone, textile) were assembled. Rare finds include wooden carved crosses, coins of the 15th century, a temple ring with figured blade depicting a bird, and a hanging seal of the Novgorod governor on the Dvina in the second half of the 15th century.

Keywords: Late Middle Ages, Vologda, 16th century fortress, wet cultural layer, jewelry workshop, hanging seal.

МАТЕРИАЛЬНАЯ И ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Т. П. Тимофеева

ОГРАДА РОЖДЕСТВЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ ВО ВЛАДИМИРЕ

Резюме. Древний Рождественский монастырь (с 1744 г. Архиерейский дом) расположен в северо-восточном углу средней части г. Владимира. С юга и востока его ограничивает городской вал. Монастырь окружен каменной (кирпичной) стеной с воротами и башнями. На основании Вкладной книги монастыря предполагается участие известного московского зодчего XVII в. Антипа Константинова в строительстве частично сохранившейся северной ограды со стороны города. Сооружение ограды с восточной и южной сторон на валах связывается со строительством в 1756 г. каменной приходской Николо-Кремлевской церкви, расположенной рядом с монастырем.

Ключевые слова: Владимирский Рождественский монастырь, Вкладная книга Владимирского Рождественского монастыря, Антип Константинов, Николо-Кремлевская церковь, ограда, башня, ворота.

Рождественский монастырь с белокаменным собором конца XII в. расположен в юго-восточном углу средней части Владимира (рис. 1). С юга и востока его границей служит городской вал. О монастыре и его постройках, в том числе ограде, нам уже приходилось писать (Тимофеева, 2005. С. 74; 2020а. С. 39–41; 2020б. С. 198; 2021. С. 24–83; Тимофеева, 2016. С. 189), однако датировка ограды не была установлена. Долгое время монастырь окружала деревянная ограда. В 1576 г., согласно жалованной грамоте, «у трапезы и у полаты кровли и лесницы обаялися, и кельи все и ограда около монастыря обгнила» (Кустерев, 2000. С. 119. № 26), т. е. вся ограда была еще деревянной и к тому времени ветхой, как и трапезная. Новая каменная трапезная церковь с большой палатой, построенная скорее всего при архимандрите Ионе (Думине) в 1585–1589 гг. (Тимофеева, 2022. С. 137–151), оказалась за деревянной стеной, не на красной линии. Но вскоре к трапезной пристроили каменные святые ворота с надвратной церковью – уже на красной линии, т. е. линии ограды.

В 1640 г. случился грандиозный пожар, когда сгорела вместе с прочим и деревянная ограда: «выгорель Ржественной мнстръ вес на церквах и у трапезы и у келарские полаты верхи погорели и в тех церквах и в трапезе и в келарской полате горело же и кельи и житницы с хлебом и всякие мнстырские службы и около мнстрыя городба

Рис. 1. Рождественский монастырь. Вид с востока. Почтовая открытка начала XX в. (ГВСМЗ. Инв. № В-11305)

(курсив здесь и далее мой. – Т. Т.) и за мнстром конюшенной дворъ все погорело да в мнстрской слоботке...» (Памятники деловой письменности..., 1984. С. 174).

В 1701 г., согласно переписной книге, часть ограды была уже каменной, с тесовым покрытием, а часть – 189 саженьей – деревянной, надо думать, возобновленной после пожара. Размеры монастыря были в это время таковы: «длиннику 101 с полусаженью, поперечнику 88 сажень с полусаженью» (примерно 216 и 178 м соответственно), т. е. в окружности около 380 саженьей (Переписная книга Владимирского Рождественского монастыря 1701 г., 1879. С. 3). В публикации «длинник» указан 707 сажень, т. е. почти 1,5 км, чего быть никак не может. Скорее всего, это ошибочное прочтение публикатором цифры «1», которую в начале XVIII в. иногда писали очень похожей на «7». Оригинал переписной книги в настоящее время не обнаружен.

Какая же именно половина ограды была деревянной? По сведениям XVIII в., деревянной была ограда со стороны валов, т. е. с южной и восточной сторон. Пока сохранялись городские крепостные валы и рубленые стены на них, ограда помещалась ниже валов, внутри насыпи. В общегородском пожаре 1 октября 1719 г. ограда внизу вала сгорела, и новую построили на валах, на месте городской стены, которой в это время уже не было. В 1729 г. гражданскими властями производилось дело об ограде монастыря на валах. Необходимость строить монастырскую ограду на валах объяснялась тем, что иначе бы «без городской по валу стены всякому идущему по городскому валу в монастырь смотреть можно, понеже та монастырская ограда гораздо ниже спущена была от городского вала». После пожара 1719 г., когда сгорела прежняя ограда

внизу земляной насыпи, новая – «бревнами в столбы» – была построена архимандритом Гедеоном с разрешения ландрата, князя Артемия Степановича Ухтомского, именно таким образом – на валах. На запрос провинциальной канцелярии о построении деревянной ограды монастыря стряпчий монастыря Данил Иванов Одинцов сослался именно на эти обстоятельства и на разрешение ландрата (*Тихонравов*, 1857. С. 68; 1869. С. 52, 53). Архимандрит Гедеон был переведен в Рождественский монастырь в 1715 г., а в 1721 г. лишен монашества. (*Строев*, 1877; Стб. 663). Причиной явилось следствие по делу ссыльной царицы Евдокии Лопухиной, с которой архимандрит имел общение во время ее пребывания в Покровском монастыре, и уже в феврале 1721 г. состоялось решение Тайной канцелярии о присылке Гедеона в Петербург и помещении его под караул (*Антонов*, 2010. С. 15–18), т. е. новая бревенчатая ограда на валах была построена не ранее октября 1719 г., а скорее в 1720 г., и оставалась таковой в 1729 г. и позже.

Итак, вторая половина ограды в 1701 г. была уже каменной. Это ограда со стороны города. Появиться она могла после пожара 1640 г. Во Вкладной книге монастыря есть запись: «Лета 1664 года. Симонова монастыря по архимандрите Илье да Ипацкого монастыря по архимандрите Ермогене да *каменных дел по подмастерье Антипе* дано в дом Пречистыя Богородицы и чудотворцу великому князю Александру в казну денег 173 рубля» (ГВСМЗ. Инв. № В-5636/511. Л. 29). «Подмастерье Антипа» – это зодчий Антип Константинов, имевший профессиональное звание «каменных дел подмастерье», что означало первое лицо в строительной иерархии и руководящую роль на строительстве. Год рождения его неизвестен, предполагается, что около 1610 г. Ребенком, после смерти отца, его усыновил отчим Лаврентий Семенович («Ларка Семенов») Возоулин, также подмастерье каменных дел, которому Антип начал помогать с ранних лет. Предполагается, что Лаврентий с братом Федором в 1595–1602 гг. участвовал в строительстве Смоленской крепости, где и приобрел незаурядное мастерство. Чем занимались Лаврентий Возоулин и Антип до 1628 г., неизвестно. В 1628–1629 гг. они строили в Нижнем Новгороде новый Михайло-Архангельский собор. Затем Антип работал в Вязьме и Москве. Для этих зодчих характерны шатровые сооружения, причем не только церкви, а, например, двухшатровый литейный амбар на Пушечном дворе (*Филатов*, 1980. С. 65–70).

Известно, что в 1641 г. Антип Константинов составил смету на ремонт Золотых ворот (*Воронин*, 1949. С. 207. Прим. 29 со ссылкой на: *Сперанский А. Н.* Приказ каменных дел. М., 1930. С. 212), который, однако, состоялся почти на полвека позже, но, скорее всего, по его смете. Скончался он примерно в 1645 г. или несколько позже. Архимандрит Илья, согласно П. М. Строеву, скончался в сентябре 1654 г. «в море», Гермоген – в 1653 г. (*Строев*, 1877). У А. Федорова помещен перечень архимандритов Ипатьевского монастыря с годами погребения; у Гермогена указан 1649 г. (*Федоров*, 1855. С. 209), что ближе, чем у Строева, к году кончины Антипа. Суммарная запись сразу по троем во Вкладной книге не совпадает с позднейшей из этих дат – 1654 г., и неизвестно, что связывало этих людей. Скорее всего, это все же была профессиональная деятельность «подмастерья». Возможно, при переписывании даты «7162» (1654) букву «Кси» (60), которая могла быть испорченной, ошибочно прочитали как «О» (70) и год получился «7172» (1664). Вкладная книга, как мы

уже отмечали, составлялась на основе более ранних записей, поэтому ошибки и неточности в датах весьма вероятны (Тимофеева, 2022. С. 137–138).

Антип Константинов упомянут в Синодике Симонова монастыря. Высказывалось предположение, что он участвовал в возведении мощной ограды с шестью башнями в Симоновом монастыре в 1640-е гг. и потому неслучайно вписан в Синодик (Шитова, 2016. С. 102–108. Примеч. 8 со ссылкой на: Малыгин С. М. Паспорта на крепостные стены и башни монастыря. 1983 / Архив Департамента культурного наследия г. Москвы (Мосгорнаследие). Примеч. 9 со ссылкой на: Памятники архитектуры Москвы. Юго-восточная и южная части территории между Садовым кольцом и границами города XVIII века. М., 2000. С. 136–141). Архимандрит Илья занимал эту должность в Симоновом монастыре в 1642–1654 гг. (Строев, 1877). Упоминание во Вкладной книге вместе с Антипом и архимандритом Симонова монастыря Ильей еще и архимандрита Ипатьевского монастыря Гермогена заставляет думать, что и в этой обители Антипу также довелось поработать. Неизвестно, когда Гермоген стал архимандритом Ипатьевского монастыря. В 1642–1645 гг. к монастырю присоединили территорию «нового города». Ее окружили каменной стеной с тремя башнями, среднюю из которых увенчал восьмигранный шатер. Считается, что строительством руководил каменщик из Ипатьевской слободы Андрей Кузнец (Зонтиков, 2011. С. 136–159). но не исключено, что какое-то участие принадлежит и Антипу Константинову, который мог находиться в Костроме в промежутке между работами во Владимире (1641 г.) и Москве (с 1643 г.). Вклад же в Рождественский монастырь по Антипе и двум архимандритам мог сделать неизменный помощник и друг Антипа, трудившийся вместе с ним на многих объектах, «подмастерье каменных дел» Ларион Ушаков, хотя годы жизни его неизвестны.

Антип Константинов, очевидно, принимал какое-то участие в строительных или проектных работах в Рождественском монастыре после пожара 1640 г. Это могло произойти в 1641 г., когда он составлял смету на ремонт Золотых ворот, а строительство ограды могло вестись в 1640-е гг. К сожалению, не сохранилось ни одного Синодика Рождественского монастыря (Каталог..., 2009). Предметом участия Антипа Константинова могла быть сохранившаяся северная, т. е. со стороны города, линия ограды, пристроенная с двух сторон к святым воротам: северо-восточная башня с прилегающей стеной, въездные ворота с килевидной аркой в северо-восточном углу, заложенной в первой половине XIX в., въездные и входные ворота восточнее святых ворот и стена к западу от святых ворот (рис. 2). Можно предположить, что северо-восточная башня первоначально имела шатровый верх, перестроенный впоследствии. Башня носит следы многочисленных переделок и ремонтов. Например, документально известен ремонт северо-восточной башни и прилегающей стены в 1841 г. по проекту городского архитектора Ф. И. Гавердовского (ГАВО. Ф. 565. Оп. 1. Д. 330. Л. 138).

Возможно, возведение каменной ограды Рождественского монастыря, имевшего в это время высокий статус второго по значению среди русских обителей, было неким продолжением заботы центральной власти о древней столице Владимирской Руси, выразившейся, как документально известно, во второй половине XV в. в ремонте некоторых церквей и городской крепости.

Трапезная церковь конца 1580-х гг. оказалась внутри ограды, за новой каменной стеной, на небольшом от нее расстоянии – так же, как это было и прежде,

Рис. 2. Рождественский монастырь. Вид с юго-востока. Современная фотография

при деревянной ограде (Тимофеева, 2022. С. 140). Каменная стена, построенная в 1640-е гг., продолжалась далее к западу, поворачивала по границе с погостом деревянной Николо-Кремлевской церкви до южного городского вала и фланкировалась башнями: северо-западной и юго-западной. В переписной книге 1701 г. о каменной ограде сказано: «Круг монастыря ограда каменная, крыта тесом» (Переписная книга Владимирского Рождественского монастыря 1701 г., 1879. С. 3), т. е. конфигурация ее была не линейной, а с поворотом, который мог быть только в эту сторону.

Около 1654 г. в северо-восточном углу построили казенные (служительские, экономические) кельи (ГВСМЗ. В-5636/511. Л. 38–38 об.), для чего превратили в их наружную стену часть Антиповой ограды, перестроив пояс бойниц в верхний этаж таким образом, что окна его легли на отлив. На другом – западном – конце трапезной до перестройки ее в XIX в. имелась паперть с наружным крыльцом: «Пред оною церковью паперть, с одной стороны вниз на улицу белого камня лестница, обитая тесом» (ГАВО. Ф. 565. Оп. 1. Д. 426. Л. 60). Паперть и «палатки что у трапезной» были построены на вклад архимандрита Викентия 1678–1679 гг. (ГВСМЗ. В-5636/511. Л. 30), причем приложены непосредственно к ограде 1640-х гг., имеющей характерный декор, отличающий ее от более поздней ограды: пояс частого поребрика, несколько узких тяг выше и ниже поребрика и лопатки с ширинками (рис. 3). Возможно, образцом для этого декора послужила надвратная церковь или даже трапезная, где он мог появиться впервые. Надвратная церковь, построенная немного позже трапезной, сохранила в нижнем ярусе такой же карниз и поребрик (рис. 4).

Этот декор, похоже, и использовал при строительстве ограды и ворот Антип. Сохранился он и после перестройки трапезной церкви Артлебенем, который перенес наружную стену трапезной на красную линию, пристроив новое здание

Рис. 3. Северный корпус: западная часть Христорождественской церкви. Современная фотография

к стене 1640-х гг. Сохраняется декор Антиповой стены здесь и до сих пор. Этот декор Артлебен воспроизвел и на дворовой, южной стене трапезной. В западной стороне ограды также вероятно арка проезда (или даже перспективный портал), заложенная после пристройки к ограде Викентиевых палат, а после ремонта превращенная Артлебеном во входное крыльцо; вторая, верхняя арка появилась уже в это время (рис. 3). Форма арочных ворот Антиповой ограды могла быть задана килевидной аркой святых ворот.

В 1744 г. монастырь стал резиденцией владимирских архиереев, в 1748 г. появился (или, по крайней мере, был начат) корпус Архиерейского дома. Думается, что каменная ограда монастыря на валах тесно связана с судьбой соседнего Николо-Кремлевского храма. В 1756 г. началось строительство каменной Николо-Кремлевской церкви (ГАВО. Ф. 418. Оп. 1. Д. 319. Л. 73 об.). Находится она несколько западнее монастыря на возвышении, заметном на панорамном рисунке из Атласа Владимирской губернии, сделанном в самом конце 1790-х гг. (РГИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18632. Л. 11). На панорамном рисунке Ф. Д. Дмитриева около 1850 г., незадолго до перестройки зданий монастыря, также видно, что церковь стоит значительно выше монастыря (Акварель и графика..., 2009. С. 139; Тимофеева, 2019. С. 331–342). Не изменилось и современное соотношение высот на этой территории.

Рис. 4. Надвратная церковь со святыми воротами. Современная фотография

Эта насыпь могла образоваться при частичном срытии валов для их понижения, а лишний грунт свезли на место закладки церкви. О том, что валы были несколько выше, чем сейчас, можно судить по уже приведенному судебному делу 1729 г. После строительства каменной ограды на валах ситуация изменилась: насыпь понизилась, и сейчас при наличии внутреннего забора территорию монастыря вряд ли было бы видно. При этом Архиерейский дом захватил часть церковной земли, где было приходское кладбище. Стену с этой стороны построили так, что она углублена в эту насыпь на половину своей нижней части и как бы удерживает ее, т. е. церковь служит датирующим фактором.

После пожара 1719 г. деревянные приходские церкви возобновили: в 1721 г. – приделную (Материалы для истории Владимирской епархии, 1894. С. 18), в 1747 г. – основную. В «Топографическом описании провинциального города Володимера с уездом» 1761 г. сказано: «Церковь Николая Чудотворца, что внутри города, и при ней теплая церковь во имя Симеона Столпника, построенные издревле деревянные, а в 1747 г. построена на место сгоревшей Николаевской церкви во имя оного же святителя новая деревянная ж, ныне же на месте оной деревянной церкви на *другом месте* строится вновь каменная во имя того же святителя» (Топографическое описание..., 1880. Стб. 61). Николо-Кремлевская церковь в январе 1761 г., когда составлялось «Топографическое описание», еще строилась. Сначала был закончен и в 1762 г.

освящен придельный храм, затем в 1769 г. освящен холодный храм (*Добронравов, Березин, 1893. С. 78*).

Вряд ли каменную ограду начали бы строить ранее завершения Архиерейского дома, да и землю от срезанного вала невозможно было насыпать рядом с существующими деревянными храмами. Скорее всего, к возведению ограды приступили около 1756 г., одновременно с закладкой каменной Николо-Кремлевской церкви. В июле 1761 г. случился очередной разрушительный пожар (ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 287. Л. 2). Была ли к этому времени закончена ограда и пострадала ли она и насколько либо ее начали строить после этого пожара – неизвестно. В описи 1763 г. вся ограда показана уже каменной (*Добронравов, 1899. С. 637*). На валах и со стороны приходской церкви она вся одинаковая и состоит из двух ярусов (рис. 5). Нижний ярус представляет собой чередование нешироких прямых лопаток и гладких прясел, т. е. повторяет схему «прясла в столбы». Сверху на этом ярусе, включая и лопатки, выложено несколько тяг простого профиля с небольшим уширением кверху. Затем на косой отлив поставлен более узкий и низкий ярус бойниц, повторяющий прежнюю ограду. Ритм бойниц не совпадает с лопатками. Бойницы перебивают тягу прямого профиля. Над ними выложен пояс арочек с тройным контуром, в каждую из которых упирается шель бойницы. С внутренней стороны в ограде выложены глухие арки, на которые настилался боевой ход вдоль стены; вряд ли он имел реальное значение. Участки

Рис. 5. Ограда с южными воротами. Современная фотография

стены скорректированы по высоте в соответствии с рельефом. Неясны два трапециевидных возвышения стены в южной извилистой линии на остатках вала. Правда, упомянутые панорамы их не показывают; возможно, это результат каких-то последующих ремонтов, как и контрфорсы.

Три новые башни разные, но все четыре – восьмигранные. Наиболее нарядна юго-западная башня с крупными окнами в «барочных» наличниках, почти повторяющих декор центральной части Архиерейского дома (рис. 6). Первоначально башни венчались шпилями с железными просечными флюгерами-флажками. Южные ворота очень низкие. С середины XIX в. – возможно, после перестройки монастыря – ими не пользовались: они были наглухо забиты и не имели «никакого значения» (ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1476. Л. 8). Панорамный рисунок из «Атласа Владимирской губернии» их вовсе не показывает. Восточные ворота заняли место прежних деревянных, через которые в 1723 г. были вынесены в ковчеге мощи Александра Невского, и с самого начала, будучи заложенными кирпичом, не использовались. Сооружение представляет собой арку на фигурных столбах с массивной пирамидой над ней, в которой выложен киот и как бы луковичная главка, прежде увенчанная железным крестом (Там же. Д. 689. Л. 33; Ф. 565. Оп. 1. Д. 421. Л. 1; Д. 426. Л. 61). Кирпичную закладку украшала роспись – изображение Знамени Богородицы с предстоящими: справа – митрополит Максим, св. князя Андрей и Глеб, слева – св. князя Александра Невский

Рис. 6. Юго-западная башня. Современная фотография

и Георгий и мученик Авраамий Болгарский (*Тихонравов*, 1869. С. 51). В XIX в. действующими оставались, по существу, только двое ворот в северной линии: святые и рядом проезжие. Помимо ворот в описях неоднократно упоминается в северной линии «проезд» на конюшенный двор, расположенный через дорогу, почему-то не считавшийся «воротами».

Описания ограды в монастырских описях очень кратки. Так, в описи 1800 г. всего одна фраза: «Вкруг онаго монастыря каменная стена с четырьмя башнями, кои покрыты тесом» (ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 689. Л. 33 [16]). В описи 1815 г. ограда описана следующим образом, причем особо отмечена одна из западных башен: «...обведено вокруг каменною оградою с четырьмя башнями каменными, покрытыми тесом, из коих в одной пять окон с оконницами и дверью стекльчетою, из оной башни внутри сада лестница с поручнями и балясами деревянная, в оной ограде от полден створчатые ворота на петлях и крюках железных, а от востока против олтаря холодной Рождественской церкви в стене выкладено из кирпича на подобие ворот верх пирамидою, впереди зделано место для вставления образов, наверху крест небольшой железной, а внутри написаны разных святых образа» (Там же. Ф. 565. Оп. 1. Д. 426. Л. 61).

Северо-восточный участок стены с угловой башней сохранился с 1640-х гг., но с большими чинками. В башне есть повыше цоколя кладка из более крупного

Рис. 7. Граница ограды XVII и XVIII вв. Современная фотография

кирпича, который заметен также и в прилегающей ограде; но много кирпича и поменьше, XIX в. Верх башни, предположительно шатровый, изменен на фигурную «барочную» форму, видимо, в 1756–1763 гг.

С восточной стороны пояс частого поребрика и тяги ограды переходят на фасад корпуса казенных келий также в форме узкой тяги и отмечают горизонт расположения окон верхнего этажа. С запада, в продолжение оставшейся после перестройки Артлебенем половины Викентиевых палат, часть ограды – пять прясел с лопатками – также сохранилась от 1640-х гг. (рис. 7). Поребрик с горизонтальным профилем переходит на соседнюю стену уцелевших Викентиевых палат. Продолжается он и на северном фасаде трапезной Христорождественской церкви. Трапезная церковь была перестроена Артлебенем следующим образом: наружная северная стена пристроена (или даже надстроена), как это делали и до него, к ограде 1640-х гг., внутренняя южная стена сдвинута также к северу, возможно, немного уменьшив ширину храма. Западную половину Викентиевых палат Артлебен разобрал, оставив на этом месте стену, к которой она была пристроена. Возможно, отчасти перестроена парадная въездная и входная группа (рис. 8).

Ограда Антипа определяет, кстати, и границу монастыря до превращения его в Архиерейский дом: эта граница там, где Антипова стена с поребриком и ширинками

Рис. 8. Центральная часть северной ограды: въезжие и входные ворота к востоку от надвратной церкви со святыми воротами. Современная фотография

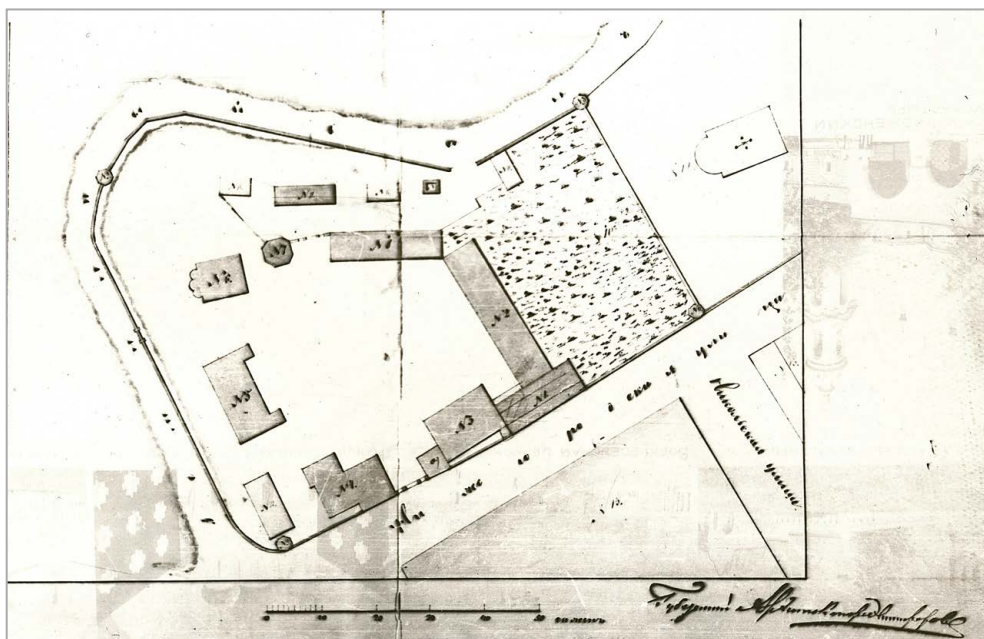

Рис. 9. Генеральный план Рождественского монастыря. 1850 г. Фрагмент (РГИА. Ф. 218. Оп. 2. Д. 230. Л. 1)

продолжается более простой по оформлению стеной 1756 г. В этом месте должна была стоять северо-западная башня, а ограда поворачивать на юг. Но западную линию разобрали, присоединили к монастырской территории часть приходской погостной земли и огородили ее новой стеной, однотипной с той, что на валах.

В XIX в. окрестность монастыря составляла 484 сажени (Тихонравов, 1869. С. 51), т. е. к 380 сажням 1701 г. прибавилось более 100 сажень – очевидно, присоединенная территория с западной стороны, которую заняли садом (рис. 9). В таком виде ограда Рождественского монастыря и Архиерейского дома сохраняется до сих пор: большая часть северной линии 1640-х гг. с северо-восточной башней и участками, к которым пристроены в 1654 г. казенные кельи и в 1678–1679 гг. Викентиевы палаты, «что у трапезной», а в 1866 г. Христорождественская трапезная церковь, западная часть северной линии, западная, восточная и южная линии сооружены в 1756–1763 гг.

Литература

Акварель и графика. Русские и западноевропейские художники XVI – середины XX веков: из собрания А. Г. Егорова: в 2 т. Т. II. М.: Изд-во Школы акварели С. Андрияки, 2009. 336 с.

Антонов В. А., 2010. «...И трижды кланялись ей вослед» (бывшая царица Евдокия Лопухина во Владимирском уезде) // Материалы Третьей и Четвертой городских краеведческих конференций. Владимир. С. 7–18.

- Воронин Н. Н.*, 1949. Оборонительные сооружения Владимира XII в. // *Материалы и исследования по археологии древнерусских городов*. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 203–239. (МИА; № 11).
- Добронравов В. Г., Березин В. М.*, 1893. Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 1. Владимир: Типо-лит. В. А. Паркова. 283 с.
- Добронравов В. Г.*, 1899. Владимирский Рождественский монастырь в 1763 году // *ВВВ*. № 19. Часть неофиц. С. 635–646.
- Зонтиков Н. А.*, 2011. Ипатьевский во имя Святой Троицы мужской монастырь // *Православная энциклопедия*. Т. XXVI. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия». С. 136–159.
- Каталог. Коллекция рукописных и гравированных синодиков XVII–XX веков из собрания Владимиро-Суздальского музея-заповедника / Сост. С. П. Гордеев. Владимир, 2009. 64 с.
- Кистерев С. Н.*, 2000. Владимирский Рождественский монастырь в документах XVI – начала XVII века // *Русский дипломатрий*. Вып. 6. М.: Памятники исторической мысли. С. 90–147.
- Материалы для истории Владимирской епархии. Вып. 1. Отд. 1. Владимирская десятина жилых данных церквей. 1628–1746 гг. Владимир: Типо-лит. В. А. Паркова, 1894. 314 с.
- Памятники деловой письменности XVII века: Владимирский край / Под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1984. 367 с.
- Переписная книга Владимирского Рождественского монастыря 1701 г. / Публ. А. А. Маргынова // *ВГВ*. 1879. № 27. Часть неофициальная. С. 1–3.
- Строев П. М.*, 1877. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб.: Тип. В. С. Балашова. 1064, 68 стб.
- Тимофеева Т. П.*, 2005. Владимирский в честь Рождества Пресвятой Богородицы мужской монастырь: Постройки монастыря. Храмы // *Православная энциклопедия*. Т. IX. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия». С. 72–75.
- Тимофеева Т. П.*, 2019. Город Владимир в рисунках Ф. Д. Дмитриева (сер. XIX в.) // *Материалы XXIII Межрегиональной краеведческой конференции*. Владимир. С. 331–342.
- Тимофеева Т. П.*, 2020а. Владимирские монастыри Рождественский, Константино-Еленинский и Федоровский. СПб.: Дмитрий Буланин. 224 с.
- Тимофеева Т. П.*, 2020б. Ансамбль Рождественского монастыря в архитектурном контексте г. Владимира (XII–XVII вв.) // *Монастырская культура как трансконфессиональный феномен: материалы Междунар. конф. (Суздаль, 10–15.09.2012)*. М.: РОССПЭН. С. 189–200.
- Тимофеева Т. П.*, 2021. Рождественский монастырь во Владимире как мемориал святого благоверного великого князя Александра Невского // *Реликварий Александра Невского. Исследования и материалы*. М.: РОССПЭН. С. 24–83.
- Тимофеева Т. П.*, 2022. Трапезная церковь Рождественского монастыря во Владимире // *АВСЗ*. Вып. 12. М.: ИА РАН. С. 137–151.
- Тихонравов К. Н.*, 1857. Владимирский сборник. М.: Унив. тип. 213 с.
- Тихонравов К. Н.*, 1869. Владимирский Рождествен монастырь XII века, где почивали св. мощи В. К. Александра Невского, до перенесения в С.-Петербург. Владимир: Тип. Губ. Правл. 91 с.
- Топографическое описание Володимирской, Суздальской, Переславской Залесской и Юрьевской Польской провинции городов в 1760 годах. Провинциальной город Володимер с уездом в 1761 году // *Ежегодник Владимирского губернского статистического комитета*. Вып. III. Владимир, 1880. Стб. 59–62.

- Федоров А., 1855. Историческое собрание о богоспасаемом граде Суждале. М. 212 с. (Временник общества истории и древностей Российских; т. 22).
- Филатов Н. Ф., 1980. Антип Константинов – каменных дел подмастерье // Архитектурное наследство. № 28. М. С. 65–70.
- Шитова Л. А., 2016. Симонов монастырь: зеркало истории. М.: Прогресс-Традиция. 752 с.
- Timofeeva T. P., 2016. Das Ensemble des Geburt-der-Gottesmutter-Klosters im architektonischen Kontext der Stadt Vladimir (12.–17. Jahrhundert) // Monastische Kultur als transkonnessionelles Phänomen. Beiträge einer deutsche-russischen interdisziplinären Tagung in Vladimir und Susdal. Oldenbourg: De Gruyter. S. 179–191.

Сведения об авторе

Тимофеева Татьяна Петровна, Союз краеведов Владимирской области;
e-mail: tata2010vl@mail.ru

Архивные материалы

- ГАВО (Государственный архив Владимирской области). Ф. 418. Оп. 1. Д. 319.
- ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 287.
- ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 689.
- ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 1476.
- ГАВО. Ф. 565. Оп. 1. Д. 330.
- ГАВО. Ф. 565. Оп. 1. Д. 421.
- ГАВО. Ф. 565. Оп. 1. Д. 426.
- Государственный Владимиро-Суздальский музей-заповедник. Инв. № В-5636/511: Вкладная книга владимирского Рождественского монастыря.
- Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 846. Оп. 16. Д. 18632.
- Российский государственный исторический архив. Ф. 218. Оп. 2. Д. 230.

T. P. Timofeeva

FENCE OF THE MONASTERY OF THE VIRGIN MARY IN VLADIMIR

Summary. The ancient Rozhdestvensky Monastery (since 1744 the Bishop's House) is located in the north-eastern corner of the middle part of Vladimir. From the south and east it is bounded by the city rampart. The monastery is surrounded by a stone (brick) wall with gates and towers. On the basis of the Contribution Book of the monastery, the participation of the famous Moscow architect of the 17th century, Antip Konstantinov, in the construction of the partially preserved northern fence from the side of the city is assumed. The construction of the fence on the eastern and southern sides, on the ramparts, is associated with 1756 construction of St. Nicholas Kremlin Church stone parish, located next to the monastery.

Keywords: Vladimir Rozhdestvensky Monastery, Contribution book of the Vladimir Rozhdestvensky Monastery, Antip Konstantinov, Nikolo-Kremlin Church, fence, tower, gate.

С. В. Шполянский, О. А. Несмиян, В. Г. Несмиян

НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ ВООРУЖЕНИЯ И ВСАДНИЧЕСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ вт. п. XIV – п. п. XVI в. ИЗ РАСКОПОК ПЛЕССКОЙ КРЕПОСТИ: ОБЗОР КОЛЛЕКЦИИ

Резюме. В статье представлен обзор предметов вооружения и всаднического снаряжения, найденных в крепости г. Плес в Костромском Поволжье. В результате многолетних раскопок на городище была собрана выразительная коллекция, позволяющая представить комплекс вооружения размещавшихся здесь воинских контингентов в период со 2-й половины XIV – до начала – 1-й половины XVI в.

Ключевые слова: комплекс вооружения, наконечники стрел, шпоры, боевой топор, доспех, колчан.

Плесская крепость, представляющая собой яркий пример позднесредневековой фортификации в Костромском Поволжье, относится к числу археологических памятников, давно и планомерно изучаемых раскопками (рис. 1). Работы последних десятилетий помимо выразительных остатков конструкций крепостных сооружений открыли развитую городскую застройку, а полученные в процессе исследований материалы позволяют представить средневековый Плес как важный форпост великокняжеской власти в регионе во 2-й половине XIV – 1-й половине XVI в. Одной из наиболее значимых составляющих материальной культуры городского населения являются предметы, свидетельствующие о присутствии в крепости воинских контингентов, защищавших город от татарских набегов и размещавшихся здесь согласно разрядным росписям (Кабанов, 2010. С. 17–25).

После публикации П. Н. Травкиным результатов двадцатилетних исследований в северо-восточной части территории Плесского городища (Травкин, 2022) и работ О. А. Несмиян и В. Г. Несмиян вблизи берегового склона в средней части памятника объем полученных в процессе раскопок вещевых коллекций можно считать достаточным для первичной характеристики состава вооружения и некоторых особенностей материальной культуры представителей военных корпораций, размещавшихся в крепости.

Рис. 1. Общий вид на Плеское городище с северо-востока

В целом определение датировки происходящих с городища находок оружия и воинского или всаднического снаряжения сейчас возможно лишь временем активного функционирования крепости, поскольку детализация хронологии комплексов и процесса формирования застройки памятника еще не завершены.

Предложенная в монографии П. Н. Травкина датировка возведения первых укреплений Плеса временем до монгольского нашествия (*Травкин, 2022. С. 19–31*) недавно была подвергнута конструктивной критике (*Коваль, 2023. С. 118–123*). Кроме того, подходы автора к выделению из всего массива открытых при раскопках сооружений комплексов 2-й половины XII – 1-й половины XIII в. вызывают возражения.

В условиях отсутствия в регионе разработанной керамической шкалы (*Несмиян и др., 2019. С. 68*) обоснование времени формирования культурных отложений строится не на анализе всего материала, составляющего комплексы (хотя часто наборы находок из построек приводятся на иллюстрациях), а исходя из времени бытования отдельных предметов; в ряде случаев с этими определениями нельзя согласиться. Так, к домонгольскому времени отнесен обломок костяного двустороннего наборного гребня (*Травкин, 2022. С. 20, 22. Рис. 10: 5*), который, вероятнее всего, принадлежит к типам К или И по Б. А. Колчину, имеющим широкую датировку и использовавшимся до середины – конца XIV в. (*Колчин, 1982. С. 166*). В другом случае железный поясной наконечник вытянуто-пятиугольной

формы, с ромбовидными прорезями по центру, происходящий из комплекса постройки, перекрытой конструкциями первых (предположительно) укреплений Плеса и отнесенный к домонгольскому времени (*Травкин, 2022. С. 23–26*), имеет аналогии в Твери, где подобная находка датирована XV–XVI вв. (*Солдатенкова, 2008. С. 153–168*).

Тем не менее материалы середины XII – XIII в. в Плесе сейчас действительно хорошо известны, культурный слой этого времени протянулся длинной полосой вдоль волжского берега, центральная часть памятника тяготеет к устью р. Шохонки, впадающей в Волгу у подножия Соборной горы. На настоящий момент наиболее освоенным представляется правый берег Шохонки, по склону которого культурные напластования прослежены вплоть до уровня четвертой террасы (*Несмиян, Несмиян, 2018. С. 5–11; Несмиян и др., 2022. С. 111–118*).

На возвышениях волжского берега, в том числе и в будущей крепости, известна серия малоинвентарных или безинвентарных кладбищ (*Несмиян и др., 2019. С. 65–74*) середины XII – XIII в. Следы бытовой застройки этого времени представлены на площади городища сравнительно небольшим количеством материковых ям, являющихся, по-видимому, свидетельством строительной активности на периферии поселения, располагавшегося в устье Шохонки.

В основном культурный слой городища и открытая в процессе раскопок застройка (с чем согласны все исследователи) относятся ко 2-й половине / концу XIV – 1-й половине XVI в., что подтверждается помимо наличия характерных для этого времени категорий находок представленных значительными сериями (ножи с пластинчатыми рукоятями, разнообразные накладки из железа, цветного металла, кости, щитковые перстни, серьги в виде знака вопроса, овальные короткие кресала, мелкая христианская пластика, замки и ключи типов Г–Е, по Б. А. Колчину, и т. д.), довольно многочисленной монетной коллекцией. Только за последние годы в раскопах на территории крепости было найдено 27 монет, датируемых в пределах конца XIV – 1-й половины XVI в., при этом чеканка большинства из них происходит в течение последних десятилетий XIV – 1-й половины XV в.¹

Таким образом, общая датировка предметов вооружения из Плесской крепости может быть определена в довольно широком хронологическом диапазоне – 2-я половина XIV – 1-я половина XVI в. при возможном снижении интенсивности выпадения находок в культурный слой в начале – 1-й половине XVI в.

Из раскопов и шурфов, заложенных на площади городища начиная с 1986 г., происходит около 50 определимых предметов, которые относятся к комплексу вооружения, воинского и всаднического снаряжения.

В это число входят 22 **железных наконечника стрел**. Все они черешковые; различия по форме, сечению и пропорциям пера позволяют выделить две не равные по численности группы снарядов, одна из которых почти в два раза больше другой.

Граненые (броневойные) – по терминологии А. Ф. Медведева (*Медведев, 1966. С. 78*) – наконечники представлены восемью находками, семь из которых могут быть более или менее уверенно соотнесены с выделенными им типами.

¹ Монетная коллекция, полученная в процессе исследований на городище Плеса в последние годы, сейчас готовится к публикации.

Три наконечника пирамидальной формы с удлинённой шейкой круглого или подквадратного сечения наиболее близки **типам 87 и 89**, отличаясь от последнего отсутствием шипиков по углам (рис. 2: 1, 4–5) (Медведев, С. 82). Вес снарядов составляет от 7,6 до 9,2 г, длина боевой головки варьируется от 23 до 25 мм, ширина (по основанию) – 6–8 мм, общая длина – 55–64 мм. В двух случаях на гранях наконечников имеются желобки (как у **типа 88** – Там же), придающие их четырёхгранному сечению у основания звездчатую форму.

Типологически близкие находки на территории Северо-Восточной Руси, но менее вытянутых пропорций, известны из раскопок в Твери (Лапшин, 2009. С. 90, 322), Суздале, с селищ Суздальского Ополья (Данилов, 1991. С. 96. Рис. 3: 13; Шполянский, 2015. С. 203), посада средневековой Шерны (Чернов, 2023. С. 254. Рис. 206: 1004), селища Ближнее Константиново 1 в Нижегородском Поволжье (Антонов, 2000. С. 19–20. Рис. 1: 3). В Поочье снаряды пирамидальной формы с желобками на гранях найдены на городище Корнике (Клянин, 2000. С. 130. Рис. 1: 13), Старой Рязани (Даркевич, Борисевич, 1995. С. 305. Таб. 77, 2).

Достаточно многочисленны наконечники типа 87 на памятниках района Куликова поля, где их найдено 13 штук, в том числе один с желобками на гранях (Гоняный, Двуреченский, 2013. С. 111, 137. Рис. 11).

Согласно типологии наконечников стрел финала Средневековья – Нового времени (XV–XVII вв.) О. В. Двуреченского, снаряды подобной формы отнесены к **типу 1в** (шиловидные гранёные с вытянутой круглой в сечении шейкой), всего автору известно четыре экземпляра, происходящих из раскопок в Москве (Двуреченский, 2015. С. 232–233).

В Волго-Камье такие наконечники сопоставимы с **типами Б14, Б15**, которые датируются в пределах XII–XIII вв. (Руденко, 2010. С. 52).

Но наибольшее сходство плесские находки, если говорить о памятниках среднего Поволжья, имеют с наконечником с Торецкого поселения, время активного существования которого, как и Плесского городища, приходится преимущественно на XV в. (Валиулина, 2009. С. 19. Рис. 1: 4; 2015. С. 73. Рис. 1: 4).

Двумя экземплярами представлены наконечники **типа 97, варианта 4** (Медведев, 1966. С. 85), удлинённые ромбического сечения, в виде кинжалчика, с короткими вогнутыми плечиками и цилиндрической шейкой (рис. 2: 2, 3). Общая длина наконечников составляет 63–69 мм, длина пера – 37–41 мм при наибольшей ширине в нижней трети формы – 9–10 мм, вес – 9,3–9,6 г. По размерам плесские находки немного уступают большей части подобных изделий, известных А. Ф. Медведеву, который, отмечая относительную массовость этих стрел (им было учтено 115 экз.), фиксировал их широкое распространение – в основном в Поволжье, на Кубани и в южнорусских городах – начиная с середины XIII и в XIV в. На средневековых памятниках русского Северо-Востока такие наконечники до сих пор не были известны. В среднем Поволжье, по-видимому, их можно сравнить с **типом Б36** (кинжаловидные), но средневожские отличаются формой шейки – более короткой, с так называемым «узелковым» упором – в виде валика (Руденко, 2010. С. 126, 183. Таб. XXIX, 540–552, 554–555). Близкий плесским по форме, но с более широким пером и короткой цилиндрической шейкой наконечник присутствует в коллекции стрел с Торецкого поселения (Валиулина, 2009. С. 19. Рис. 1: 5; 2015. С. 73. Рис. 1: 5).

Рис. 2. Плесское городище: оружие дальнего боя. Наконечники стрел. Железо

С «кинжаловидными» поволжскими наконечниками сопоставима еще одна находка из Плеса – крупный, ромбовидный в сечении, удлинённых пропорций снаряд с круглой шейкой, упором в виде валика («узелковым») и практически отсутствующими плечиками (рис. 2: 6) длиной 63 мм, размером боевой головки вместе с шейкой – 42 × 7 мм, весом 9,7 г. Значимым отличием его формы, как от стрел **типа 97**, по А. Ф. Медведеву, так и от средневожских экземпляров, является смещение максимального расширения пера к верхней трети боевой головки, хоть это и слабо выражено. Поскольку прямых аналогий этой находке нет, можно считать это вариацией типа.

Наконечник **типа 76, вариант 3** – пирамидальные трехгранные (Медведев, 1966. С. 79) – представлен массивным экземпляром с короткой круглой шейкой и выраженным манжетовидным упором (рис. 3: 5). Размеры боевой головки – 21 × 7 мм, общая длина наконечника вместе с приостренным, круглым в сечении насадом – 57 мм, вес 7,6 г. Время бытования таких наконечников А. Ф. Медведевым определяется достаточно широко – со 2-й половины XI по XIV в.

К. А. Руденко выделяет среди волго-камских наконечников **тип Б28б**, к которому принадлежат 2 коротких пирамидальных трехгранных снаряда из Биляра или Болгара и из сборов на одном из нижнекамских селищ с такой же широкой датировкой (Руденко, 2010. С. 138, 140). Волго-Камские находки отличаются формой сечения шейки (она восьмигранная) и отсутствием манжетовидного расширения упора.

В. А. Ивановым наконечники с трехгранным в сечении пером в количестве пяти штук называются в числе предметов, характерных для погребальных древностей Урало-Поволжья золотоордынской эпохи, среди которых есть экземпляр с круглой шейкой и манжетовидным упором (Иванов, 2014. С. 237, 241. Рис. 1: 2).

В результате исследований последних лет количество находок бронебойных наконечников с пирамидальной трехгранной боевой частью заметно увеличилось, что позволяет более уверенно обосновать использование снаряженных ими стрел именно в XIV в. или даже во второй его половине с возможностью продолжения бытования в XV в.

Первой находкой, дата которой хоть и не может быть установлена совершенно достоверно, но добавляет возможность именно поздней датировки, является наконечник, обнаруженный при обследовании предполагаемого места сражения на Куликовом поле (Двуреченский, 2019. С. 286). Он представляет собой прямую аналогию находке из Плеса.

Такие же трехгранные пирамидальные экземпляры (2 штуки) с круглой короткой шейкой и манжетовидным упором найдены на т. н. Брик-Алгинском местонахождении, расположенном на юго-западе Башкирии. Благодаря большому количеству монет, обнаруженных в процессе исследований памятника, Г. Н. Гарустович считает возможным датировать время выпадения находок довольно точно – 70-ми гг. XIV в. (Гарустович, 2012. С. 14), что вполне соответствует датировке куликовской стрелы и соотносится с временем начала функционирования Плесского городища.

По-видимому, к этому же времени можно отнести трехгранный наконечник, найденный в Самарской области на Муранском селище, размываемом водами Куйбышевского водохранилища (Сташенков, Кочкина, 2013. С. 267. Рис. 17: 5). Общая датировка памятника охватывает XIII–XIV вв., а сам наконечник отличается

Рис. 3. Плесское городище: оружие дальнего боя. 1–7 – наконечники стрел степного происхождения; 8 – наконечник сулицы; детали колчанной фурнитуры из городов Нижегородско-Костромского Поволжья; 9, 9a – Плес (по П. Н. Травкину); 10, 10a – городище Городок в Нижнем Новгороде (по Н. Н. Грибову); 11 – Кострома (по А. С. Лазареву). 1–8 – железо; 9–11 – цветной металл

наличием длинной цилиндрической шейки, что позволяет говорить о существовании еще одного варианта формы таких снарядов.

Последний из граненых наконечников, найденный на городище, представлен узким изделием ромбического сечения с расширением в средней части. У упора основание боевой головки сплющено с двух сторон, что придает ее сечению шестигранную форму (рис. 2: 7). Острие наконечника обломано, размеры сохранившейся части боевой головки следующие: длина – 28 мм, наибольшая ширина – 7 мм, общая длина – 58 мм, вес – 7,5 г.

Соотнести эту находку с какой-то из известных форм используемых сейчас типологий средневековых стрел не удастся, хотя при раскопках Старой Рязани был найден, вероятно, похожий наконечник ромбического сечения с расширением в средней части боевой головки (*Монгайт*, 1955. С. 184. Рис. 143: 7). Но старорязанская находка у основания тоже имела сечение в виде ромба, а не шестигранника.

Для позднесредневековых стрел О. В. Двуреченский выделяет наконечники **типа 3** – ромбовидные с расширением с средней трети длины пера (*Двуреченский*, 2015. С. 234–235), ссылаясь на работы в крепости Орешек, где есть такие экземпляры, но с круглой шейкой и упором (*Кильдюшевский*, 1999. С. 69).

Вероятно, более близкой аналогией могут служить снаряды, появившиеся в XIV–XV вв. на территории Великого княжества Литовского, где такая форма с расширением в середине и шестигранным сечением нижней части была довольно обычной (*Rackevičius*, 2022. 68 pav. 3, 70 pav. 4, 87 pav. 17. Ć. 279).

Плоские черешковые наконечники собраны на городище в количестве 14 экземпляров. Наиболее многочисленны ромбовидные с расширением в нижней трети пера (8 штук), остальные изделия представлены небольшими сериями или единичными находками.

Довольно подробная типология уплощенных наконечников стрел ромбовидных очертаний предложена О. В. Двуреченским, который констатирует прямую связь морфологии изделий XV–XVII вв. с более ранними и соотносит их с **типами 40 и 44**, по А. Ф. Медведеву (*Двуреченский*, 2015. С. 234–237).

Исходя из датировки плесских находок, важным представляется описание их с учетом особенностей форм как средневековых снарядов, так и наконечников раннего Нового времени.

К **типу 6а** (Там же. С. 234) можно отнести наконечник вытянутых пропорций ромбовидной формы с расширением в нижней трети пера и короткими вогнутыми плечиками (рис. 2: 12). Размеры боевой части составляют 46 × 12 мм, общая длина снаряда – 75 мм, вес – 6,96 г. Особенностью формы пера является выраженное ребро жесткости, проходящее от клиновидного острия до упора. Подобные наконечники известны в Твери (*Лапшин*, 2009. С. 322. Рис. 72: 11), Московском Кремле (*Курмановский, Панова*, 2018. С. 222. Рис. 8: 398 (2) – *ФРОМ*), Свяжске (*Карпов, Старков*, 2019. С. 161, 166. Рис. 1: 5). Они различаются пропорциями (тверская и московская находка короче) и, по-видимому, могут быть датированы в широком диапазоне: 2-й половиной XIV – 1-й половиной XVII в. на городище Городок в Нижнем Новгороде наконечник с ребром, доходящим до упора, был найден в заполнении ямы вместе с серебряной денгой Ивана III (*Грибов*, 2018. С. 148).

Тип 6б – с удлинённой шейкой (*Двуреченский*, 2015. С. 237), уплощённо ромбического сечения с размерами пера 45 × 13 мм, весом 5,7 г (рис. 2: 10). От стрел раннего Нового времени он отличается меньшей длиной боевой головки.

Двумя экземплярами представлены наконечники, которые по размерам и наличию короткой округлой в сечении шейки можно отнести к **типу 6в** – укороченному (*Гоняный и др.*, 2011. С. 39; *Двуреченский*, 2015. С. 237). Это уплощённые с вогнутыми плечиками, линзовидного сечения снаряды (рис. 2: 8–9) с длиной пера 43–52 мм, шириной 14–17 мм и длиной черешка 11–17 мм. Их вес составляет 3,3–6,2 г.

Наконечники **6-го типа** (по О. В. Двуреченскому) всех вариаций хорошо известны на позднесредневековых поволжских памятниках. Такие стрелы составляют большинство находок в нижегородском Городке (*Грибов*, 2018. С. 147–149), Свяжске (*Карпов, Старков*, 2019), представлены значительной серией на Торечком поселении в Закамье (*Валиулина*, 2009; 2015. С. 72–78), что позволяет говорить о сопоставимости наборов стрел и возможном выделении специфики их состава для XV – начала XVI в., поскольку на перечисленных поселениях (кроме Свяжска), так же как и на Плесском городище, доминируют материалы именно этого времени.

Следующий снаряд – вытянутых пропорций, ромбовидной формы с максимальным расширением почти у упора, с короткими прямыми плечиками, без шейки, упор оформлен в виде валика, округлый в сечении (рис. 2: 11). Размеры пера составляют 48 × 15 мм, насад, прямоугольный в сечении, обломан, вес – 7,38 г. В целом он сопоставим с наиболее распространёнными стрелами 2-й половины XV – XVII в., но отличается от них оформлением упора и формой плечиков. Среди средневековых наконечников плесская находка похожа на наиболее поздние экземпляры **типа 37**, по А. Ф. Медведеву (*Медведев*, 1966. С. 63–64), на некоторые из находок с памятников Куликова поля (*Гоняный, Двуреченский*, 2013. С. 133. Рис. 7: 4), датируемых вплоть до 2-й половины XIV в. Но куликовские находки короче и отличаются формой упора.

Среди наконечников Волго-Камья сопоставимыми можно считать стрелы **типа Б39** (№ 581, 899) и **А16а** (№ 963) (*Руденко*, 2010. С. 127–128, 140), которые тоже имеют меньшую длину.

Три наконечника из найденных на городище – это снаряды, не имеющие выраженного упора. Уплощённые, линзовидного сечения, ромбовидной или лавролистной формы с расширением в нижней трети пера; в одном случае из-за плохой сохранности стрелы о её форме можно говорить только предположительно. Размеры пера: 32–59 × 13–16 мм, вес – 6,9–9,4 г (рис. 2: 13–15). Снаряды принадлежат к **типам 46, 63** (*Медведев*, 1966. С. 67, 74), это широко распространённые в лесной зоне Восточной Европы изделия, бытовавшие в течение длительного времени, с рубежа эр и до Нового времени (**типы 7, 13**, по О. В. Двуреченскому – *Двуреченский*, 2015. С. 243).

Разделение наконечников этих типов, которые обычно относят к охотничьему вооружению, можно считать условным, поскольку очертания пера ряда изделий представляют собой переходные формы. По справедливому замечанию С. Д. Захарова, форме пера, по-видимому, не придавалось слишком большого значения при изготовлении стрелы (*Захаров*, 1996. С. 214).

Так же, как уплощенные ромбовидные снаряды с упором, наконечники без упора разных форм стали уже привычными находками в культурных слоях позднесредневековых крепостей и городов. Три экземпляра ромбовидных стрел были обнаружены при раскопках нижегородского Городка (*Грибов*, 2018. С. 148), еще один найден в Коломне (*Ульянова*, 2008. С. 198), лавролистные наконечники есть на Торецком поселении (*Валиулина*, 2009. С. 18; 2015. С. 75). Наконечники без упора составляют, как правило, небольшой процент от общего количества стрел на памятниках XV–XVI вв., тем не менее использование их как боевых представляется вероятным.

В числе стрел, найденных при раскопках Плесского городища, выделяется серия находок, которые обычно связываются с кочевническим комплексом вооружения. К ним можно отнести по меньшей мере шесть предметов.

Два наконечника пламевидной формы **типа 71 варианта 2** – с расширением в средней трети пера (*Медведев*, 1966. С. 77). Снаряды отличаются размерами, больший (рис. 3: 2), довольно хорошей сохранности, размеры линзовидного в сечении пера – 72 × 15 мм, длина вместе с черешком – 115 мм, вес 10,3 г. Переход от пера к насаду оформлен без шейки упором в виде валика. Второй (рис. 3: 3) длиной 78 мм и весом 8,3 г (размеры пера – 48 × 12 мм) имеет шейку круглого сечения.

В Волго-Камье наконечники пламевидной или «втянутой кунжутolistной» формы (**типы А26, Б46**) представлены небольшой серией снарядов (*Руденко*, 2010. С. 40, 129, № 212, 671) и датированы XI–XIV вв.

Срезень в виде узкой вытянутой лопаточки с упором овального сечения и резким переходом к черенку, с острием тупоугольной формы, **тип 67** (*Медведев*, 1966. С. 75), которому соответствуют **типы Б52–52а** среди наконечников Волго-Камья (*Руденко*, 2010. С. 82), представляет собой одну из наиболее массовых форм кочевнических стрел XIII–XIV вв. (рис. 3: 1). О. В. Двуреченский выделяет такие срезни в составе наборов позднесредневековых стрел Московской Руси (**тип 17 – Двуреченский**, 2015. С. 247), хотя отмечает их малочисленность и ограничивает время бытования 2-й половиной XIV – 1-й половиной XV в. Длина наконечника – 93 мм, размеры пера – 59 × 17 мм, вес – 10,9 г.

Вероятно, к числу снарядов степного происхождения можно отнести еще одну находку (рис. 3: 6). Это узкая прямая уплощенная долотовидная лопаточка со слабо сужающимися сторонами у самого острия. Упор стрелы оформлен в виде расширения овального сечения с резким переходом от черешка. Длина наконечника составляет 76 мм, длина пера – 48 мм при ширине 6–8 мм, вес 8,8 г. Похожая стрела, но несколько больших размеров, происходит из Суздальского Ополя, где может быть датирована 2-й половиной XIII – 1-й половиной XIV в. (*Шполянский*, 2023. С. 120. Рис. 54: 5). С учетом особенностей формы среди срезней **67-го типа** можно назвать экземпляры, близкие наконечнику из Плеса (*Медведев*, 1966. С. 150. Таб. 14, 2). В материалах Золоторевского поселения представлены два наконечника, сопоставимые с плесским (*Белорыбкин*, 2001. С. 125. Рис. 76: 8, 9). Довольно большая серия (пять штук) аналогичных снарядов была найдена на городище Корнике в Поочье, правда, отнесены они были Р. В. Кляниным к долотовидным **типа 100**, по А. Ф. Медведеву (*Клянин*, 2000. С. 130. Рис. 1: 36–40). С таким определением вряд ли можно согласиться, поскольку долотовидные наконечники с перехватом (короткой, круглой в сечении шейкой) у черешка существенно отличаются своей

морфологией от находок с Корнике: они имеют выраженное клиновидное сечение с максимальным утолщением в нижней трети боевой головки. Стрелы такой формы хорошо известны в Поволжье (**варианты типа Б5** – Руденко, 2010. С. 119–121) и являются одной из основных бронебойных форм в Суздальском Ополе (*Шполянский*, 2023. С. 111. Рис. 48: 10–14).

Среди находок, происходящих с городища Корнике, два экземпляра, по видимому, имеют те же морфологические особенности (небольшое сужение пера у острия), что и изделия из Плеса и Ополя, что позволяет назвать их близкими аналогиями (*Клянин*, 2000. С. 130. Рис. 1: 36–40) и предложить датировку в рамках 2-й половины XIII – XIV в.

Следующая находка – ромбовидный снаряд с расширением в верхней трети пера с вытянутыми и вогнутыми плечиками, круглой шейкой и упором с пером уплощенного сечения (рис. 3: 4) – известная форма, характерная для позднего средневековья – Нового времени (**тип 9, вариант Б**, по О. В. Двуреченскому – *Двуреченский*, 2015. С. 241–242). Его длина составляет 51 мм, размеры пера – 42 × 12 мм, вес – 8,6 г.

Такие изделия в целом близки **типу 51**, по А. Ф. Медведеву, отличаются от него удлинёнными пропорциями. О. В. Двуреченскому было известно 13 подобных наконечников, найденных преимущественно вблизи южных границ Московского государства, датированы они очень широко: XIV – 1-й половиной XVII в. Исследователь подчеркивает морфологическую близость наконечников 9-го типа с формами, широко распространенными в это время в комплексе вооружения кочевников Южной Сибири и Центральной Азии.

На территории Северо-Восточной Руси две типологически близкие находки известны в Суздальском Ополе (*Шполянский*, 2015. С. 203), еще две происходят из Коломны из комплексов XVI в. (*Ульянова*, 2008. С. 198), наконечник типа 9 есть в нижегородском Городке (*Грибов*, 2018. С. 148).

Последний из плесских наконечников – довольно плохой сохранности, представлен обломком двурогого снаряда, у которого сохранились насад, овальная в сечении вытянутая шейка и основание расходящихся лезвий наконечника (рис. 3: 7). Исходя из формы сохранившейся части изделия (общая длина – 64 мм), его, предположительно, можно определить как обломок вильчатого двурогого срезня **типа 60 варианта 5** (*Медведев*, 1966. С. 72), которые появляются в Восточной Европе после монгольского нашествия.

Среди наконечников раннего Нового времени такие стрелы не встречены, новгородская находка подобного срезня датирована концом XIII – 1-й половиной XIV в.

В Волго-Камье известны только т. н. малые вильчатые двурогие срезни (**типы Б54д и Б566**), которые К. А. Руденко по центральноазиатским аналогиям отнесены к XII – 1-й половине XIII в.

Кроме наконечников стрел к числу находок, связанных с использованием лука, относятся еще два предмета, опубликованные П. Н. Травкиным. В первом случае это **костяное ушко древка стрелы** (*Травкин*, 2022. С. 212) – короткий цилиндр длиной около 2,5 см с утолщением с одного конца, в котором вырезано углубление с прямыми стенками и вогнутым основанием для фиксации тетивы, а с другого – располагалось отверстие клиновидного профиля для соединения с древком стрелы. Подобные костяные ушки для стрел подробно описаны А. Ф. Медведевым; они использовались

на протяжении длительного времени, практически не меняя формы (*Медведев*, 1966. С. 50).

Второй предмет из раскопа 1991 г., располагавшемся в северо-восточной части городища, заслуживает более подробного рассмотрения. Автором работ он описан как крупная (размерами 24 × 23 × 11 мм) литая в двусторонней форме пуговица со следами позолоты, украшенная растительным орнаментом. Отдельно отмечается, что вместе с пуговицей сохранился фрагмент плотной шерстяной ткани с прорезью для нее (*Травкин*, 2022. С. 204).

Изделие имело объемную головку ладьевидной формы и петлю из толстой проволоки овального сечения, слабо расширяющуюся от места крепления (рис. 3: 9–9а).

Благодаря недавним исследованиям такие предметы получили атрибуцию в качестве составной части металлических накладок для подвеса саадака с плоским колчаном, которые, правда, были выявлены до последнего времени только в Причерноморье, Северном Кавказе и Приуралье.

Подробно характер использования подобных накладок (называвшихся в источниках «бендами» или «плащами») описан украинским исследователем В. Прокопенко: они представляли собой бляшки разной формы с петлей с тыльной стороны. На полукруглых выступах колчана или налучья петля накладки вставлялась в узкую прорезь, через нее пропускался или основной, или вспомогательный ремень подвеса (*Прокопенко*, 2020. С. 327–330).

Наиболее ранние подобные бляхи могут быть датированы концом XIV – XV в., имели форму «капли», которую иначе можно описать как миндалевидную, и конструктивно делились на два варианта: двусоставной – с петлей в виде пуговицы со шляпкой, вставлявшейся в прямоугольное отверстие в плоской накладке, и литое изделие с небольшим бортиком с внутренней стороны и припаянной петлей (Там же. С. 330).

Датировка саадачных накладок миндалевидной формы документирована сравнительно небольшим количеством находок, среди которых наиболее значимой можно считать погребальный комплекс кургана 6 могильника 2 у поселения Чегем II в Кабардино-Балкарии, где был найден колчан с сохранившимися деталями фурнитуры двусоставного варианта (*Нагоев*, 2000. С. 53–57). В культурных слоях поселений подобные изделия отмечены в Крыму (Мангуп), Белгороде-Днестровском, Сарайчике, остальные находки представлены беспаспортными вещами (*Прокопенко*, 2020. С. 331–334).

В Верхнем Поволжье саадачные петли-застежки известны сейчас в нижегородском Городке. Одна из них происходит из раскопок Н. Н. Грибова (рис. 3: 10–10а) (*Грибов*, 2018. С. 543. Рис. 118: 8), еще как минимум одна вставка-пуговица и сразу пять миндалевидных накладок с припаянными петлями были обнаружены в процессе новейших исследований этого же памятника 2022 г.² Подобная вставка, но без литого орнамента на ладьевидной головке, происходит из раскопок вблизи Малых мучных рядов в Костроме (рис. 3: 11), (*Лазарев*, 2020. Т. VI. С. 80. Рис. 798. № 61), миндалевидная плоская прорезная пластина с прямоугольным отверстием под вставку найдена в Твери (*Солдатенкова*, 2008. С. 158. Рис. 4: 1) (рис. 4: 1).

² Авторы признательны С. И. Милованову и С. В. Очеретиной за предоставленную информацию.

Рис. 4. Миндалевидные саадачные накладки – «плащи». 1 – Тверь (по В. В. Солдатенковой); 2 – Хлынов (по Л. Д. Макарову); 3–4 – Москва (по Л. А. Беляеву и Ю. В. Степановой); 5 – Лихвин (по О. Л. Прошкину). Цветной металл

Кроме поволжских памятников находки саадачных накладок миндалевидной формы известны из раскопок в Москве (Степанова, 2020. С. 284. Рис. 1: 19; Беляев и др., 2018. С. 45. Рис. 8), Лихвине на верхней Оке (Прошкин, 2021. С. 151. Рис. 1: 2), Хлынове (Вятке) (Макаров, 2001. С. 77. Рис. 33: 13) (рис. 4: 2–5).

Таким образом, плесская находка вместе с серией вещей, происходящих с позднесредневековых русских памятников, свидетельствует о широком использовании саадака с плоским колчаном в комплексе вооружения военных корпораций Московского великого княжества и сопредельных земель в XV в., вероятно, во второй его половине.

Среди находок, также относящихся к ручному метательному оружию, из раскопок на городище Пlesa происходит крупный листовидный наконечник сулицы без упора, с длинным прямым черенком прямоугольного сечения (рис. 3: 8), который, вероятно, следует отнести к охотничьему вооружению. Общая длина изделия – 14,7 см, размеры уплощенного, линзовидного в сечении пера составляют $8,2 \times 2,7$ см, вес – 53,2 г.

Наступательное оружие ближнего боя представлено на городище небольшой, но довольно выразительной серией предметов.

Не имеет среди опубликованных материалов прямых аналогов крупный боевой топор – секира с длинным опущенным и плавно загибающимся к топоричу лезвием и прямоугольным обухом-чеканом (рис. 5: 1). Размеры топора: длина (от обуха до края лезвия) – 13,8 см, высота (по лезвию) – 15,4 см, вес – 566 г. Проушное отверстие овальное, размерами 3,1 × 3,9 см, снабжено шекавицами высотой 5,1 см, размеры обуха-чекана – 2,8 × 2,4 × 2,5 см.

Нижний край лезвия шириной 2,9 см со стороны режущей кромки обломан, имеет ровный срез, обращенный к топоричу, располагается примерно вдоль его оси; по всей видимости, мог примыкать к рукояти вплотную. Кроме того, на расстоянии 0,9 см от края лезвия располагается округлое отверстие диаметром 2–2,5 мм, которое, вероятно, использовалось для его дополнительной фиксации на рукояти.

Несмотря на особенности формы находки из Плеса, ее можно отнести к группе топоров-чеканов, датируемых XIV–XV вв., к **типу 5** типологии топоров позднего средневековья и раннего Нового времени (*Двуреченский*, 2015. С. 138–142). В целом плесская секира имеет все признаки боевого топора этого типа, учитывая и наличие не совсем характерных для подобных изделий шекавиц, тем не менее известных у некоторых новгородских экземпляров (*Торопов, Торопова*, 2007. С. 240. Рис. 3).

По-видимому, как одно из «перьев» шестопера можно определить железную пластину асимметрично-пятиугольной формы со сглаженными углами размерами 8,0 × 2,3 см и толщиной 0,8–1,1 см (рис. 5: 3). Тупоугольная вершина пятиугольника смещена к менее толстой верхней части пера; оно, очевидно, было отломлено от круглой втулки – основания, в которую вставлялась рукоять. Наиболее близкой аналогией изделию из Плеса может служить фрагмент шестопера, происходящий с селища Грязновка 4 на Куликовом поле (*Гоняный, Двуреченский*, 2013. С. 105, 129. Рис. 1).

Редкой находкой для земель Северо-Восточной Руси является т. н. нагель сердцевидной формы – ограничитель, крепившийся в рукояти корда (рис. 5: 2). Корды, или хаусверы, были широко распространены в Центральной и Восточной Европе в XIV–XVI вв. Этот особый вид холодного оружия, имевший большое разнообразие форм и вариантов названий (*Сичевський и др.*, 2017. С. 127; *Стрельченко, Каменский*, 2022. С. 241), представлял собой крупный боевой нож, часто использовавшийся в качестве гражданского оружия. Нагели размещались в основании (у пяты) клинка перпендикулярно ему, препятствуя соскальзыванию руки на лезвие в момент резкого колющего удара (*Прокопенко, Сичевський*, 2020. С. 353), располагаясь, как правило, с правой стороны от рукояти, видимо, еще играя роль защиты от ударов противника (*Возний*, 2019. С. 321).

Нагель из Плеса представляет собой фигурную железную пластину со скобчатым завершением, которая в нижней части переходит в ножку прямоугольного сечения, расширяющуюся у упора, и круглый в сечении штифт или черешок для крепления в пластинчатой рукояти. Размеры изделия: ширина – 3,1 см, общая высота – 3,7 см, длина штифта – 1,2 см, его диаметр – 0,4 см. Максимальная толщина пластины составляет 0,5 см, она плавно уменьшается к краям.

Рис. 5. Плесское городище: наступательное оружие ближнего боя и защитное вооружение. 1 – топор-чекан с секировидным лезвием; 2 – нагель (ограничитель) от корда сердцевиной формы; 3 – фрагмент шестопера; 4–8 – фрагменты оковок ножен; 9 – панцирная пластина. Железо

Нагель такой формы может быть отнесен к **типу 11** классификации, предложенной для подобных деталей европейских кордов П. Жаковским (*Žakovský*, 2014. С. 446–447, 451. Обр. 386). Географически наиболее близкие находки ограничителей этого типа известны в междуречье Южного Буга и Днестра (*Прокопенко, Сичевський*, 2020. С. 359).

Находка нагеля на Плесском городище позволяет дополнить немногочисленную пока серию свидетельств об использовании кордов в Новгородской земле и Северо-Восточной Руси (*Стрельченко, Каменский*, 2022. С. 240–245) и дает возможность предположить, что появление в комплексе вооружения военных корпораций Костромского Поволжья такого оружия свидетельствует о присутствии в их составе «служилой литвы», выходцев с территории Великого княжества Литовского, перешедших на московскую службу (*Пенский*, 2018. С. 133).

Среди вещей, которые, вероятно, также связаны с использованием боевых ножей или другого клинкового оружия небольших размеров, на городище Плеса собрана серия из четырех обломков железных оковок (рис. 5: 4, 5, 7, 8), конструкция которых сравнивается исследователями с фурнитурой ножен средневековых европейских кинжалов (при этом такие ножны могли использоваться и для бытовых ножей). Известны подобные находки в материалах раскопок в Московском Кремле, Переславле Рязанском, Костроме, Нижнем Новгороде, погребальном инвентаре Белореченских курганов (*Курмановский, Панова*, 2018. С. 206–207, 219. Рис. 4; *Лапшин*, 2022. С. 156. Рис. 27: 18–20; *Лазарев*, 2023. С. 176. Рис. 6: 2). Поскольку в Плесе найдены только обломки, размеры целых изделий определить невозможно, наиболее крупный из экземпляров имеет длину 14,5 см, а внутренний максимальный диаметр сохранившихся обойм составляет 2,1–2,3 см, что позволяет предполагать ширину лезвия ножа в пределах 1,8–2,1 см.

Отдельно стоит упомянуть массивную разомкнутую обойму внутренним диаметром 2,3 см, имевшую округлые расширения в месте соединения на штифт, и кольцо для подвешивания с противоположной стороны обоймы (рис. 5: 6). Ширина пластины плоско-выпуклого сечения составляла от 0,8 до 1,6 см (у кольца подвеса). Судя по массивности изделия, обойма должна была испытывать значительные нагрузки и была частью крепежной конструкции, назначение которой сейчас определить сложно.

Защитное вооружение на городище представлено небольшим количеством находок. Это единичные (около 7 за все годы работ) железные кольца, которые предположительно можно определить как кольчужные: они сделаны из круглой проволоки, имеют диаметр от 7 до 11 мм, в двух случаях на кольцах присутствуют уплощенные расширения для крепления «на гвоздь».

Одним экземпляром представлена панцирная пластина прямоугольной формы со скругленными углами (рис. 5: 9), слабо выпуклая, размерами 6,4 × 4,7 см, один угол обломан, ее толщина составляет 1,0–1,3 мм. Вдоль одного из узких краев пластины располагаются два отверстия округлой формы диаметром около 1,5 мм.

Исходя из формы, размеров находки и небольшого количества отверстий для крепежа ее можно сравнить с серией прямоугольных крупных пластин, которые определены П. А. Меляевым и А. Г. Панкратовым как часть «оторочки» доспеха с ламellarным способом крепления, известных на Северо-Западе Руси, русских памятниках

Верхневолжья и Верхнего Дона и датированных 2-й половиной XIV – 1-й половиной XV в. (Миляев, Панкратов, 2019. С. 433).

Но, поскольку находка не подвергалась реставрации, полноценно зафиксировать размещение крепежных отверстий или заклепок не удастся; возможно, она относится к числу деталей панциря клепано-нашивной конструкции, некоторые из которых вполне морфологически сопоставимы с находкой из Плеса (Курмановский, Панова, 2018. С. 210–212; Кулешов, Каменский, 2022. С. 246–260).

Из **всаднического снаряжения**, собранного при раскопках на городище, особенно выразительна коллекция шпор и их обломков, которые представлены 9 находками. Большинство вещей не чищены, поэтому некоторые детали их оформления и конструкции возможно описать лишь в общих чертах. По-видимому, все шпоры колесцовые; кроме трех почти целых изделий, есть крупный обломок дуги с частично сохранившимся держателем, три обломка дуг с петлями, крепежная скоба и звездчатое колесико.

Две шпоры, сохранившиеся почти полностью, относятся к типу VII, по О. В. Двуреченскому (Двуреченский, 2018. С. 129–130), имеют плавно изогнутые S-видные дуги с крепежом в виде сдвоенных отверстий (вариант 7, по А. Н. Кирпичникову), в которых располагались крепежные скобы (крючки) и небольшая пряжка для крепления околостопных ремней (Кирпичников, 1973. С. 68–70. Рис. 37; 38).

В одном случае (рис. 6: 1) у шпоры дуга имела уплощенное сечение, в пяточной части расширялась, образуя у верхнего края тупоугольный выступ прямо над местом прикрепления держателя звездчатого колесика. Размеры шпоры составляли: расстояние от оконечностей крепежных петель до внутренней поверхности пяточной выемки дуги – 8,9 см, ширина (расстояние между крепежными петлями) – 8,4 см, длина держателя – 3,9 см, а общая длина шпоры достигала 13,7 см.

Второй экземпляр VII типа (рис. 6: 2) отличался от предыдущего сечением дуги – почти круглым и наличием пяточного выступа – стержня, располагавшегося над местом крепления держателя, который был утрачен. Размеры шпоры: длина – 10,1 см, ширина – 8,7 см, длина изогнутого пяточного выступа – 2,3 см, общая длина сохранившейся части изделия – 11,1 см.

Третья из относительно целых шпор по характеру изгиба дуги (S-видного профиля) и форме крепежных петель (прямоугольных с двумя линейными прорезями – вариант 2, по А. Н. Кирпичникову) относится к типу VIII по О. В. Двуреченскому (Двуреченский, 2018. С. 130–131) (рис. 6: 3). Ее размеры составляют: общая длина – 13,4 см, ширина 8,9 см, длина держателя 4,1 см. Длина изогнутого стержня пяточного выступа – 2,4 см. Сечение дуг – уплощенно овальное.

Обломки дуг также можно отнести к VII и VIII типам, что определяется по форме сохранившихся крепежных петель: в одном случае (рис. 6: 5) это шпора с плоско-выпуклой дугой S-видного профиля, украшенной орнаментом в виде косой насечки, и две находки с плавным S-видным изгибом плоского и округлого сечения с прямоугольной формы петлями с двумя округлыми отверстиями (рис. 6: 6, 7). О наличии круглых крепежных отверстий можно говорить лишь предположительно исходя из общей формы изделий.

Еще в одном случае из-за плохой сохранности определить тип шпоры невозможно, сохранилась только пяточная часть пластинчатой дуги с фрагментом держателя (рис. 6: 4).

Рис. 6. Плесское городище: шпоры и их обломки. Железо

Оставшиеся детали шпор представлены крепежной пластинчатой скобой овальной формы с сохранившимся крючком, завершение которого оформлено в виде стилизованной змеиной головки (рис. 6: 8), и шестилучевым звездчатым колесиком диаметром 2,1 см (рис. 6: 9). Исходя из размеров и небольшого количества лучей можно предположить, что колесико могло принадлежать экземпляру V или VI типов и датироваться временем не позднее 2-й половины XIV в. (*Девуреченский*, 2018. С. 125–127).

Коллекция шпор и их обломков, собранная при раскопках Плесского городища, в настоящий момент является самой многочисленной из происходящих с позднесредневековых памятников Нижегородско-Костромского Поволжья. Две шпоры VII типа известны сейчас в Костроме (*Лазарев*, 2020. С. 17. Рис. 1365; 2023. С. 176. Рис. 6: 6), шпора VIII типа из раскопок крепости Городок опубликована Н. Н. Грибовым (*Грибов*, 2018. С. 149), пяточная часть колесцовой шпоры с держателем найдена на селище Ближнее Константиново под Нижним Новгородом (*Антонов*, 2000. С. 22–23), обломки еще четырех происходят из Нижегородского кремля (*Лапшин*, 2022. С. 24, 154. Рис. 25: 4). Этим перечнем (за исключением, вероятно, мелких обломков) пока исчерпывается количество определяемых шпор XIV–XV вв. в регионе.

Кроме шпор из всаднического снаряжения на городище собрано пять обломков стремян, три из которых представлены фрагментами дуг прямоугольного сечения с обломанными подножками и петлями, что не позволяет полноценно реконструировать их форму (рис. 7: 3–5). Еще один фрагмент – это верхняя часть стремени (ушко) прямоугольных очертаний с петлей для путлища вытянуто-прямоугольной формы. Размеры обломка – 7,4 × 3,2 см, петли – 2,1 × 0,4–0,5 см (рис. 7: 2), стремя относится к типу VIIa, по А. Н. Кирпичникову (*Кирпичников*, 1973. Рис. 29). Стремена этого типа уже встречались в регионе на памятниках XIV–XV вв. – целое стремя известно из раскопок селища Ближнее Константиново (*Антонов*, 2000. С. 23–24), два экземпляра найдены в слое Торецкого городского поселения в Волго-Камье (*Валиулина*, 2015. С. 90. Рис. 10: 2, 6). Известны находки стремян с прямоугольным завершением и на селищах Московского региона (*Богомолов и др.*, 2019. С. 154. Рис. 4: 10).

Только в одном случае от стремени, найденного на городище, сохранилась бо́льшая часть, что позволяет реконструировать арочную форму изделия; подножка утрачена (рис. 7: 1). Его можно отнести к типу VII по А. Н. Кирпичникову (с прямой подножкой), общие размеры находки – 13,5 × 10,8 см, прорези для путлища – 4,2 × 0,9–1,0 см. Такие стремена относятся к числу наиболее распространенных позднесредневековых форм, отличаясь от более ранних массивностью и бо́льшим размером отверстия под путлище, аналогии известны на Торецком поселении (*Валиулина*, 2015. С. 90. Рис. 10: 3), в Московском Кремле (*Шеляпина и др.*, 1979. С. 222).

Пожалуй, одним из наиболее неожиданных итогов рассмотрения коллекции предметов вооружения, найденных в результате многолетних раскопок Плесской крепости, оказалось небольшое количество находок, которые можно было бы связать с использованием **огнестрельного оружия**.

Поскольку Плес в 1-й половине XVI в. фигурирует в письменных источниках в числе городов, выполнявших роль опорного пункта в борьбе Русского государства с казанскими татарами (*Кабанов*, 2010. С. 18), выпадение в культурный слой городища предметов, связанных с использованием и обслуживанием ручного огнестрельного оружия, было бы вполне ожидаемо. Вместе с тем за все годы работ в крепости

Рис. 7. Плесское городище. Обломки стремян. Железо

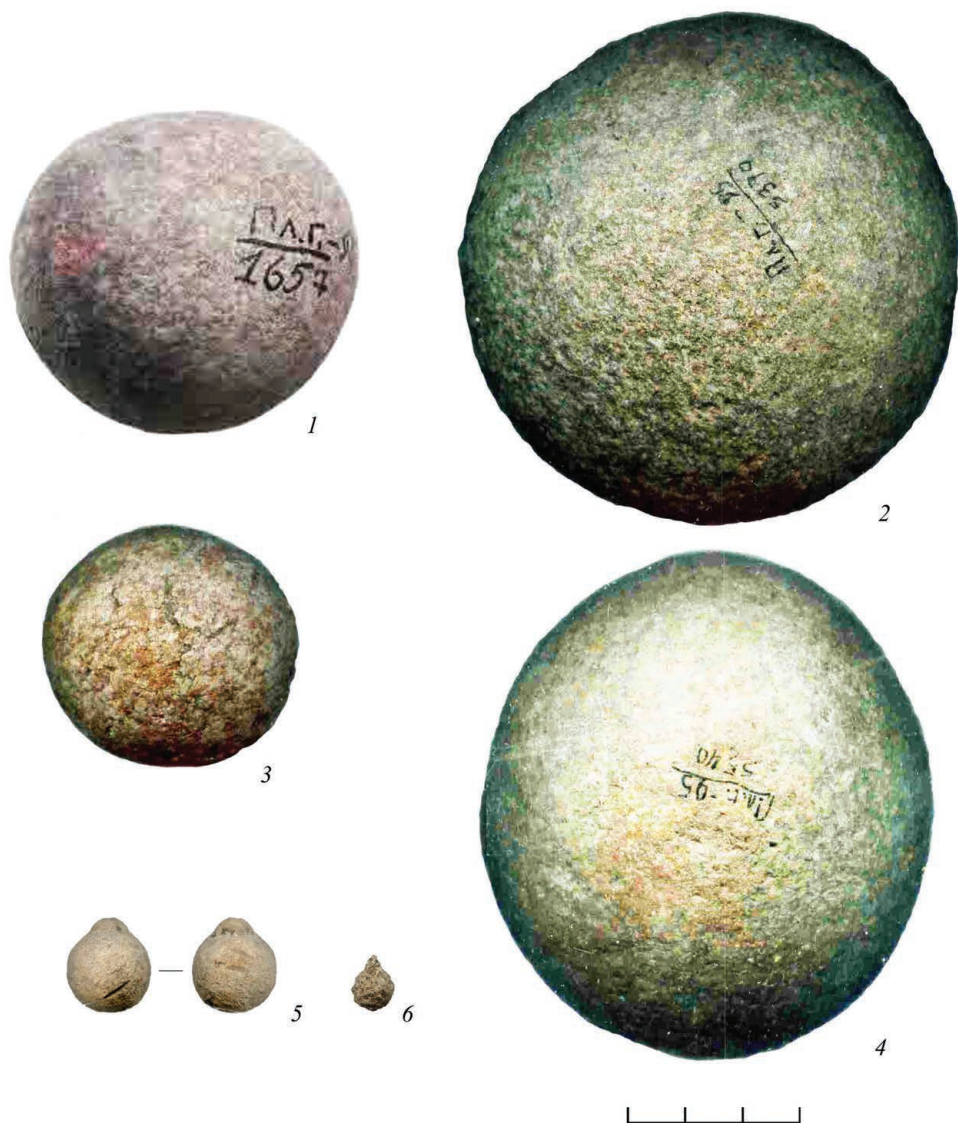

Рис. 8. Плесское городище. Пули и ядра. 1–4 – камень; 5, 6 – цветной металл (свинец)

было обнаружено всего четыре свинцовые пули, две из которых, по свидетельству П. Н. Травкина, происходят из северо-восточной части крепости (Травкин, 2022. С. 187). По описанию автора раскопок, они имеют диаметр 10–11 мм; больше, к сожалению, о них ничего сказать нельзя. Третья пуля представляет собой шаровидный снаряд диаметром 14–16 мм, весом 22 г с небольшим выступом с одной стороны и зарубкой, по-видимому, от удара ножа (рис. 8: 5). Поверхность пули гладкая,

а небольшой выступ – это, вероятно, след от обрубленного литника с последующей обработкой («обкатыванием»). По классификации О. В. Двуреченского ее можно отнести к 1-му варианту 1-й группы свинцовых пуль, использовавшихся в Московском государстве в конце XV – начале XVIII в. Судя по качеству выделки, плесский экземпляр вряд ли можно датировать концом XV – XVI в., он, скорее всего, более поздний (Двуреченский, 2005. С. 264–266).

Последний свинцовый снаряд – небольшой, весом около 1,5 г и диаметром 7–8 мм, с неровной поверхностью с плохо заглаженными кавернами, каплеобразной формы (рис. 8: 6); относится к наиболее мелким пулям или крупной дробе, сделанным с помощью литья с высоты в жидкость – 2-му варианту 2-й группы принятой типологии (Там же. С. 267–270) и может датироваться не ранее 2-й половины XVI в.

Кроме свинцовых пуль на городище было обнаружено еще 4 каменных предмета шарообразной формы, которые были определены П. Н. Травкиным как пушечные ядра (Травкин, 2022. С. 130, 137, 138. Рис. 81: 1). Ядра существенно различаются по размеру, наименьшее имеет диаметр 4–4,2 см (рис. 8: 3), следующее – 5,9–6,1 см (рис. 8: 1), два оставшихся близки по размерам, их диаметры составляют 8,5–8,7 и 8,4–8,9 см (рис. 8: 2, 4).

При крайней редкости обнаружения подобного рода боеприпасов в городах Северо-Восточной Руси исключать такой интерпретации этих изделий нельзя, тем более что в регионе известны находки «Ивановских ручниц», редчайших образцов огнестрельного оружия конца XIV – 1-й половины XV в., одна из которых хранится в фондах Ивановского государственного историко-краеведческого музея им. Д. Г. Бурылина (номер в Госкаталоге 33385620), другая подобная находка – случайная на дне р. Лух у одноименного города-крепости XV в. (Кирпичников, 1976. С. 87–89). Калибр стволов ручниц составляет 2,2–3,1 см, что меньше, чем размер плесских ядер, но, тем не менее, диаметры двух снарядов вполне укладываются в разброс калибров т. н. тюфяков с цилиндрическим дулом – 4–8,5 см (Там же. С. 86–87), два других находятся на границе этого диапазона.

Находки каменных снарядов сопоставимых размеров на территории Восточной Европы известны в Изборске, где они отнесены к числу ядер камнеметов (Седов, 2007. С. 340–341), в крепости Чембало в Крыму часть камней-«пращевиков» могла использоваться как боеприпас для огнестрельного оружия (Дьячков, 2011. С. 208–209), еще пара изделий диаметром около 8–9 см происходит из замка Гваско (Чобан-Куле) (Кузь, 2010. С. 79).

Из географически более близких неопубликованных находок можно назвать несколько похожих на плесские снарядов, происходящих из раскопок городища Любутск, расположенного в калужском течении Оки³.

В итоге следует признать, что определение округлых каменных предметов, найденных при раскопках Плесской крепости, как каменных ядер вполне возможно.

Обзор материалов из раскопок в Плесе позволяет в первом приближении представить комплекс вооружения воинских контингентов, размещавшихся в поволжской крепости в позднем средневековье. Значительное количество шпор и стремян, находка панцирной пластины и выразительных образцов оружия ближнего боя – крупного

³ Авторы признательны И. В. Болдину, исследователю Любутского городища, за предоставленную информацию.

топора-чекана с секировидным лезвием, обломка шестопера, заметной доли среди наконечников стрел броневой экзemplяров – позволяет оценивать этот набор как характерный для тяжеловооруженных всадников.

С другой стороны, количественное преобладание плоских ромбовидных наконечников, присутствие детали саадачной фурнитуры могут характеризовать изменения, происходящие в комплексе вооружения московского войска во 2-й половине XV – начале XVI в. Дополняет картину редкая находка нагеля от рукояти корда – оружия, вероятно, принадлежавшего «служилой литве», массово появляющихся на московской службе при Иване III, в том числе в костромской служилой корпорации (*Пенский*, 2018. С. 133).

Ряд наконечников стрел – пламевидные вытянутых пропорций, срезень с острием тупоугольной формы, броневой с манжетовидным упором треугольного сечения, нехарактерные для колчаных наборов русских лучников – свидетельствует о наличии в составе располагавшихся в крепости отрядов степняков либо их выпадение в культурный слой городища надо расценивать как следствие татарских нападений.

Небольшое количество находок, связанных с использованием огнестрельного оружия, может быть случайностью, но, вероятно, демонстрирует снижение интенсивности функционирования крепости в качестве места базирования войск в 1-й половине XVI в.

Литература

- Антонов Д. А.*, 2000. Предметы вооружения из раскопок древнерусского селища Ближнее Константиново-1 // Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Нижний Новгород. С. 19–24.
- Белорыбкин Г. Н.*, 2001. Золотаревское поселение. СПб. 197 с.
- Беляев Л. А., Батанина М. С., Глазунова О. Н., Решетова И. К., Савельев Н. И.*, 2018. Ивановский монастырь (г. Москва) // Городища, селища, могильники. Раскопки 2017 г. М. С. 40–45. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 25).
- Богомолов В. В., Брусенцов О. А., Володин Е. О., Соловьев Д. Б., Шебанин Г. А., Шеков А. В.*, 2019. Некоторые итоги археологических исследований селища «Аэропорт Домодедово 2» // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 15. М. С. 150–184.
- Валиулина С. И.*, 2009. Наконечники стрел Торецкого поселения // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 151. Кн. 2. Ч. 1. Казань. С. 18–23.
- Валиулина С. И.*, 2015. Предметы вооружения и снаряжения верхового коня Торецкого городского поселения // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 8. Тверь. С. 71–98.
- Возний И. П.*, 2019. Клинковое оружие XII–XV вв. с территории междуречья Верхнего Прута и Среднего Днестра // В поисках сущности: сб. ст. в честь 60-летия Н. Д. Руссева. Кишинев. С. 309–330.
- Гарустович Г. Н.*, 2012. След великой замятни (Местонахождение XIV века у деревни Брик-Алга). Уфа. 222 с.
- Гоняный М. И., Гриценко В. П., Двуреченский О. В.*, 2011. Комплекс вооружения и снаряжения коня и всадника из казачьих слобод Епифанского уезда // Военная археология. Вып. 2. М. С. 32–57.

- Гоняный М. И., Двуреченский О. В., 2013. Комплекс вооружения и снаряжения всадника и верхового коня конца XII – последней трети XIV в., происходящих с территории поселений, расположенных в верховьях Дона // Военная археология Вып. 3. М. С. 102–146.
- Грибов Н. Н., 2018. Нижний Новгород в XV веке: Поиски утраченного города. М. 592 с. (Материалы спасательных археологических исследований; т. 24).
- Данилов В. В., 1991. Предметы вооружения, снаряжения всадника и коня из Суздаля // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М. С. 78–100.
- Даркевич В. П., Борисевич Г. В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М. 448 с.
- Двуреченский О. В., 2005. Боеприпас для ручного огнестрельного оружия Московской Руси конца XV – начала XVIII века // Археология Подмоскovie: материалы науч. семинара. Вып. 2. М. С. 262–295.
- Двуреченский О. В., 2015. Холодное оружие Московского государства XV–XVII вв. Тула. 498 с.
- Двуреченский О. В., 2018. Колесцовые шпоры, происходящие с территории русских княжеств и Московского государства второй половины XIII – XVII вв. // Военная археология: сб. материалов науч. семинара. Вып. 4. М. С. 118–182.
- Двуреченский О. В., 2019. Наконечники стрел с территории предполагаемого места Куликовской битвы // КСИА. Вып. 256. С. 274–292.
- Дьячков С. В., 2011. О метательном оружии гарнизона генуэзской крепости Чембало (XIV–XV вв.) // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Т. 10. Харьков. С. 206–226.
- Захаров С. Д., 1996. Железные наконечники стрел из Белоозера // РА. № 2. С. 207–218.
- Иванов В. А., 2014. Комплекс вооружения кочевников Урало-Поволжья эпохи Золотой Орды // Военная археология. Вып. 3. М. С. 237–244.
- Кабанов А. Ю., 2010. Город Плес и его окрестности в XV–XVII вв. // Плес: Прошлое, реальность, будущее...: сб. ст. и тез. докл. обл. науч.-практ. конф. Иваново. С. 17–25.
- Карпов Э. И., Старков А. С., 2019. Наконечники стрел посадской части города-крепости Свяжск по материалам раскопа «Татарская слободка» // Поволжская археология. № 2 (28). С. 158–171.
- Кильдюшевский В. И., 1999. Оружие XIV–XVI вв. из раскопок крепости Орешек // Раннесредневековые древности северной Руси и ее соседей. СПб. С. 63–79.
- Кирпичников А. Н., 1973. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. // САИ. Вып. Е1-36. Л. 140 с.
- Кирпичников А. Н., 1976. Военное дело Древней Руси XIII–XV вв. Ленинград. 104 с.
- Клянин Р. В., 2000. Находки предметов вооружения с городища летописного города Корниче // Куликово поле: вопросы историко-культурного наследия. Тула. С. 123–133.
- Коваль В. Ю., 2023. Крепость средневекового Плеса по раскопкам 1957 и 1990 годов // Археология Подмоскovie: материалы науч. семинара. Вып. 19. М. С. 110–124.
- Колчин Б. А., 1982. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М. С. 156–177.
- Кузь А. И., 2010. Огнестрельная артиллерия в Северном Причерноморье во второй половине XIV–XV вв. (по данным письменных и археологических источников) // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. Т. 9. Харьков. С. 69–84.
- Кулешов Ю. А., Каменский А. Н., 2022. К вопросу о появлении и распространении клёпано-нашивных систем бронирования на примере хронологии Великого Новгорода // Военная археология Вып. 7. М.; Тула. С. 246–260.

- Курмановский В. С., Панова Т. Д.*, 2018. Предметы вооружения из раскопок 2007 г. в Московском Кремле (краткий обзор) // Военная археология: сб. материалов науч. семинара. Вып. 4. М. С. 202–232.
- Лазарев А. С.*, 2023. Археологические раскопки 2020–2021 годов у лавки церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи в городе Костроме // Археология Подмосковья: материалы науч. семинара. Вып. 19. М. С. 170–184.
- Латишин В. А.*, 2009. Тверь в XIII–XV веках (по материалам раскопок 1993–1997 гг.) СПб. 540 с.
- Латишин В. А.*, 2022. Топография и хронология Нижегородского кремля XIII–XIV вв. (по материалам раскопок 2001–2002 гг.). СПб. 224 с.
- Макаров Л. Д.*, 2001. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв. Ижевск. 140 с.
- Миляев П. А., Панкратов А. Г.*, 2019. Находки фрагментов защитного снаряжения древнерусских типов конца XIV – начала XV вв. из орденских замков Латвии // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 12. Тверь. С. 427–446.
- Монгайт А. Л.*, 1955. Старая Рязань. М. 228 с. (МИА; № 49) (Материалы и исследования по археологии древнерусских городов; т. 4).
- Нагоев А. Х.*, 2000. Средневековая Кабарда. Нальчик. 227 с.
- Несмиян О. А., Несмиян В. Г.*, 2018. К истории средневекового Плеса // Археология Плеса: материалы исследований 2007–2018 г. Шуя. С. 5–11.
- Несмиян О. А., Несмиян В. Г., Воробьева Е. Е.*, 2019. Раскопки на территории Соборной горы в Плесе в 2018 г. // Костромской край в Древности, Средневековье и Новое время: к 110-летию со дня рождения П. Н. Третьякова. Кострома. С. 65–74.
- Несмиян О. А., Несмиян В. Г., Кузмичёва О. В.*, 2022. К вопросу о начальной истории г. Плес // АВСЗ. Вып. 12. М. С. 111–118.
- Пенский В. В.*, 2018. Военное дело Московского государства. От Василия Темного до Михаила Романова. Вторая половина XV – начало XVII в. М. 351 с.
- Прокопенко В.*, 2020. Короткий огляд функціональних накладок для підвісу сагайдаку з пласким колчаном // Історія давньої зброї. Дослідження 2018: збірник наукових праць Третьої міжнародної зброєзнавчої конференції. Київ. С. 326–351.
- Прокопенко В., Сичевський С.*, 2020. Нові знахідки нагелів від кордів з території України // Історія давньої зброї. Дослідження 2018: збірник наукових праць Третьої міжнародної зброєзнавчої конференції. Київ. С. 352–361.
- Прошкин О. Л.*, 2021. Исследования в Московской и Тульской областях // Археологические открытия 2019 г. М. С. 149–152.
- Руденко К. А.*, 2010. Средневековое оружие Волго-Камья: железные наконечники стрел VIII–XVII вв.: справочник-определитель археологического материала. Уфа. 254 с.
- Седов В. В.*, 2007. Изборск в раннем Средневековье. М. 413 с.
- Сичевський С., Безкоровайна Ю., Прокопенко В.*, 2017. Корди: пізносередньовічна холодна зброя з нових надходжень Національного музею історії України // Історія давньої зброї. Дослідження 2016. Т. II. Киев. С. 125–133.
- Солдатенкова В. В.*, 2008. Металлические детали одежды и украшения в городском костюме Твери (по материалам раскопа 56 на территории Зятьмацкого посада г. Твери) // КСИА. Вып. 222. С. 153–168.
- Сташенков Д. А., Кочкина А. Ф.*, 2013. Муранское селище – памятник золотоордынского времени на реке Усе (к истории изучения и новые материалы) // Средневековье. Великое переселение народов (по материалам археологических памятников Самарской области). Самара. С. 248–276.

- Степанова Ю. В.*, 2020. Изделия из цветного металла из раскопок на территории Тайнинского сада Московского Кремля 2007 г. // КСИА. Вып. 259. С. 283–300.
- Стрельченко А. В., Каменский А. Н.*, 2022. «Корды ляцкие» в комплексе вооружения древнерусского воина по материалам археологии // Военная археология Вып. 7. М.; Тула. С. 240–245.
- Торопов С. Е., Торопова Е. В.*, 2007. Боевой топор XIV века с Пятницкого раскопа в Старой Руссе // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков. С. 235–245.
- Травкин П. Н.*, 2022. Плесская крепость в XII–XVI вв. Плес. 378 с.
- Ульянова Т. Н.*, 2008. Вооружение средневековой Коломны (XIII–XVII веков) по материалам археологических работ 1991–2006 годов // Археология Подмосковья. Вып. 4. М. С. 195–221.
- Чернов С. З.*, 2023. Могутовский сфрагистический комплекс XII века и предыстория Москвы. М.; Вологда. 383 с.
- Шеляпина Н. С., Панова Т. Д., Авдусина Т. Д.*, 1979. Предметы воинского снаряжения и оружие из раскопок в Московском Кремле // СА. № 2. С. 214–228.
- Шполянский С. В.*, 2015. Датированные находки второй половины XIII – первой половины XV в. из Суздаля и селищ Суздальского Ополья (по материалам археологических исследований последних лет) // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: к 60-летию Николая Андреевича Макарова. М.; Вологда: Древности Севера. С. 199–212.
- Шполянский С. В.*, 2023. Вооружение и всадническое снаряжение // Археология Суздальской земли. Т. 2. Культура, общество, идентичность. М.; Вологда: Древности Севера. С. 103–138.
- Rackevičius G.*, 2002. Arbaletas ir lankas Lietuvoje XIII–XVI a. Vilnius: Lietuvos Pilys. 296 p.
- Žákovský P.*, 2014. Tesáky a problematika jednosečných zbraní stredoveku a raného novoveku: PhD diss. Brno. 584 č.

Архивные материалы

- Лазарев А. С.*, 2020а. Научный отчет о проведенных археологических раскопках на территории г. Костромы в 2017–2018 гг. (Раскопы «Мясные ряды» и «Малые мучные ряды») в 8 томах. Т. VI. Кострома. 229 с. Архив ИА РАН.
- Лазарев А. С.*, 2020б. Научный отчет о проведенных археологических раскопках на территории г. Костромы в 2017–2018 гг. (Раскопы «Мясные ряды» и «Малые мучные ряды») в 8 томах. Т. VIII. Кострома. 200 с. Архив ИА РАН.

Сведения об авторах

- Шполянский Сергей Владимирович*, ФГБУК «Государственный исторический музей»;
e-mail: shpol@yandex.ru;
- Несмиян Ольга Альбертовна*, некоммерческое партнерство «Шуйская археологическая экспедиция»;
e-mail: nesmiyn@yandex.ru;
- Несмиян Владимир Геннадьевич*, некоммерческое партнерство «Шуйская археологическая экспедиция»;
e-mail: nesmiyn@yandex.ru

S. V. Shpolyanskiy, O. A. Nesmiyan, V. G. Nesmiyan

**FINDS OF WEAPONS AND EQUESTRIAN EQUIPMENT
OF THE SECOND HALF OF THE XIV – FIRST HALF
OF THE XVI CENTURIES FROM THE EXCAVATIONS
OF THE PLESS FORTRESS: A REVIEW OF THE COLLECTION**

Summary. The article presents an overview of weapons and equestrian equipment found in the fortress of Ples, located in the Kostroma Volga region. As a result of many years of excavations at the settlement, a decent collection has been acquired, allowing to present the complex of weapons of the military contingents stationed here in the period from the second half of the 14th to the beginning of the 15th century.

Keywords: weapons complex, arrowheads, spurs, battle axe, armor, quiver.

Г. В. Панченко

ИКОНКА-ЗМЕЕВИК ИЗ РАСКОПОК ГОРОДИЩА ПЛЕС И ВОЗМОЖНОЕ РАЗВИТИЕ СИМВОЛИКИ ЗМЕЕВИДНОГО ОБРАЗА

Резюме. В статье представлена редкая иконка-змеевик, обнаруженная на территории городища Плес (Ивановская обл.). Автор уточняет типологию этого вида предметов личного благочестия, связывает иконки-змеевики с апокрифическим житием св. Феодора Тирона, предлагает свою интерпретацию змеевидной композиции и развития символики змеевидного образа.

Ключевые слова: иконка-змеевик, св. Феодор Тирон, Оранта, Плес, Владимиро-Суздальское княжество.

В 1998 г. экспедицией под руководством П. Н. Травкина при раскопках городища Плес (г. Плес, Приволжский р-н Ивановской обл.) на мысовом выступе Соборной горы, почти в его центре, в кв. 174 на глубине 22 см была обнаружена иконка-змеевик (рис. 1) (Травкин, 1998). Автор находки датировал ее вместе с ранними комплексами вещей на городище серединой XII – первой третью XIII в. (Травкин, 2022. С. 20–21; 2023. С. 15–16).

В полевой описи указано, что подвеска изготовлена из бронзы. Круглый змеевик имеет небольшие размеры – $2,4 \times 2,1 \times 0,2$ см (рис. 2). Он отлит в двухсторонней литейной форме. Большая часть ушка утрачена, в результате чего он, вероятно, и был потерян владельцем. Подвеска патинирована, на лицевой стороне слева и у основания ушка видны окислы металла.

На лицевой стороне змеевика – погрудное изображение Богоматери Оранты с поднятыми в молении руками, заключенное в три выпуклые окружности, внутренняя и внешняя из которых – рельефные псевдорубчатые, а срединная – гладкая. Изображение потерто, но читаются лицо с крупными глазами, выпуклый гладкий нимб вокруг головы, руки, детали одеяния. Изображение Христа отсутствует, что отличает подвеску от других с подобным сюжетом.

На обороте в центре – человеческая личина, заключенная в вертикально вытянутый ромб с более длинными сторонами в верхней части, образованный обозначенными линиями точек – туловищами 8 змей, 6 из которых перекрещены. Головы змей

Иконка-змеевик из раскопок городища Плес
и возможное развитие символики змеевидного образа

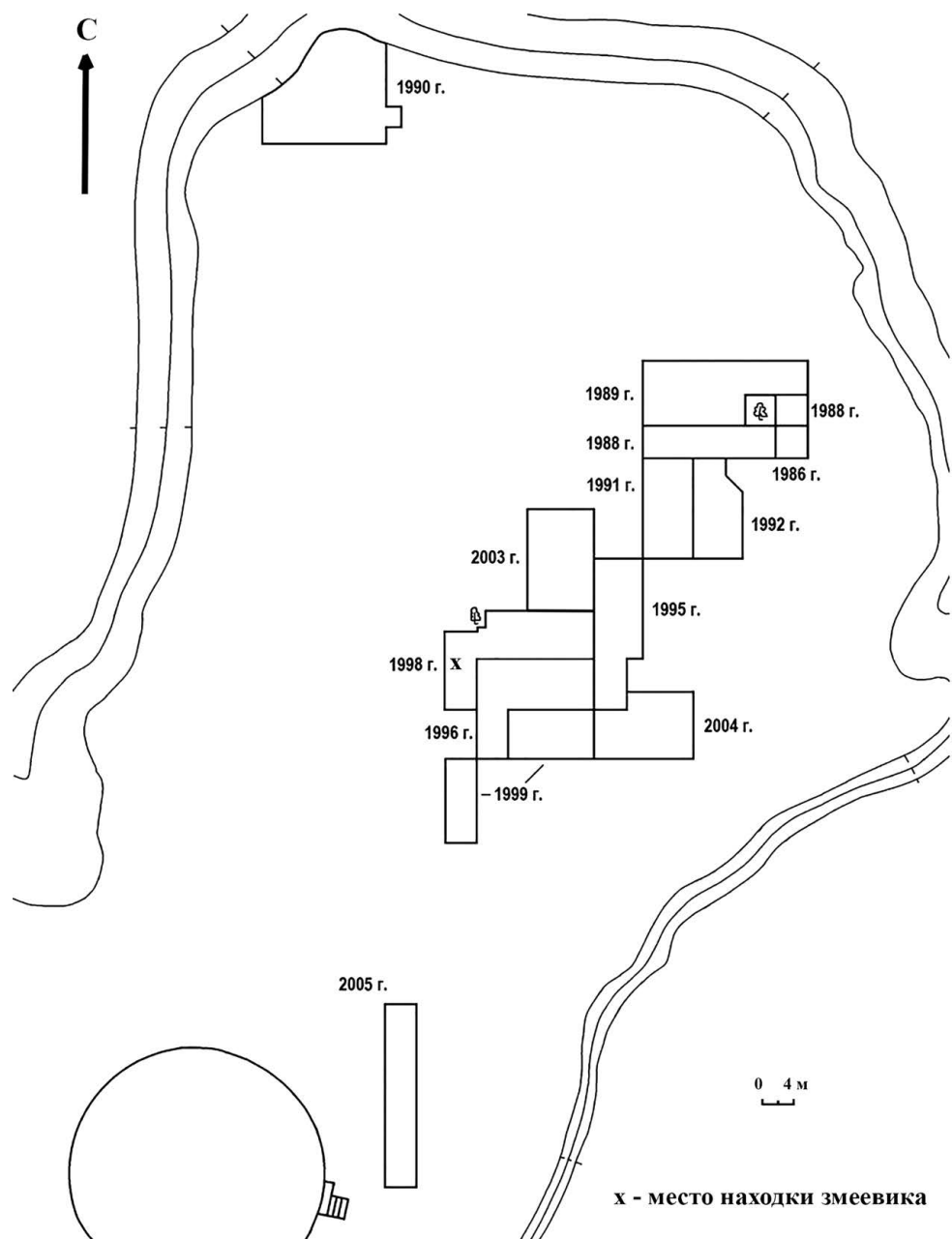

Рис. 1. Городище Плес. Место находки иконки-змеевика, схема П. Н. Травкина

Рис. 2. Иконка-змеевик из городища Плес

справа и слева отвернуты друг от друга, а снизу и сверху повернуты друг к другу. Изображение окантовано рельефной кромкой. Обратная сторона еще более потерта, чем лицевая, что указывает на то, что змеевик носили змеевидной композицией к телу.

Иконка интересна прежде всего своим небольшим размером, что, предположительно, могло быть связано с возрастом ее владельца, которому тяжело было бы носить более крупный медальон.

Аналоги плесского змеевика обнаруживались в результате несанкционированных работ (*Станюкович, Коршун, 2014. С. 187*) и пока мало известны в музейных собраниях. Все они небольшого размера. 5 экземпляров найдены во Владимирской области, 2 в Ярославской, по одному – в Костромской, Тульской и Брянской областях (Там же. С. 51). Вероятно, они имеют русское происхождение и, судя по ареалу распространения, могли изготавливаться на территории Владимиро-Суздальского княжества.

Примечателен тот факт, что у змеевиков с этой змеевидной композицией на лицевой стороне известны пока только изображения Богородицы Оранты двух типов: Знамение и без Младенца, что также можно объяснить детским возрастом их владельцев.

По иконографии лицевой стороны плесский змеевик нельзя отнести ни к одному из известных типов. Это Оранта, но не Знамение. Змеевики с Орантами без Младенца как будто выпали из поля зрения исследователей. Тем временем змеевик с изображением Оранты без Младенца хранится в коллекции ГИМ. Это русская по происхождению круглая иконка XII–XIII вв. размерами $5,2 \times 4,8 \times 0,3$ см из медного сплава (ГИМ 112883/4 ММ 17053, сведения взяты из госкаталога). В книге Т. Н. Николаевой и А. В. Чернецова приведены изображения четырех змеевиков с Богоматерью Орантой (Знамением), изображения змеевиков с сюжетом Богородицы Оранты без Младенца отсутствуют (*Николаева, Чернецов, 1991. С. 105*). Не попали они соответственно и в предложенную авторами типологию (Там же. С. 30–31). При этом Т. В. Николаева считала, что «змеевики с изображениями Богоматери Знамение довольно редки. Все они, видимо, новгородского происхождения, учитывая особое почитание в Новгороде изображения Богоматери Знамение» (Там же. С. 69). С. В. Гнутова датировала новгородские змеевики с этим сюжетом XIV–XV вв. Она также указывала на то, что икона «Богоматерь Знамение» считалась заступницей Новгорода (*Гнутова, 1993б. С. 12*).

Иконография Богородицы Оранты без Младенца редко встречается как в металлопластике, так и в иконописи. Одно из известнейших мозаичных изображений

Оранты в полный рост находится в апсиде киевского Софийского собора (XI в.). И если змеевики с Богоматерью Знамением исследователи связывают с Великим Новгородом и победой новгородцев над войском Андрея Боголюбского в 1170 г., то змеевики с сюжетом Богородицы Оранты, вероятно, восходят к другой традиции. Они символически связаны с именем строителя Софийского собора, великого князя киевского Ярослава Мудрого (время киевского княжения 1016–1018, 1019–1054) и с победой над внешними врагами-печенегами, в честь которой был построен храм. Иконка-змеевик из Пlesa – редкий образец этой иконографии – найден на территории Владимиро-Суздальского княжества, где по политическим мотивам распространение змеевиков с Орантой (Знамением) после неудачного похода на Великий Новгород могло быть затруднено.

Плесский змеевик и подобные ему невозможно отнести к какой-либо из принятых типологий и по змеевидной композиции. Они не относятся к классу 1 (горгона) или к классу 2 (Сцилла), по В. Ю. Ковалю (*Коваль*, 2014. С. 204). Змеевидная композиция нашей иконки кардинально отличается от всех ранее известных и описанных тем, что личина отделена от туловищ змей, не соприкасается с ними. Ее нельзя назвать ни изображением змееногого существа, ни головой горгоны Медузы. Это совершенно иной тип змеевидной композиции. Какой же смысл в нее заложен?

В статье И. И. Толстого есть изображения киотчатых иконок, на оборотной стороне которых кроме «горгоны Медузы» – «змеиногo гнезда», заключенного в окружность, помещены поражающие змея то Иисус Христос, подписанный как сын Матери Божией – ниже змеевидной композиции (№ 30), то некий святой с нечитаемым именем – выше змеевидной композиции (№ 31) (*Толстой*, 1888. С. 30). Здесь же можно видеть срединную часть складня с изображением Никиты на лицевой стороне, а на обороте – св. Феодора Тирона, пронзающего копьём змея, и выше него – «змеиное гнездо» с надписью «МИТИ ФЕДОРА ТИРОНА» (№ 32) (Там же. С. 30–31), что может быть прочитано как «мать Федора Тирона», где «МИТИ(Р)» – транслитерация слова «мать» на греческом языке. Очевидно, этот змеевик или его аналог сейчас хранится в коллекции Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева¹ (рис. 3). Интересно «Житие св. Феодора Тирона» из «Румяцевского Торжественника» начала XVI в., повествующее о том, как в земле Римской царь прекратил давать жертвы змею, захватившему колодезь, тот стал удерживать воду, а мать Феодора, решившая напоить коня своего сына, была захвачена змеем и затащена в его логово. Рабы рассказали Феодору о пропаже матери, он вместе с царем отправился к колодезю и с молитвой приготовился к бою. «Раб же Божий Феодор и вниде в жилище змеево, и обрет мать свою яко деву украшену, златом и серебром покрыту, 12 змей великих остегнули ю и аспида мерьская пред нею»² (Памятники..., 1862. С. 144). По «другому списку: “Дванадесать змий великих облегли ю” (Христ. Древности и археология – Прохорова, кн. V (1864 г.), стр. 62); Феодор “виде издалеча мать свою, седящу, яко деву украшенну златом и бисером, и покрыту дванадесати змиями, и круг ея множество змиев и гадов (Рукопись XVII века, принадл. нам)”» (*Соколов*, 1889. С. 362–363). Обратившись с молитвой

¹ ЦМиАР КП-4476/165.

² Тексты здесь и далее даются в современной орфографии.

Рис. 3. Иконка-змеевик. Центральный музей древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева

ко Господу, Феодор услышал глас Господа о том, что Он с ним, и победил змея и все воинство змеево. Но тут появился змей великий с тремя головами, притащивший двух юношей. Убив его, Феодор с матерью и юношами оказался затворен в колоде, где провел семь дней. Обратившись снова с молитвой ко Господу, Феодор получил помощь от Михаила Архангела, освободившего его с матерью и юношами и открывшего воду в колоде. Этот сюжет можно видеть на иконе начала XVI в., хранящейся в Государственном Русском музее (рис. 4)³.

Киотчатые змеевики С. В. Гнутова датирует XIV–XV вв. и сравнивает с Людогощинским крестом 1359 г., где также присутствуют изображения св. Феодора Тирона и его матери (Гнутова, 1993б. С. 12–13). Они проясняют некоторые элементы сказания. В одном из медальонов с правой стороны креста изображена лошадь, привязанная к дереву, и св. Феодор Тирон, поражающий змея, обвинившегося кольцами вокруг обнаженной женской фигуры – его матери. Надпись сообщает, что святой Феодор Тирон, сошедший в колодец, победил змею, а благословил его Михаил и оружие дал (рис. 5). В медальоне ниже св. Феодор Тирон ведет свою мать, уже одетую, из колодца от змия, что подтверждается соответствующей надписью (Лазарев, 1978. С. 189, 190, 193). Таким образом, в виде «змеиного гнезда» на киотчатых змеевиках мы видим мать Феодора Тирона в колодце в окружении змей. Не исключена, на мой взгляд, такая трактовка не только «горгоны Медузы» или «змеиного гнезда», но и обнаженного змееного существа, которое можно интерпретировать как обнаженную мать Тирона, обвитую змеями, где золото и серебро старинных сказаний – чешуя этих змей. Косвенно в пользу этого предположения свидетельствуют сами изображения «горгон Медуз» и змееногих дев – в них нет ничего устрашающего, можно увидеть страдающее или даже веселое выражение личины, иногда уложенные в прическу волосы (курчавые или расчесанные на прямой пробор). В свете апокрифа круглая или восьмиугольная форма иконок-змеевиков, подчеркнутая рельефом, могла

³ ГРМ. Инв. ДРЖ-2128.

Рис. 4. Икона «Чудо святого Феодора Тирона о змие». Государственный Русский музей

Рис. 5. Людогощинский крест. Тирон освобождает свою мать от змея (по В. Н. Лазареву)

символизировать колодец, в киотчатых иконах эту же роль могла выполнять рельефная окружность, в которую заключалось «змеиное гнездо».

Изображение двух всадников на лицевой стороне змеевика № 21, по И. И. Толстому, которое последний определял как изображение Федора Стратилата и Федора Тирона (?) (*Толстой*, 1888. С. 24), а Т. В. Николаева – как изображение двух конных воинов (*Николаева, Чернецов*, 1991. С. 72), можно уверенно трактовать как изображение молодого безбородого св. Георгия (слева) и св. Феодора Тирона. Обоих воинов объединяет драконоборчество. Феодор заглядывает в лицо своему предшественнику, как бы спрашивая его совета. В войне с подписью АГИАСЪ ФЕДЪРЪ на змеевиках также скорее запечатлен св. Феодор Тирон, чем св. Феодор Стратилат, затоптавший змея копытами лошади, а не убивший копьем, как его предшественник Феодор Тирон. Иконография святых при этом очень похожа.

Но, очевидно, не только Тирону приписывалась способность отгонять от человека злые силы. В свете жития св. Феодора Тирона разнообразные изображения на лицевой стороне: Богородицы, Троицы, Христа, Архангела Михаила – становятся объяснимы. Св. Феодор Тирон связан непосредственно с Богородицей тем, что присутствовал при Благовещении, сообщении о грядущем рождении Девой ребенка. На новгородской иконе последней четверти XIV в. изображен не только Архангел Гавриил, но и св. Феодор Тирон (рис. 6)⁴. Ко Господу в апокрифическом житии Тирон обращается за помощью перед битвой и после нее. О Христе он как свидетель благовествовал Марии. Правда, считается, что святой жил много позже смерти Христа,

⁴ Новгородский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. Инв. № 2178.

Рис. 6. Икона «Благовещение». Новгородский музей-заповедник

и эта часть его жития позже подверглась правке. Архангел Михаил оказывал ему помощь, по одной из версий снабжая копьем, по другой – освобождая из колодца. Изображения св. Никиты и Георгия Победоносца тоже объяснимы как изображения соратников Тирона по борьбе с бесами.

Складывается впечатление, что на лицевой стороне киотчатых иконок-змеевиков нам показывают, кто совершает изгнание демонических сил, а на обороте в змеевидной композиции мы видим поражение дьявола в виде змей и, как следствие этого, процесс экзорцизма – изгнания демонических сил от человека. И формулы, зафиксированные на змеевиках, в таком случае – это молитвы, способствующие изгнанию бесов. Символика лицевых сторон змеевиков явно шире апокрифов о Тироне, следовательно, «змеиное гнездо» («горгона Медуза») и змееногая женщина могут быть символами не только матери Тирона, но и любого человека, страдающего от демонических сил (вызванных ими болезней) и освобождаемого от них. О широком символизме змеевидной композиции свидетельствует и наименование змееборца на оборотной стороне одного из киотчатых змеевиков сыном Богоматери (№ 30) (Толстой, 1888. С. 15).

На золотом змеевике (№ 2, И. И. Толстой) вокруг личины с исходящими из нее змеями читается слово «ЕФРОСУН» (Там же). Это почти полная транслитерация слова *Ευφροσύνη*. На греческом языке *Ευφροσύνη* – это сильная радость, глубокое внутреннее удовлетворение (Назаренко, 2015. С. 87). И эта надпись, таким образом, описывает чувство освобождаемого от демонических сил человека.

Мне кажется наиболее логичным для предмета с иконой на лицевой стороне читать, вслед за Л. В. Далем, другую известную надпись вокруг личины крестообразно как библейское имя «ДАНЬ» (Даль, 1874. С. 74–74). Библия (Быт. 49:16–18) содержит текст: «Дан судити имать люди своя, яко и едино племя по Израили, и да будет Дан змий на пути, седяй на распутии, угрызая пяту конску: и падет конник вспяты, спасния ждый Господня» (Творения..., 1886. С. 395). В более современном издании текст переведен так: «Дан будет судить народ свой, как одно из колен Израиля. Дан будет змеем на дороге, аспидом на пути, уязвляющим ногу коня, так что всадник его упадет назад» (Библия, 1990. С. 47). Кирилл Александрийский, архиепископ Александрийской церкви с 412 по 444 г., в толковании этого фрагмента указывал на то, что имя «Дан значит судия или суд» (Творения..., 1886. С. 395). Значение слова «дан» в переводе с древнееврейского как «судить» содержит и современное толкование Библии (Толковая Библия..., 2009. С. 163, 258). То есть битва со змеем и освобождение матери Феодора от змей названы на змеевиках судом над демоническими силами. При этом неоднозначная трактовка этой надписи, опирающаяся на народные суеверия, веру в «дъну», могла иметь место, но она, как мне кажется, была вторична и искажала символику предмета.

Таким образом, обе стороны иконок-змеевиков явно или опосредованно иллюстрируют события апокрифического жития св. Феодора Тирона, в широком смысле символизируют победу божественных сил над демоническими, а потому иконки-змеевики не являются проявлением двоеверия.

Нужно отметить, что Т. Н. Чернецова и А. В. Николаев отмечали связь киотчатых иконок-змеевиков с культом св. Феодора Тиронома, но, находясь под влиянием гипотезы об их двоеверческом характере, пришли к обратному выводу: «Распространение

амулетов, в которых рядом со змеевидной композицией находится сцена борьбы Феодора со змеем, в ряде случаев сопровождается трансформацией представлений о значении основной композиции. Рядом со змеевидной композицией появляются надписи, которые следует читать как «мати Феодора Тирона» (ТАБЛ. IX, 4; XVIII, 5), указывающие на то, что человеческая голова в центре композиции стала пониматься как голова матери Феодора Тирона, томящейся в плену у дракона в змеином гнезде. Смена мифологического мотива, с которым связана змеевидная композиция, не привела, однако, к изменению ее общей трактовки как демонической. Хоть связь с культом популярного святого придает этой разновидности змеевидной композиции христианизированный характер, она, тем не менее, остается неканонической» (Николаева, Чернецов, 1991. С. 39). Далее идет отсыл к запрету апокрифа о Феодоре Тироне и игнорируется тот факт, что запрет был наложен после нескольких веков признанного существования иконок-змеевиков и самих апокрифов в церковной среде.

В плесском змеевике змеи не соприкасаются с личиной. Отделенное визуально от змей изображение личины можно видеть и на некоторых других иконах-змеевиках. Так, в восьмиугольном змеевике с изображением св. Феодора Стратилата (по атрибуции И. И. Толстого) или св. Феодора Тирона (по моему мнению) личина на обороте отделена от змей окружностью (№ 20, И. И. Толстой). То же мы видим и на энколпии-змеевике (№ 19, И. И. Толстой) (Толстой, 1888. С. 23–24). Окружность в данном случае представляется символом защиты: символически изгнание змей-демонов либо не требуется, либо уже произошло. И эти изображения тоже не вписываются в известные типологии.

В свете изложенного выше необычная змеевидная композиция плесского змеевика и ему подобных, где змеи не соприкасаются с личиной, также может указывать на детский возраст его владельца, ведь дети в православной традиции от рождения считаются существами не греховными, но нуждающимися в защите.

То, что в змеевидной композиции символически мог быть запечатлен любой человек, которого изображенный на лицевой стороне должен был защитить или освободить от демонических сил, подсказывают сами змеевики. Так, на кромке некоторых медальонов, причем чаще всего именно на обороте, вокруг змеевидной композиции размещаются имена. В широко известном змеевике с изображением семи спящих отроков эфесских содержится призыв помочь нареченной в святом крещении Марии (Там же. С. 25). И. И. Толстым опубликован также змеевик с призывом ко Господу на лицевой стороне помочь Авдотье, а на оборотной – Андрею (Там же. С. 16). Конечно, делать именной змеевик – дорогое занятие, и в основной своей массе имен на них нет, что не мешает предполагать, что в центре змеевидной композиции символически в образе матери Тирона изображен сам владелец змеевика, освобождаемый от демонических сил, вызывающих, в частности, болезни.

В целом тот же общий смысл иконок-змеевиков ранее увидела, изучая древнерусскую меднолитую пластику, С. В. Гнутова: «Змеевики с разными образами святых различались не только по своим функциям, но и по центрам их создания и характерным местным иконографическим и стилистическим особенностям. Вместе с тем, все змеевики-обереги символизировали победу над дьяволом и над всяким злом. Об этом свидетельствует строго регламентированный подбор сюжетов с преобладанием среди них образов демоноборцев – архангела Михаила, Никиты Бесогона, драконоборцев – Феодора

Тирона, Феодора Стратилата, Георгия и других святых. Изображение Богородицы на лицевой стороне змеевиков также закономерно, поскольку, по народным представлениям, только в ее образе не мог являться дьявол, и она всегда была скорой помощницей и заступницей от дьявольской силы. Таким образом особо подчеркивался охранительный аспект этих предметов» (Гнутова, 1993а. С. 14–15).

С. В. Гнутова подтвердила это предположение этнографическим сведением о том, «что в северных губерниях России крестьяне издавна носили змеевики вместе с крестом на груди, приписывая им “чудесную силу утешать страдания” при наложении подобных вещей на больные места» (Там же. С. 14–15). Этот же обряд наложения змеевика на больные места описывал С. Нечаев, обнаруживший змеевик в большой семье в Михайловском уезде Рязанской губернии (Нечаев, 1826. С. 136). То есть фактически имел место обряд изгнания с помощью змеевиков бесов, проявленных в болезнях. Отреченное житие дает объяснение и этому использованию змеевиков, сообщая о даре Господа св. Феодору Тирону: «И прият от Бога венец и бесы изгоняя, и слепым прозрение подавая, и глухим – слышание, немым – проглашение, а нам послушающим милость и щедроты подаст, иже с упованием всем творящим пречестную его память. И подаст им Господь Бог помощь неизреченную; исполнится пшеницею и вином и маслом, и всех благих» (Памятники..., 1862. С. 145).

Вероятно, с течением времени народное суеверие стало искажать смысл иконок-змеевиков, усмотрев в них изображение лихорадок и трясовиц, и тогда появились китчатые иконки-змеевики, более полно иллюстрирующие житие св. Феодора Тирона и содержащие пояснительные тексты.

Отреченное житие св. Феодора Тирона известно по полууставным списку, сборнику и Прологу XVI в., хранившимся в Троице-Сергиевой лавре, и также по полууставному сборнику XVII в. из Волоколамского монастыря. Исследователь апокрифов Н. С. Тихонравов отмечал, что «греческий подлинник указан Ламбецием в рукописи венской библ., № 36» (Тихонравов, 1898. С. 82), т. е. родиной отреченного жития считал Византию.

Под влиянием греческого апокрифа и, вероятно, изображения обнаженного женского тела на иконках-змеевиках появились народные стихи о св. Феодоре Тироне, в которых о змее и матери Тирона говорится:

*«Он и дал сосать двоим юношам,
Двоим юношам, двоим змятушкам...
Сосут ее двои юноши,
Двое юноши, двое змятушки...
Змиюношам
Двоим юношам»* (Сочинения..., 1898. С. 83).

Так двое юношей из жития превратились в народных стихах в двоих «змятушек» и было объяснено не вполне традиционное изображение голого женского тела.

Хранение отреченных книг в библиотеках русских монастырей указывает на их долгое бытование в качестве признанных церковных книг. После внесения их в списки отреченных, т. е. запретных, и отнесения к эллинской ереси, очевидно, прекращается массовое изготовление иконок-змеевиков.

Итак, в свете изложенного выше представляется возможным сделать следующие выводы.

1. Плесский змеевик по своей иконографии достаточно редок, предположительно, имеет русское происхождение, мог быть изготовлен вместе с его аналогами на территории Владимиро-Суздальского княжества.

2. Тип иконок-змеевиков Оранта следует разделить на подтипы «Знамение» и «Без Младенца».

3. Прослеживается прямая связь сюжета змеевиков с апокрифическим житием св. Феодора Тирона.

4. Привязка змеевидной композиции к каким-либо греческим мифологическим героям могла иметь место на раннем, византийском, этапе бытования змеевиков до того, как они стали иконами, а затем в иконках-змеевиках змеевидная композиция, очевидно, стала более близким православному верующему символом страдающего от демонических сил человека (в образе матери Тирона).

5. Иконки-змеевики с ромбической змеевидной композицией, подобной плесской, вероятно, являются детскими, их можно отнести по иконографии к новому типу – «Человек вне змей (человек под защитой)». На детский возраст владельцев указывает также размер змеевиков этого типа, не превышающий 3 см, и использование на лицевой стороне только изображений Богородицы Оранты двух типов: «Знамение» и «Без Младенца».

6. Иконки-змеевики не являются проявлением двоеверия, скорее можно усмотреть признаки попыток объяснять их сюжет в XIV–XV вв. исходя из бытовавших суеверий, что привело к появлению кротчатых змеевиков с расширенной иконографией и поясняющими текстами. Вероятно, вместе с запретом, наложенным на апокрифическое житие св. Феодора Тирона, отношение церкви к змеевикам изменилось, и их перестали изготавливать в прежних объемах.

Литература

Библия. Т. I. Л., 1990. 568 с.

Гнутова С. В., 1993а. Медная мелкая пластика Древней Руси (типология и бытование) // Русское медное литье. Вып. 1. М. С. 7–20.

Гнутова С. В., 1993б. Змеевики-обереги Древней Руси // Русское медное литье. Вып. 2. М.: Сол Систем. С. 11–16.

Даль Л. В., 1874. Заметка о медных гривнах XII в. // Древности: Труды Московского Археологического Общества. Т. IV. Отд. II. М. С. 74–76.

Коваль В. Ю., 2014. Иконки-змеевики. О происхождении змеевидных композиций // Славяне и иные языки... М. С. 196–207. (Труды ГИМ; вып. 198).

Лазарев В. Н., 1978. Византийское и древнерусское искусство. М.: Наука. 336 с.

Назаренко А. А., 2015. Греческо-русский словарь христианской церковной лексики с толковыми статьями. М.: Изд-во Московской Патриархии Русской православной церкви. 192 с.

Нечаев С. Д., 1826. Замечание о старинном медном образе // Труды и записки Общества истории и древностей российских при Московском университете. Ч. III. Кн. I. М. С. 121–136.

Николаева Т. В., Чернецов А. В., 1991. Древнерусские амулеты-змеевики. М.: Наука. 124 с. Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. Вып. III. Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным. СПб., 1862. 180 с.

- Соколов М., 1889. Апокрифический материал для объяснения амулетов, называемых змеевиками // Журнал Министерства народного просвещения. СПб. С. 339–368.
- Станюкович А. К., Коршун В. Е., 2014. Неизвестные памятники русской пластики. Обереги-змеевики XI–XIX веков. М.: Группа «Искатели». 336 с.
- Творения Святых Отцев в русском переводе, издаваемые при Московской духовной академии. Т. 53. Творения святого Кирилла Александрийского. Ч. 4. М., 1886. 420 с.
- Тихонравов Н. С., 1898. Сочинения. Т. 1. Древняя русская литература. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых. ХСVII, [2], 358, [2], 137 с.
- Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Т. 1. Ветхий Завет. М.: Дарь, 2009. 1055 с.
- Толстой И. И., 1888. О русских амулетах, называемых змеевиками. СПб. 52 с.
- Травкин П. Н., 1998. Отчет Плесской археологической экспедиции о раскопках Плесского городища Приволжского района Ивановской области в 1998 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 21768.
- Травкин П. Н., 2022. Плесская крепость в XII–XVI веках [Электронный ресурс]. Плес. 378 с. URL: <http://travkin-museum.ru/doc/plesskaya-krepost-V-XII-XVI.pdf> (дата обращения: 22.02.2023).
- Травкин П. Н., 2023. Плесская крепость в XII–XVI веках. Иваново. 302 с.

Сведения об авторе

Панченко Галина Викторовна, Плесский музей-заповедник;
e-mail: oldples@mail.ru

G. V. Panchenko

THE SERPENTINE ICONE FROM THE EXCAVATIONS OF THE PLES SETTLEMENT AND THE POSSIBLE DEVELOPMENT OF THE SYMBOLISM OF THE SERPENTINE IMAGE

Summary. The article presents a rare serpentine icon found on the territory of the Ples settlement (Ivanovo region). The author clarifies the typology of this type of personal piety objects, associates serpentine icons with the apocryphal life of St. Theodore Tyron, offers an interpretation of the serpentine composition and the development of serpentine imagery symbolism.

Keywords: serpentine icon, St. Theodore Tyron, Oranta, Ples, Vladimir-Suzdal Principality.

К. А. Шапова

ВЕСОВАЯ ГИРЬКА «ВОСТОЧНОГО» ТИПА ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА: ОПЫТ АТРИБУЦИИ

Резюме. Статья посвящена весовой гирьке «восточного» типа из собрания Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Гирька была принята в фонды музея в составе коллекции археологических материалов, полученных в ходе раскопок в г. Владимире в 2005 г. на ул. Подбельского, 14. Аналогичные предметы, найденные на территории других древнерусских городов, ранее атрибутировались как «печати-пломбы». В настоящей работе проведен поиск аналогий владимирскому предмету, а также на основании новейших исследований и публикаций находок с территории Болгарского базара предложена атрибуция находки как весовой гирьки восточного производства XIV–XV вв.

Ключевые слова: весовая гирька, ГВСМЗ, Владимир, Болгар, «печать-пломба», восточный импорт, атрибуция.

В 2022 г. в состав музейного собрания Государственного Владимиро-Суздальского музея-заповедника (ГВСМЗ) была принята коллекция археологических материалов, полученная в результате раскопок на территории г. Владимира в 2005 г. Раскоп располагался по адресу: ул. Подбельского, 14.

Среди прочих в коллекции был обнаружен предмет в виде невысокого цилиндра с верхней площадкой круглой формы и круглым отверстием в центре. На площадке помещено рельефное изображение мифического существа, вероятно птицы-сирина (рис. 1). Выполнен предмет из цветного металла в технике литья. Полевая атрибуция предмета была определена как «матрица (?)». Данное определение вызвало сомнения, поскольку в указанной коллекции содержались предметы, также определенные как матрицы. Это «две пластины квадратной и квадрифолийной формы размерами 22 × 22 и 30 × 30 мм соответственно. На обеих пластинах содержится литое выемчатое изображение птицы» (Мухина, 2008. С. 152–153. Рис. 5; 6). Наш предмет разительно отличается от матриц как внешним видом, так и размерами. Высота цилиндра 10 мм, диаметр 30 мм. Кроме того, неясным оставалось назначение круглого отверстия в центре изделия.

Рис. 1. Весовая гирька «восточного» типа, из раскопок 2005 г. во Владимире

В процессе работы с коллекцией была запрошена консультация относительно атрибуции этого предмета у сотрудников Государственного исторического музея и Института археологии РАН¹. Ими было указано на то, что данное изделие, скорее всего, не является матрицей, но истинное его назначение остается неясным.

Дальнейшая работа по атрибуции предмета заключалась в поисках аналогий в научной литературе и в базе Государственного каталога Музейного фонда РФ. В публикации Г. Ф. Поляковой были обнаружены предметы, по внешнему виду и размерам близкие предмету, найденному на ул. Подбельского, 14. Серия находок с рельефными изображениями львов и барсовидных зверей происходила с территории Болгарского городища. Исследовательница с некоторой долей условности называет данные находки «печатами» и предлагает вариант классификации находок, состоящий из 4 типов. Также она указывает, что «печати» представляют собой предмет, составленный из двух половинок, соединенных стержнем между основаниями цилиндра по его центральной оси. На боковой поверхности по линии соединения сделано

¹ Выражаю благодарность С. В. Шполянскому (ГИМ) и И. Е. Зайцевой (ИА РАН) за консультативную помощь.

небольшое отверстие для шнура (Полякова, 1996. С. 239, 242. Рис. 78). Таким образом, прояснилось назначение центрального круглого отверстия, а также стало ясно, что в собрание музея поступил не целый предмет, а половина изделия.

Аналогичный цилиндр с отверстием и изображением мифического животного был найден в Старой Рязани. А. Л. Монгайт указывает, что через отверстие на боковой стороне цилиндра заполнялся свинцом. По аналогии с болгарскими находками предмет определен как печать (Монгайт, 1955. С. 158, 186. Рис. 144: 1). Подобные изделия представлены также и в составе некоторых музейных собраний. Двусоставные предметы цилиндрической формы с рельефными изображениями на плоскостях обнаружены в коллекциях: Государственного исторического музея (ГИМ)², Астраханского музея-заповедника³, Самарского областного музея им. П. В. Алабина⁴. Цилиндры с изображениями зверя и растительного орнамента были обнаружены и в Новгороде (Седова, 1981. С. 172. Рис. 72: 4). Единой атрибуции опубликованных находок не было. Наименования сводились к трем вариантам – «матрица (?)», печать, печать-пломба. Заметим, что атрибуция предметов как «печать-пломба» была использована первоначально применительно именно к новгородским находкам, поскольку было выдвинуто предположение, что внутреннее пространство предмета заливалось воском (Козлова, 2005. Рис. 2). Несмотря на разницу наименований и, соответственно, сложность в определении назначения подобных предметов, с большей долей вероятности их относили к предметам торговли (Полубояринова, 1993).

Г. Ф. Полякова в своей работе отмечает, что появляются подобные предметы в домонгольское время, но основное их бытование приходится на золотоордынский период. Предметы, опубликованные Г. Ф. Поляковой, хранятся в собрании ГБУК «Национальный музей Республики Татарстан». В Госкаталоге РФ им присвоено название «печать-пломба». На основании публикации и анализа предметов из Госкаталога предмет из раскопок в г. Владимире, был первично атрибутирован как печать-пломба и датирован XII–XIV вв. С этой атрибуцией он был принят в коллекцию археологии Владимиро-Суздальского музея-заповедника (ВСМЗ В-60465/378).

Дальнейшая работа по атрибуции предмета стала возможна благодаря выходу в свет коллективной монографии «Центральный базар Болгара и его окружение (междисциплинарные исследования по материалам раскопок 2011–2019 гг.)». В данной публикации В. Ю. Ковалем был рассмотрен торговый инвентарь, происходящий с территории средневекового базара. В поле зрения исследователя попали кроме прочего весовые гирилки различных типов. На территории базара обнаружены как гирилки привычных форм – цилиндрические, граненые, бочонковидные, призматические, так и гирилки западноевропейского типа – усеченно-конические с изображениями крестов на плоскости.

С территории базара происходил и третий – «восточный» – тип гирек. Это массивные цилиндрические предметы, состоявшие в подавляющем большинстве случаев из двух одинаковых по размерам полых половинок, отлитых из медного сплава, соединенных штифтом и залитых свинцом. На плоских сторонах изделий имеются

² № Госкаталога: 32906165.

³ № Госкаталога: 34220495.

⁴ № Госкаталога: 17441070.

рельефные изображения фантастических животных и птиц. Всего на территории базара и неподалеку от него обнаружено 12 гирек. Из болгарских находок наиболее близкой аналогией предмету из собрания ВСМЗ является гирька, на обеих сторонах которой изображено существо с телом птицы и головой человека («гарпией») (Коваль, 2022. С. 57–60. Рис. 61: 4). Продолжая классификацию, Г. Ф. Поляковой гирька с изображением «гарпии» была отнесена к типу В-I-6. Можно заключить, что владимирская находка также относится к этому типу.

В. Ю. Коваль приводит достаточно убедительные аргументы в пользу использования данных предметов именно в качестве весовых гирек. Против использования данных находок в качестве печатей или пломб говорит серийность их производства, большие затраты дорогих материалов при изготовлении одноразового предмета (пломбы), а также тот факт, что внутреннее пространство гирьки заливалось свинцом, а не воском.

Вес болгарских находок был соотнесен с нормами веса, использовавшимися в странах мусульманского Востока, в частности в Болгаре. Одной из таких норм веса был мискаль⁵. Вес целой гирьки со свинцом примерно соответствует весу 45 мискалей (200–202 г), а полый корпус – 8 мискалям (35,7 г). Владимирская находка полая, и вес ее составляет 19,27 г, что примерно соответствует весу 4 мискалей. В. Ю. Коваль предполагает, что полые гирьки и половинки гирек могли являться либо полуфабрикатами, либо использовались в качестве гирек небольшой массы. Также исследователь отмечает, что целые гирьки «восточного» типа соответствуют по весу новгородской гривне (202 г), что может объяснить их использование на территории Древней Руси. По мнению исследователя, датировка данных предметов определяется в пределах XIV–XV вв., поскольку именно к этому времени относятся находки, имеющие четкий археологический контекст (Коваль, 2013. С. 22–28). На данный момент открытым остается вопрос о точном месте производства подобных гирек. Существует несколько версий о предполагаемом месте производства – Болгар, Золотая Орда (Сарай), Иран.

Таким образом, анализ аналогичных предметов и научной литературы дает основания для наиболее полной атрибуции данного предмета как весовой гирьки «восточного» типа XIV–XV вв. Гирька является предметом восточного импорта, происходящим, вероятно, с золотоордынских территорий. Данный предмет – серийного производства и имеет достаточный круг аналогий, происходящих как с территории Болгара, так и с древнерусских памятников. Владимирская находка позволяет расширить зону применения подобных гирек на Руси.

Литература

Коваль В. Ю., 2013. Торговый инвентарь из раскопок базара середины XIV в. в Болгаре // Поволжская археология. № 4 (6). С. 9–33.

Коваль В. Ю., 2022. Торговый инвентарь с территории базара // Центральный базар Болгара и его окружение (междисциплинарные исследования по материалам раскопок 2011–2019 гг.): коллективная монография / Отв. ред. В. Ю. Коваль. М.; СПб.: Нестор-История. С. 50–66.

⁵ Мискаль – норма веса для стран мусульманского Востока (1 мискаль ≈ 4,46 г) (Хинц, 1970).

- Козлова А. В.*, 2005. Восточные предметы быта, ремесла и торговли из раскопок в Великом Новгороде // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы науч. конф. Вып. 19 / Отв. ред. В. Л. Янин; сост. Е. А. Рыбина. Великий Новгород. С. 172–185.
- Монгайт А. Л.*, 1955. Старая Рязань. М.: Изд-во АН СССР. 228 с. (МИА; № 49).
- Мухина Т. Ф.*, 2008. К вопросу об эмальерном производстве во Владимире (находки последних лет) // ABC3. Вып. 2 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 147–155.
- Полубояринова М. Д.*, 1993. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука. 120 с.
- Полякова Г. Ф.*, 1996. Изделия из цветных и драгоценных металлов // Город Болгар: Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков / Отв. ред. Г. А. Федоров-Давыдов. Казань. С. 154–258.
- Седова М. В.*, 1981. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М.: Наука. 195 с.
- Хинц В.*, 1970. Мусульманские меры и веса с переводом в метрическую систему. М.: Наука. С. 1–74.

Сведения об авторе

Щапова Ксения Александровна, ФГБУК «Государственный Владимиро-Суздальский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник»;
e-mail: shchapova_ksenia@mail.ru

К. А. Shchapova

WEIGHT KETTLEBELL OF THE “EASTERN” TYPE FROM THE COLLECTION OF THE STATE VLADIMIR-SUZDAL MUSEUM-RESERVE: ATTRIBUTION EXPERIENCE

Summary. The article is dedicated to the “oriental” type kettlebell from the collection of the Vladimir-Suzdal Museum-Reserve. The kettlebell was accepted into the museum’s funds as part of the collection of archaeological materials obtained during excavations in the city of Vladimir in 2005 on Podbelsky Street, 14. Similar items found on the territory of other ancient Russian cities were previously defined as “stamps-seals”. In this paper, the search for analogies to the Vladimir subject is carried out. Based on the latest research and publications of finds from the territory of the medieval bazaar in the city of Bolgar, the attribution of the find as a kettlebell of the eastern production of the 14th–15th centuries is proposed.

Keywords: kettlebell, GVSMZ, the city of Vladimir, town of Bolgar, stamp-seals, eastern imports, attribution.

А. Г. Лапшин

О ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ДРЕВНЕРУССКОГО РУЧНОГО ГОНЧАРНОГО КРУГА

Резюме. Среди материалов археологического изучения Владимира-на-Клязьме особое место занимают фрагменты древнерусских сосудов, изготовленных в технике ленточной лепки и имеющих на донцах рельефные изображения (гончарные клейма). Морфологический анализ этих изображений позволил выделить среди них несколько групп и идентифицировать как оттиски одной матрицы. Самая большая группа включает 12 единиц. На основании данных трасологического анализа материалов этой группы можно заключить, что владимирский гончар XII–XIII вв. в течение одного рабочего дня на одном ручном гончарном круге (поворотном столике) изготавливал два сосуда.

Ключевые слова: Владимир-на-Клязьме, древнерусская круговая керамика, гончарные клейма, малый круг-подставка ручного гончарного круга, морфология клейма, матрица клейма, трасология, ядровая древесина, годовичные кольца, метиковая трещина.

В рамках работы по проекту РФФИ № 16-11-33001/17-ОГОН «Гончарные клейма древнего Владимира: трехлепестковая розетка» обследованы 793 клейма сосудов, выполненных на ручном гончарном круге и происходящих из культурных напластований Владимира XII–XIII вв. 213 единиц (27 %) этой группы составляют рельефные изображения трехчастной розетки с поворотной симметрией (*Бисерова, Лапшин, 2017; 2018; Лапшин, 2020*). В ходе изучения образцов этой группы клейм с учетом особенностей рельефного изображения (морфология знака) и особенностей отпечатываемой поверхности были выделены 12 фрагментов сосудов, имеющих на донцах рельефные изображения, идентифицированные как оттиски одной матрицы (табл. 1).

Морфологические, метрические и трасологические характеристики изображений выявленной серии идентичны, но не на 100 %. Варьируются высота рельефного изображения, ширина и длина оттиска торцевой трещины, четкость отпечатков годовичных колец, степень неровности поверхности вокруг изображения. Эти различия можно объяснить изменениями в матрице, происходившими в процессе эксплуатации гончарного круга: по мере использования круга-подставки с инталией знака качество оттиска снижалось; с течением времени древесина круга подвергалась коррозии, матрица забивалась формовочной массой и не восстанавливалась или

Таблица 1. Фрагменты древнерусских круглых сосудов с рельефными изображениями группы «трехчастная розетка с поворотной симметрией», идентифицированными как оттиски одной матрицы

№ п/п	№ по паспорту	Год раскопа	Адрес раскопа	Автор раскопа	Тип сосуда	Диаметр донца, мм	Размеры клейма		
							Диаметр кольца, мм	Длина дуга, мм	Высота ваялка изображена, мм
1	390	2004	Торговые ряды-VIII	Курбагов А. В.	Горшок	100	10	7-10	1,4
2	38	2004	Торговые ряды-VIII	Курбагов А. В.	Горшок	90	10	7-10	1,4
3	14	2009	Ул. Большая Нижегородская, 14-22	Лапшин А. Г.	Горшок	100	10	-	1,2
4	В366732/82	1983	ул. Подбельского, 13	Мошенина Н. Н.	Горшок	90	10	7-10	1,1
5	В366732/24	1983	ул. Подбельского, 13	Мошенина Н. Н.	Горшок	100	10	7-10	1,1
6	9	2006	ул. Большая Московская, 1	Кабаев Д. А.	Горшок	100	10	7-10	1,0
7	59	2011	ул. Большая Московская, 104	Кабаев Д. А.	Горшок	95	10	7-10	0,8
8	366	2009	ул. Девическая, 2а	Сазонов С. В.	Горшок	100	10	7-10	0,8
9	91	2011	ул. Большая Московская, 104	Кабаев Д. А.	Горшок	100	10	7-10	0,7
10	178	2003	ул. Подбельского, 12	Шакулова Л. Д.	Горшок	90	10	7	0,7
11	181	2011	ул. Златовратского, 1	Кабаев Д. А.	Горшок	90	10	7-10	0,6
12	117	2011	ул. Златовратского, 1	Кабаев Д. А.	Горшок	100	10	7-10	0,6

восстанавливалась редко. в конечном итоге оттиск исчезал, и на круге производили продукцию без клейма.

Изменения в матрице, происходившие в процессе эксплуатации гончарного круга, позволяют не только объяснить вариации в выявленной группе оттисков, но и установить хронологическую последовательность их производства: *поздние* оттиски будут отличаться от *ранних* меньшей высотой, четкостью рельефного изображения, маркерами коррозии поверхности деревянного круга.

Среди материалов фокусной группы выделяются два образца, которые соответствуют характеристикам *относительно раннего оттиска* и *относительно позднего оттиска*. С учетом перспективы построения условного хронологического ряда они были обозначены как № 1 и № 12 (рис. 1; табл. 1). Эти образцы, являясь оттисками одной матрицы, сильно отличаются по вышеозначенным показателям. У оттиска, определенного как *ранний* (образец № 1): высота рельефного изображения – 1,4 мм; годовые кольца просматриваются плохо; оттиск торцевой трещины четкий и высокий – 1,2 мм; поверхность вокруг изображения ровная. У оттиска, определенного как *поздний* (образец № 12): высота рельефного изображения – 0,6 мм (более чем в два раза меньше, чем у образца № 1); годовые кольца просматриваются хорошо; оттиск торцевой трещины низкий – 0,5 мм; поверхность вокруг изображения – неровная с многочисленными выемками.

На образце № 12 хорошо просматриваются шесть concentрических линий диаметром 60–85 мм. Это оттиски годовых колец торцевого спила бревна, формирующих заболонь. Внутренний круг диаметром 60 мм имеет неровную поверхность. Неровности представляют собой лакуны и являются оттисками мелких дефектов на торцевом срезе бревна, из которого был изготовлен круг-подставка ручного гончарного круга. Эти дефекты возникают в результате разрушения годовых колец ядра ствола. Каждое годовое кольцо образует две части: внутренняя (весенняя – светлая и рыхлая) и наружная (летне-осенняя – более темная и плотная). Годовые кольца

Рис. 1. Фрагменты древнерусских круговых сосудов с рельефными изображениями группы «трехчастная розетка с поворотной симметрией», идентифицированных как оттиски одной матрицы. Обозначения на фото образца № 12: 1 – линия примыкания к донцу нижней ленты, формирующей тулово сосуда; 2 – шесть concentрических линий, формирующих окружности диаметром 60–85 мм – оттиски годовых колец торцевого среза бревна; 3 – круг диаметром 60 мм с неровной поверхностью – корродированная в зоне ядра ствола поверхность торцевого среза; 4 – мелкие частицы древесного угля, интегрированные в формовочную массу; 5 – оттиск метиковой трещины в заготовке деревянного круга-подставки

первых лет жизни дерева толще, чем в последующие годы. Процессы разрушения внутренней части более старых широких колец идут быстрее, чем в более молодых кольцах. То есть центральная часть поперечного спила (зона ядра ствола) более подвержена разрушению, чем периферическая: мягкая ткань ядра выкрошивается быстрее – это приводит к появлению лакун на поверхности среза. Именно это и демонстрирует образец № 12. О детальности передачи оттискивающей поверхности свидетельствует тот факт, что при 20-кратном увеличении на исследуемой поверхности образца № 12 просматриваются мелкие частицы древесного угля, интегрированные в формовочную массу. На сколах данного фрагмента таких частиц не выявлено – это значит, что мелкие частицы угля попали из зольной подсыпки в формовочную массу на этапе формирования донца. Таким образом, при сопоставлении фрагментов № 1 и № 12 просматривается закономерность: сокращение высоты рельефа изображения прямо пропорционально увеличению неровностей внутреннего круга и появлению лакун по линии более молодых годовичных колец. Другими словами – ухудшение качества оттиска матрицы было следствием износа деревянного круга-подставки: коррозия древесины в условиях резких перепадов температурно-влажностного режима и воздействия химических соединений. Это вполне соотносится с нашим предположением о том, что образец № 12 является наиболее поздним из выявленных оттисков одной матрицы.

Итак, среди 12 оттисков одной матрицы были выявлены самый ранний и самый поздний. Остальные оттиски группы были ранжированы в соответствии с изменениями высоты рельефа (от высокого – к низкому) и характеристик поверхности (от ровной – к неровной) (табл. 1). В результате последовательность из 12 единиц сегментировалась в последовательность из пяти пар оттисков со схожими характеристиками и двумя непарными экземплярами. Для обозначения выявленных пар были использованы порядковый номер фрагмента в типологическом ряду и знак тождества (\equiv): $1\equiv 2$; 3 ; $4\equiv 5$; 6 ; $7\equiv 8$; $9\equiv 10$; $11\equiv 12$. Помня о процессах разрушения круга в ходе его эксплуатации, можно полагать что перерыв между производством первого и второго образцов каждой пары был недолгим: матрица и рабочая поверхность круга не успевали измениться настолько, чтобы эти изменения были видны на оттиске. Таким образом, исходя из характеристик, отражающих разрушение древесины круга, можно представить относительную хронологию производства сосудов исследуемой группы: от круга с глубокой и четкой инталией знака на ровной поверхности к кругу с «загрязненной» инталией на корродированной поверхности.

Примечательно, что пары $1\equiv 2$, $4\equiv 5$, $11\equiv 12$ происходят из одних и тех же раскопок. Получается, что сосуды, произведенные друг за другом, использовались в *одних* хозяйственных комплексах. Образцы, формирующие две другие пары ($7\equiv 8$ и $9\equiv 10$), получены в ходе раскопок в разных частях города – т. е. сосуды, произведенные друг за другом, использовались в *разных* хозяйственных комплексах. При этом неоспорим факт того, что *пары оттисков* составляют *большинство* в выявленном типологическом ряду: десять парных (пять пар) и два непарных. Представленная группа гончарных клейм немногочисленна. Но это самая большая известная серия оттисков одной матрицы древнерусского ручного круга. Двенадцать сосудов, фрагменты которых составляют рассматриваемый типологический ряд, были произведены на одном станке и демонстрируют семь этапов коррозии поворотного круга с инталией знака.

С учетом этого хронология производства сосудов описываемой серии может быть дополнена знаком «пауза» (||) и представлена следующим образом: 1≡2 || 3 || 4≡5 || 6 || 7≡8 || 9≡10 || 11≡12. «Пауза» в производстве означает неиспользование круга – т. е. период, когда в дереве круга происходили процессы влагоотдачи и структурной трансформации (ночь между рабочими днями, нерабочий день или большая длительность). Этот тезис может быть проиллюстрирован образцами № 1–3:

- образец № 1 имеет четкий рельеф высотой 1,4 мм, *ровную* поверхность круга и *длинный* оттиск метика;
- образец № 2 имеет четкий рельеф высотой 1,4 мм, *ровную* поверхность круга и *короткий* оттиск метика;
- образец № 3 имеет четкий рельеф высотой 1,2 мм, *бугристую* поверхность круга и *длинный* оттиск метика.

Все эти различия могут быть объяснены следующим образом. Сосуд № 1 был сформован на *сухом* круге. Сосуд № 2 был сформован на круге с *высокой влажностью* – вероятно, почти сразу после сосуда № 1, когда суспензированные остатки зольной подсыпки заполнили метиковую трещину, а повышение влажности древесины привело к ее разбуханию и сужению трещины. Потом был период, когда в древесине круга проходили процессы влагоотдачи и структурной трансформации:

- рабочая поверхность круга стала бугристой;
- зольная суспензия высохла и выкрошилась из метиковой трещины, которая в процессе усыхания древесины расширилась или вернулась к начальному размеру;
- инталия на подсохшем поперечном спиле не очистилась.

Метик – это продольная трещина в стволе дерева. Инталия знака прорезает структуру годовых колец. Площадь примыкания глины/суспензии к поверхности инталии больше, чем в метике. «Зацепиться» глине/суспензии в метиковой трещине сложнее, чем на ячеистой поверхности инталии. Это соотносится с более низким рельефом знака и длиной трещины образца № 3. Таким образом, сосуды № 1 и № 2 были произведены друг за другом, а сосуд № 3 – после длительной паузы.

Вернемся к хронологическому ряду фрагментов: 1≡2 || 3 || 4≡5 || 6 || 7≡8 || 9≡10 || 11≡12. Несмотря на количественную ограниченность исследуемой группы, данный ряд позволяет говорить об определенном *ритме производства*: периоды использования круга перемежались периодами его неиспользования. Какова была длительность этих периодов? Ответить на этот вопрос можно, зная среднестатистическую скорость коррозии древесины. Но в таком расчете много переменных, большая часть из которых являются еще и неизвестными: порода дерева, температура-концентрация-степень агрессивности разрушающей среды. Наиболее важными факторами являются характеристики температурно-влажностных режимов использования/неиспользования круга. Применительно к Владимиру XII–XIII вв. мы ничего не знаем об этом. Рабочее место владимирского гончара домонгольского времени было в отопляемом помещении или в неотапливаемом? Где хранился гончарный круг – в помещении или на улице? Как часто использовали круг – несколько дней подряд, один раз в неделю, сезонно? Следует также признать, что статистическая группа из 12 единиц для столь детальных расчетов недостаточна. Однако по вопросу о длительности периода использования круга можно высказать хотя и гипотетические, но аргументированные суждения.

Выше было отмечено, что перерыв между производством единиц каждой пары был недолгим: матрица и рабочая поверхность круга не успевали измениться настолько, чтобы эти изменения были видны на оттиске. При этом подразумевается, что все сосуды рассматриваемой серии были произведены на ручном гончарном круге, представляющем вариант поворотного столика. На 8 из 12 фрагментов анализируемой группы просматривается линия примыкания нижней ленты тулова ко дну. На остальных четырех фрагментах переход от дна к тулову не сохранился. Все 12 фрагментов сформованы на одном гончарном круге, следовательно, по технологии ленточной лепки. На основании данных обследования массового керамического материала, происходящего из напластований Владимира домонгольского времени, можно констатировать: большинство сосудов было сформовано в такой технике. Ширина лент варьировалась в пределах 3–6 см. Края лент по периметру изначально утончались для того, чтобы площадь смыкания лент была максимальной. Это определяло неравномерность толщины стенок сосуда, которую компенсировали заглаживанием в большей степени снаружи и в меньшей степени изнутри. Гончар, двигая круг одной рукой, вполне мог выполнить эту операцию.

Все эти детали важны в контексте вопроса о длительности, последовательности и координации действий в процессе создания сосуда (в случае рассматриваемого типологического ряда – горшка). Этот процесс (без учета обжига) включал несколько этапов – подготовка формочной массы, изготовление лент, формовка донца, формовка полого тела (крепление к донцу первой ленты, наращивание стенок, моделирование плеча-шейки-венчика), заглаживание швов. Создание сосуда на ручном круге (поворотном столике) было трудоемким процессом, требовавшим от гончара аккуратности и навыков: сосуд нужно было построить, загладить и выровнять технологические швы. Это действие чем-то напоминало возведение картонного домика, где неправильно поставленный элемент разрушал всю конструкцию. Необходимые аккуратность и тщательность выполнения работ удлинляли процесс. Таким образом, производительность ручного гончарного круга была значительно ниже, чем у круга ножного. С учетом вышесказанного и на основе данных трасологического анализа единиц выявленного хронологического ряда фрагментов сосудов можно заключить, что владимирский гончар XII–XIII вв. в течение *одного* рабочего дня на *одном* ручном гончарном круге (поворотном столике) изготавливал *два* сосуда.

Литература

- Бисерова А. В., Лапшин А. Г., 2017. Гончарные клейма древнего Владимира: Трехчастная розетка // АВСЗ. Вып. 7. М.: ИА РАН. С. 176–187.
- Бисерова А. В., Лапшин А. Г., 2018. Гончарные клейма в виде трехлепестковой розетки из древнего Владимира: опыт трасологического исследования // КСИА. Вып. 251. С. 145–157.
- Лапшин А. Г., 2020. Критерии идентификации оттисков одной матрицы на донцах древнерусской круговой керамики Владимира: опыт трасологического исследования // КСИА. Вып. 260. С. 496–508.

Сведения об авторе

Лапшин Александр Геннадьевич, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых;
e-mail: lapshin-lapshin@mail.ru

A. G. Lapshin

**ON PRODUCTIVITY OF MEDIEVAL RUSSIA
HAND-POWERED POTTER'S WHEEL**

Summary. Fragments of vessels with relief images (pottery stamps) on the bottom are special among the archaeological materials of medieval Vladimir. There are some groups of these relief images identified as impressions of the same matrix. The largest group includes 12 units. Traceological analysis data of these materials show that Vladimir potter of the 12th–13th centuries could make two vessels on one manual hand-powered potter's wheel (turntable) during one working day.

Keywords: Vladimir-on-Klyazma, ancient Russian circular ceramics, pottery marks, small circle-stand of a hand potter's wheel, mark morphology, mark matrix, traceology, heartwood, annual rings, crack in tree trunk cross section.

Е. А. Турова

О ПРОИСХОЖДЕНИИ, ДАТИРОВКЕ И БЫТОВАНИИ НЕКОТОРЫХ СЮЖЕТОВ В ИЗРАЗЦОВОМ ДЕКОРЕ МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА В КОНТЕКСТЕ НАХОДОК НАЧАЛА XVI ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ АЛЕКСАНДРОВСКОЙ СЛОБОДЫ. К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Резюме. В статье представлены результаты анализа группы печных изразцов начала XVI в., найденных в ходе археологических исследований на территории древней Александровской Слободы и являющихся частью аллегорической программы изразцового декора каменных палат великокняжеской резиденции, основанной на символике бестиария, несколько веков прославлявшего властителей Средиземноморья. Рассмотрены изразцы с изображениями двуглавого орла, грифона и львов, выполненные при строительстве дворцового комплекса итальянскими мастерами под руководством Алоизо де Карезано. Выдвигаются предположения об источниках сюжетных мотивов, возможных аналогиях в архитектурных сооружениях Москвы первых десятилетий XVI в. и их дальнейшем развитии в изразцовом декоре Московского царства.

Ключевые слова: Александровская Слобода, изразцовый декор, XVI в., парадная резиденция, двуглавый орел, великий князь, Алевиз Фрязин, св. Амвросий Медиоланский.

Исследования 2005–2022 гг. на территории Александровской Слободы дали находки изразцов из нескольких печных наборов, что позволяет поставить вопрос о составе этих наборов. Решение усложняется тем, что в процессе раскопок не найдено ни одного развала печи «in situ». При этом ряд экземпляров существуют как в красноглиняном без поливы, так и в светлоглиняном поливном вариантах, относящихся к одному временному отрезку. Время их создания уверенно или с высокой долей вероятности определяется в пределах периода строительства (1508–1513 гг.) и первых лет существования резиденции. Время попадания в культурный слой (в небольшом количестве) – в процессе строительства в начале XVI в., в большей степени уже со следами пребывания в кладках – в ходе перестроек и строительства в правление Ивана Грозного и во время окончательного разрушения в смутный и постсмутный

период, преимущественно в 1650–1680-е гг. (Турова, 2015)¹. Такой характер и стратиграфическое распределение материала делает неизбежным поиск близких временных, стилистических и технологических аналогий. Некоторые результаты и выводы, сделанные в процессе этого поиска, представлены в данной работе.

Другим обстоятельством, побудившим нас вернуться к этой теме, является сохраняющаяся неопределенность и путаница в датировке и характеристике как отдельных предметов изразцовой пластики XVI в., так и в целом картины формирования ее на русской почве в этот период. Зачастую самой узкой датировкой для этого материала является XVI – 1-я половина XVII в. Существенное влияние на не всегда корректную датировку оказывает положение монографии Р. Л. Розенфельда об отсутствии в Москве изразцового производства до XVII в. (Розенфельдт, 1968. С. 58).

Сравнительно «чистая» площадка Александровской Слободы со сложной, но хронологически определенной на сегодняшний день строительной историей позволяет, на наш взгляд, установить ряд реперных точек для изменения этой ситуации на примере нескольких сюжетов.

В 2019 г. на участке прирезки 14 раскопа 1 найдено четыре фрагмента терракотовых рамочных изразцов с рельефным изображением двуглавого орла (рис. 1: 1).

Фрагменты найдены в закрытом комплексе. Два из них – в заполнении столбовой ямы от лесов (яма № 46), впущенной при возведении одного из каменных столбов галереи Большой палаты². Яма перекрыта выравнивающей площадку галереи заливкой (заливка 5'³) известкового раствора, выполненной на заключительном этапе строительства. При разборке заливки найдено еще два фрагмента изразцов того же сюжета (рис. 2).

Строительство палаты датировано в письменных источниках упоминаниями ее как «новой» в чине и разряде свадьбы Ивана Васильевича 1575 г. и описаниями на этом месте временной деревянной палаты в чинах 1571 г. (Турова, 2018б. С. 202–207). Археологически здание датируется найденными в конструкциях ее юго-западной стены монетами начала, середины и последней четверти XVI в.: медными тверскими монетами пуло, 1-й четверти XVI в., а также монетой «князь великий и государь Всея Руси» 1533–1547 гг. и не имевшим длительного хождения курляндским шиллингом 1575 г. (Турова, 2020. С. 109–110. Рис. 6), найденными в прослойке, отложившейся на этапе окончания строительных работ и перекрывающей заливку и яму, в которых найдены изразцы.

Таким образом, два или три одинаковых изразца с изображением орла (рис. 1: 2) были разбиты при разборке старых печей, произошедшей в начале 1570-х гг. во время строительства новой каменной Большой палаты дворцового комплекса

¹ К сожалению, в аннотацию к рис. 4 данной публикации, отражающей стратиграфическое распределение фрагментов изразцов, вкралась ошибка. Исправленный вариант аннотации содержится в воспроизведении данной статьи в Библиотеке «РусАрх» (<http://www.rusarch.ru/turova4.htm>) и в публикации о технологическом исследовании группы изразцов, найденных до 2011 г. (Ярош и др., 2015. С. 188. Ил. 1).

² Нижние части здания исследованы в 2015–2022 гг. Древнерусской археологической экспедицией Государственного Эрмитажа (Турова, 2018б; 2020).

³ Нумерация 5' дана указанной архитектурной конструкции в начале исследования здания в 2015 г. и во избежание путаницы сохранена в научных отчетах о работах сезонов 2015–2022 гг. Ее не следует отождествлять с заливкой 5, относящейся к более раннему строительному периоду, датируемому началом XVI в.

О происхождении, датировке и бытовании некоторых сюжетов
в изразцовом декоре Московского царства в контексте находок начала XVI века
на территории Александровской Слободы. К постановке вопроса

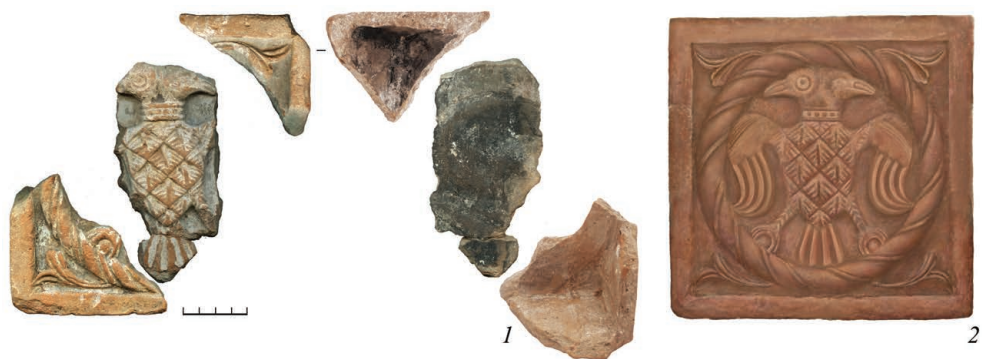

Рис. 1. Печные изразцы начала XVI в. с изображением двуглавого орла, найденные во вторичном использовании в конструкциях Большой палаты (ок. 1571–1575 гг.) на территории Александровской Слободы в 2019 г. ДАЭ ГЭ. Раскоп 1. Прирезка 14. 1 – фрагменты изразцов (яма № 46, заливка 5); 2 – реконструкция. Рис. А. С. Богдановой

Рис. 2. ДАЭ ГЭ. Раскоп 1. Прирезка 14. Восточный участок. Яма № 46, заливка 5' – конструкции заключительного этапа строительства Большой палаты (ок. 1571–1575 гг.). Места находок фрагментов изразцов с изображением двуглавого орла возле столбов наружной галереи здания

Александровской Слободы. Их осколки использованы в забутовке конструкций у столбов ее наружной галереи. Все четыре фрагмента имеют следы длительного пребывания в кладке печи, два – с сильным нагаром с внутренней стороны. Это обстоятельство сужает датировку изготовления изразцов как минимум до 1-й половины XVI в.

По месту находки – в самом центре резиденции – можно предполагать, что печь находилась в одном из самых парадных ее зданий, возведенных в начале XVI в. и разрушенного, полностью или частично, при возведении новой грозненской палаты. Остатки одной из этих построек (возможно, Столовой палаты) зафиксированы в нескольких метрах от места находки (Турова, 2020. С. 113–115).

Особенности терракотового теста фрагментов визуальны идентичны характеристикам теста изразцов (стенных, поясов, городков и перемычек), по результатам исследований признанных близкими в технологическом отношении образцам итальянской неполивной керамики начала XVI в. в декоре построек Московского Кремля этого времени (Ярош и др., 2015. С. 186). Это дает дополнительные основания для уточнения датировки фрагментов до первых десятилетий XVI в. и основания связывать их появление с работами группы итальянских мастеров под руководством Алоизо де Карезано (Алевиза Старого или Алевиза Фрязина в московской традиции).

Орел (рис. 1) в шейном украшении – ожерелье – ленте с четырехгранными бусами в круглом обрамлении в виде венка из перевитых лент с вплетенными в них нераскрывшимися цветочными бутонами, заполнившими углы квадратной пластины. Лицевые поверхности сохранили следы побелки, и, возможно, один из них изначально был покрыт тонким слоем ангоба⁴.

Размер целого изразца, восстанавливаемый по фрагментам, около 20,5 см, что позволяет отнести его к самым большим стеновым изразцам печного набора. В документах XVII в. подобные изразцы назывались изразцами «большой руки» (Филиппов, 1938. С. 38). Оговоримся сразу, что на сегодняшний день нами прослежено четыре размера лицевых изразцов для указанного периода, в связи с чем применение к ним градаций типа «большой», «малой» и даже «средней руки» представляется не вполне корректным, тем более что их существование в XVI в. подтверждения, насколько нам известно, не находит.

Оттисков, полностью тождественных найденному в Александрове изразцу с двуглавым орлом, нами не найдено. Близкую аналогию⁵ ему составляют два экземпляра меньшего размера, найденные при раскопках А. Г. Векслера в Москве 2003 г. (Бойцов и др., 2020. Рис. 4: 30) в Б. Трёхсвятительском переулке, д. 1–3 (рис. 3: 1), и исследованиях МАЭ ИА 1988 г. на ул. Забелина, д. 5 (подъемный материал) (Чернов, Бойцов, 2020. С. 132. Рис. 7; С. 144. Рис. 16) (рис. 3: 2). Ряд специфических нюансов двух этих оттисков, найденных в 300 м друг от друга, свидетельствует о том, что они

⁴ Что дает возможность с осторожностью предполагать чередование терракотовых и ангобированных изразцов в пределах одной композиции, как это было при укладке полов в постройках начала XVI в., с использованием разноцветных терракотовых красных, ангобированных (светлый ангоб по красной терракоте давал желтоватый или розоватый тон) и чернолощенных плиток (Турова, 2018а. С. 134).

⁵ Вероятнее всего, к этой же группе следует отнести фрагмент изразца с двуглавым орлом, найденный на территории Романова двора в напластованиях 2-й четверти XVII в. (Мирясова, 2009. С. 124, 413. Рис. 167: 1), но размеры фрагмента не позволяют делать окончательных выводов.

Рис. 3. Фрагменты печных изразцов с изображением двуглавого орла, найденные в Москве. 1 – в 2003 г. в ходе исследований под руководством А. Г. Векслера в Б. Трёхсвятительском переулке, д. 1–3; 2 – в ходе исследований МАЭ ИА 1988 г. на ул. Забелина, д. 5 (Чернов, Бойцов, 2020. С. 132. Рис. 7; С. 144. Рис. 16: 3 – зачистка 1; 38 – подъемный материал)

с высокой долей вероятности выполнены в одной форме. Узкорамочные терракотовые изразцы с изображением двуглавого орла в круглом медальоне из переплетенных лент и граненых прямоугольных бус почти идентичны александровскому. Сохраняются все основные особенности трактовки мотива и стилистические характеристики при незначительных отличиях, связанных исключительно с уменьшением размера лицевой пластины с 20,5 до около 18 см: это количество и пропорции перьев, количество пальцев на ноге птицы, менее развитые растительные мотивы в углах, трактовка витой ленты. Изображения отличаются очень тонкой проработкой нюансов и мягкими плавными контурами и плоскостями, характерными для европейской ренессансной пластики. Есть основания относить эти изразцы к одному печному набору с найденным в Александрове и предполагать работу одной мастерской.

Близкими аналогиями описанным московским изразцам являются фрагмент изразца, найденный при работах ЦАИ 2004 г. в Трёхсвятительском переулке, д. 1–3⁶ (рис. 14: 4), и два фрагмента⁷ красноглиняного изразца раскопок в Зарядье

⁶ Сохранился фрагмент рамки, витого медальона, угловой растительный мотив, деформированный до обжига, и незначительный участок по верхней линии правой головы орла с едва заметной разделкой, имитирующей оперение (ЦАИ. 2004 г. № 128. -2.90. Музей Москвы). Незначительные размеры фрагмента не позволяют сузить датировку до первых десятилетий XVI в., хотя по стилистическим особенностям, особенно формовки и теста такая датировка весьма вероятна.

⁷ Сохранился только фрагмент с участком витого медальона из лент и бус и нижней частью лапы и фрагмент с головой и орнаментацией над ней, что не дает возможности детального сопоставления

(рис. 14: 1, 2)⁸. Учитывая, что на уровне от -4.60 до -5.00 на участке были раскрыты остатки деревянных строений усадьбы, датированной авторами раскопок 1-й половиной XVI в. (МАЭ, 1953 г. Табл. LV. Рис. 1. Комплекс 5), указанные изразцы могут быть соотнесены с этим комплексом.

Следует обратить внимание на специфическое решение формы рамки александровского изразца с изображением орла со слегка изогнутыми линиями внутреннего абриса ковчежца, формирующими сильно вытянутые и заостренные углы. Эту особенность⁹, возможно, следует относить к индивидуальным чертам почерка мастера.

С этой точки зрения интересны два других фрагментарно сохранившихся изразца с изображениями на сюжет «львы под деревом» (*Чернов, Бойцов*, 2020. С. 145. Рис. 17), обладающие такой же особенностью, и также найденные в ходе работ 1988 г. на ул. Забелина, д. 5, в заполнении погребца жилого сооружения первой трети XVII в. (Там же. С. 137–140). Исходя из масштаба, приведенного в публикации материалов раскопа, изразцы имели размер около 20 × 20 и около 18 × 18 см (рис. 4: 3, 4).

Часть изразца¹⁰ с рельефом на тот же сюжет найдена при раскопках М. В. Фролова 2010 г. (раскоп 3/10, кв. 25, -2.07) на территории Александровской Слободы к востоку от алтаря Покровской церкви (*Фролов*, 2010. С. 2, 4. Рис. 5; С. 10, 14, 31. № 34. Рис. 18). Несмотря на кажущуюся распространенность мотива, только обращение к изразцу с ул. Забелина, 5, крайне близкому по мелким деталям и по стилистике, позволило нам идентифицировать сюжет изразца, ранее определенный автором раскопок как растительный орнамент, и реконструировать его предполагаемый облик с поправкой на размер, т. к. александровский изразец имеет размер 12,5–12,7 см (рис. 4: 1, 2).

Изразец датирован М. В. Фроловым XVI в. Контекст находки не был точно определен, в качестве места указаны сразу два «слоя», подстилающие «горелую прослойку», «желто-серый гумус с известью и кирпичным щебнем» и «темно-серый гумус с мелкой кирпичной крошкой и угольками», содержащие предметы XVI–XVIII вв. (*Фролов*, 2010. С. 6). Исходя из уровня находки, речь идет о напластованиях, переотложенных при работах монастырского периода, повредивших слой начального этапа строительства и существования резиденции. Тонкий орнамент однозначно ренессансной стилистики и характер очень тонко отмученного терракотового теста¹¹, а также отсутствие следов пребывания в кладке печи на всех поверхностях изразца дают основание включать его в группу александровских изразцов начала XVI в., имеющих стратиграфическую датировку этим периодом.

основной части композиции. Сохранившиеся участки имеют небольшие отличия от аналогичных изразцов Ивановской горки, демонстрирующие чуть менее тонкую, чем там, разработку рельефа, возможно, вторичную по отношению к найденным там экземплярам. Полагаем, что временной разрыв между ними невелик.

⁸ Участок 6, угол Елецкого пер. и Максимовского пер., Кв. 1–2 А, Б, Гл. -4.70–5.00, № 895 (МАЭ, 1953 г. Табл. LIV. Рис. 3) (Музей Москвы. ОФ-27081/26); участок 3, № 15, -1.50 (ОФ-27081/29).

⁹ Подобная обработка углов ковчежца не является уникальной и встречается в рамочных изразцах более поздней датировки, что не противоречит выдвинутому нами тезису.

¹⁰ ГМЗ «Александровская Слобода», АМ НВФ-5728/18.

¹¹ К сожалению, доступен только визуальный анализ.

Рис. 4. Фрагменты печных изразцов с изображением львов под деревом. 1 – найденные в ходе исследований М. В. Фролова 2010 г. (раскоп 3/10, кв. 25, -2.07) на территории Александровской Слободы к востоку от алтаря Покровской церкви; 2 – в ходе исследований М. В. Фролова 2010 г. Реконструкция. Рис. А. С. Богдановой; 3 – в ходе работ 1988 г. на ул. Забелина, д. 5, в заполнении погреба жилого сооружения первой трети XVII в. (Чернов, Бойцов, 2020. С. 145. Рис. 17: 32 (-2.47)); 4 – в ходе работ 1988 г. на ул. Забелина, д. 5, в заполнении погреба жилого сооружения первой трети XVII в. (Там же. Рис. 17: 116 (-2.47))

История появления геральдического орла в символике Московского царства стала предметом многих фундаментальных исследований XX в. и последних лет. Ряд их выводов представляется крайне существенным для данной работы.

Орел – один из главных символов императорского Рима, потерявший свое значение с гибелью империи – вновь возвращается в качестве имперской эмблемы, знака императорского достоинства в Византийской (Восточной Римской) империи уже как двуглавый. На рубеже XII–XIII вв. его использовали представители императорских династий Комнинов, а с последней четверти XIII в. – Палеологов (рис. 5: 1, 2). В первые годы XIII в. двуглавый орел употреблялся в том же качестве на Сицилии, во Фландрии и в Савойе (Соловьев, 2009. С. 113–115, 132, 181).

В конце XII – XIII в. двуглавый орел вновь начинает появляться среди геральдических символов правителей в Малой Азии, на Среднем Евфрате, в Сирии и в Золотой

3

1

2

4

Рис. 5

Рис. 5 (стр. 182). Изображения двуглавых орлов и фантастических птиц. 1, 2 – двуглавый орел в геральдике Палеологов. XIII–XV вв. (1 – саркофаг Ватацы Ласкарис, внучки Феодора II Палеолога, в кафедральном соборе Коимбры; 2 – двуглавый орел на плите – подножии для коронации византийского императора. Греция. Мистра. Монастырь Св. Димитрия); 3 – фрагмент шелковой ткани с двуглавыми орлами и сернами. Испания, XII в.; принадлежит «плащу Девы Марии» из Туира. Musée des Tissus, Lyon. Inv. 28003 (Musée des Tissus Lyon. Guide des Collections, 1998. p. 69); 4 – фрагмент ткани с изображениями фантастических крылатых существ; покров из гробницы св. Зоила, бенедиктинский монастырь Каррион-де-лос-Кондес (Carrion de los Condes). Паленсия. Происходит из Кордовы. XI в. Подарок арабских властителей графам Каррионским. <http://www.arquivoltas.com/8-palencia/02-CarrionSanZoilo04.htm>; <http://www.romanicoaragones.com>

Рис. 6. Фрагмент ткани облачения с изображением грифонов, двуглавых орлов и птиц. Кафедральный собор. Санта-Мария Аннунциата. г. Ананья. 2-я четверть XIII в. Сицилия (Кипр?). Собрание Библиотеки Герциана. Италия

Орде. Правители высекали двуглавого орла как символ всемогущества на стенах своих крепостей, чеканили изображения на монетах (Гончаров, 2015. С. 9–10). Именно с восточным влиянием связано возрождение интереса к этому символу в Византии Палеологовского времени (Соловьев, 2009. С. 120–121, 134; Гончаров, 2015. С. 13).

Однако еще более древние корни имеют изображения фантастических гигантских двуглавых птиц, сочетающих в себе орла, сокола и мифологических крылатых существ (грифона, симурга, гигантской птицы Рухх), фигурирующих в сюжетах верований, являющихся общими для многих религий Азии (Соловьев, 2009. С. 115; Хромов, 2016. С. 3–8). Эти существа, как правило, держали в двух лапах двух крупных животных, в чем исследователи и видят изначальную причину возникновения симметричной композиции с двумя головами. Их впервые обнаруживают в Халдее и на памятниках древних хеттов в Каппадокии (Соловьев, 2009. С. 111, 116; *Androudis*, 2012. С. 210).

Крестовые походы способствовали широкому распространению в XI–XIII вв. восточных тканей с изображениями мифологических двуглавых птиц по всем странам Средиземноморья. Ткани ближневосточного происхождения попадали в европейские страны в результате торговли, даров или как военные трофеи, в том числе через мавританскую Испанию (*Androudis*, 2012. Р. 212–214) (рис. 5: 3, 4). Орлы были частью орнаментальных композиций, иногда наряду с другими животными и птицами. Чаще всего с орлами соседствовали царственные животные – львы и грифоны (*Ibid.* Р. 233–234).

Культура восточной роскоши, сформировавшаяся при дворах как христианских, так и мусульманских властителей, сделала эти ткани принадлежностью правящих элит. Из шелка и парчи с двуглавыми орлами, львами и грифонами шили императорские и священнические одежды, использовали как драгоценные покровы в храмах (рис. 6). Довольно быстро эти мотивы распространились в архитектурном декоре, скульптуре, рельефах и фресках романских построек Испании, Италии, Франции, Балканских стран (*Androudis*, 2012. Р. 212–216; 2016. Р. 319, 324–325).

Драгоценные ткани и одежды из них сохранялись иногда столетиями (Соболев, 1934. С. 87), продолжая оставаться образцом для новых декоративных композиций. Они попадали в реликварии или служили церковными облачениями, где привлекали внимание как образцы и приобретали дополнительную сакрализацию, будучи сопричастны почитаемым храмам и гробницам святых. В свою очередь, орнаменты восточных тканей, воспроизведенные в архитектуре и живописи (Соловьев, 2009. С. 124), иногда становились источником рисунка при изготовлении новых тканей с восточной орнаментацией, пользующейся спросом у европейской аристократии.

Изображения двуглавых птиц и животных на этих орнаментах чаще всего располагались рядами, иногда чередуясь между собой. Довольно большое распространение получили ткани с орлами, вписанными в круглые медальоны, пространство между которыми заполнялись центричными растительными орнаментами. Различия между изображениями двуглавых орлов и двуглавых птиц постепенно стирались. Атрибуты восточных мифических существ – лента-ожерелье, украшенная драгоценными камнями, и зажатые в когтях животные – появляются в изображениях двуглавых и даже одноголовых орлов, по другим признакам мало отличающихся от латинских прототипов.

Орел на терракотовом изразце Александровской Слободы (рис. 1) вписывается в круг близких изображений романской и готической декоративной пластики

Северной и Средней Италии, в первую очередь Ломбардии и юго-западной Франции и созданной под ее влиянием скульптуры позднего кватроченто. Одним из признаков его архаичности следует считать две головы, растущие на одной шее с декоративным ожерельем. Другим признаком, указывающим на более древние прототипы, может служить рисунок лап, развернутых в профиль и охватывающих когтями круглые опоры. Такое положение вновь отсылает нас к восточным птицам, когтящим добычу (рис. 5: 3, 4). Оно встречается в рельефах романских храмов Средиземноморья XII–XIII вв., в т. ч. Италии (рис. 7: 2) и юго-запада Франции: двуглавый орел в декоре портала церкви Св. Мартина в Жансак ля Палю (Gensac-la-Pallue) региона Шаранта на западе Франции (рис. 7: 1), орлы и грифоны над порталом храма Аббатства Сант-Антимо (abbazia di Sant'Antimo) в Тоскане (рис. 7: 3). О сохранении этой традиции в скульптуре Северной Италии во 2-й половине XV в. свидетельствует работа Агостино ди Дуччо из собрания музея замка Сфорцеско (рис. 7: 4). Новой ренессансной компонентой в композиции нашего изразца (рис. 1) стало решение обрамления круглого медальона в виде венка – перевити из лент или из лент и бус.

Это одно из ранних изображений двуглавого орла, ставшего в последней четверти XV в. одной из главных эмблем Московского царства (Гончаров, 2015. С. 5) и лично Великого князя Московского. А в изразцовом декоре – единственное пока известное и самое первое изображение, происходящее из закрытого комплекса и относящееся к началу XVI в. Появление его в декоративном оформлении интерьеров парадных палат следует расценивать не как геральдическое изображение, а как часть бестиария, декларирующего мощь властителя.

К этому же бестиарию может относиться не находящийся пока близких аналогов светлоглиняный поливной изразец¹² с изображением шагающего грифона в рамке, сочетающей продолговатые бусы и витой шнур по контуру центрального поля. Изразец найден в двух фрагментированных экземплярах разной сохранности, выполненных в разных формах¹³. Один (рис. 8) (с муравленно-зеленой поливой) обнаружен во вторичном использовании (со следами нагара) в забутовке конструкции фундамента постройки 4 (Средняя палата?) (Турова, 2018б. С. 202, 204), датируемой серединой – 3-й четвертью XVI в., вероятнее всего, 1570-ми гг., как и постройка Большой палаты. Исходя из датировки строительной конструкции, изготовление изразца может быть отнесено к 1-й половине XVI в., стилистически¹⁴, по характеру теста и поливы

¹² Изразец принадлежит другому печному набору, но являлся частью общей для палат начала XVI в. системы декора. Учитывая наличие двух вариантов исполнения – красноглиняного и поливного для части стальных изразцов в декоре палат начала XVI в., нельзя исключать и возможности существования подобной композиции в красноглиняном исполнении.

¹³ Работы Древнерусской археологической экспедиции 2007 г. под рук. С. В. Томсинского и автора данной статьи; раскоп 1, прирезка 7, забутовка ямы № 101.

¹⁴ Близкий мотив находим в скульптурных изображениях (барельефах) епископского трона епископа Урбана II. 1089 г.; Италия. Апулия. Каноса-ди-Пулья. Базилика Сан-Сабино (итал. Canosa di Puglia. Cattedrale di San Sabino) и изображениях средиземноморских тканей (риза из кафедрального собора г. Ананьи, 2-й четверти XIII в., Сицилия (Кипр?), Библиотека Герциана) (*Tessili liturgici – Mostre Online*, 2017), воспроизводящих узор императорских византийских шелков. Медальоны с грифонами чередуются в рисунке ткани с медальонами с двуглавыми орлами и парами птиц. Подгнанные продолговатые бусы рамки изразца находят прямые стилистические аналогии в резьбе западного портала Архангельского собора Московского Кремля (в настоящее время сняты с исторического места и находятся в фондах ММК).

1

2

3

4

Рис. 7. Орлы и грифоны в пластике Средиземноморья. 1 – двуглавый орел в декоре портала церкви Св. Мартина в Жансак ля Палю (Gensac-la-Pallue). Франция; 2 – грифон. Капитель Атриума базилики Сант-Амброджо в Милане. XII–XIII в. Ломбардия; 3 – орлы и грифоны над порталом храма Аббатства Сант-Антимо (abbazia di Sant’Antimo). Тоскана; 4 – орел среди символов евангелистов. Рельеф из собрания музея Замка Сфорцеско в Милане. Ск. Агостино ди Дуччо (1418 – ок. 1481)

Рис. 8. Фрагмент изразца с изображением грифона. Белая глина, полива. Начало XVI в. Найден во вторичном использовании в конструкции фундамента постройки 4 (Средняя палата?) середины – 3-й четверти XVI в. на территории Царицына двора Александровской Слободы. ДАЭ ГЭ. Раскоп 1. прирезка 7, забутовка ямы № 101

наиболее вероятно датировка началом XVI в. Другой экземпляр (с золотисто-желтой поливой) почти полностью утратил поверхность лицевой пластины¹⁵, он найден в 2009 г. к востоку от восточного угла Покровской церкви в ходе исследований под руководством М. В. Фролова, предположительно датируется началом XVI в.

Элементом той же системы аллегорий является композиция с двумя львами под деревом. Источником этого мотива является сюжет императорской охоты, распространенный в орнаментах шелка восточного происхождения уже в IV–VIII вв., где львы и барсы символизируют добычу, достойную властителей (*Соболев*, 1934. С. 87–94).

Фрагменты тканей с этим сюжетом, датированных около IV в., сохранились¹⁶ в облачениях Амвросия Медиоланского (340–397), святого покровителя Милана (*Ambrosio*), в базилике Сант-Амброджо и изучены лабораторией Боннского университета в 2014 г. (*Universität Bonn*). Ткани одежды Свяtitеля почитались как реликвии несколько веков, будучи выставленными в алтаре¹⁷, и не могли не быть известны мастерам, работавшим в Милане.

¹⁵ Раскоп 3, участок 1, кв. 7, № 19, -1.81, прослойка «темно-серого погребенного гумуса», перекрывающая прослойку «светло-серого погребенного гумуса». Соотнесение стратиграфии раскопов ДАЭ ГЭ и ООО «Кром» свидетельствует о том, что данная прослойка соответствует прослойке (7^я) ДАЭ ГЭ, относящейся ко времени строительства и первых лет существования резиденции. Изразец охранил фрагменты хвоста и крыла грифона и небольшой участок рамки с продолговатыми бусами, не имеющими граней.

¹⁶ В монографии Н. Н. Соболева приведен рисунок, являющийся, по мнению автора, повторением композиции из собора Сант-Амброджо в Милане «с незначительными вариантами» (*Соболев*, 1934. С. 86. Рис. 38; С. 93). Но шелк, представленный реставраторами покровов св. Амвросия, имеет существенное отличие от опубликованного Соболевым – львы и барсы изображены отдельно от других животных, а не на спинах оленей (*Old Silk, Old Roads, Old Habits*. <https://blog.fitnyc.edu/volumesandissues/2014/09/23/old-silk-old-roads-old-habits/>).

¹⁷ Св. Амвросий был погребен в основанной им в 379–386 гг. базилике в Милане, позднее получившей его имя. После смерти святителя в 1050–1128 гг. был построен новый – существующий – храм, куда были перенесены мощи святителя (древнейшие части здания датируются IX–X вв.) (*Sant' Ambrogio Basilica*).

1

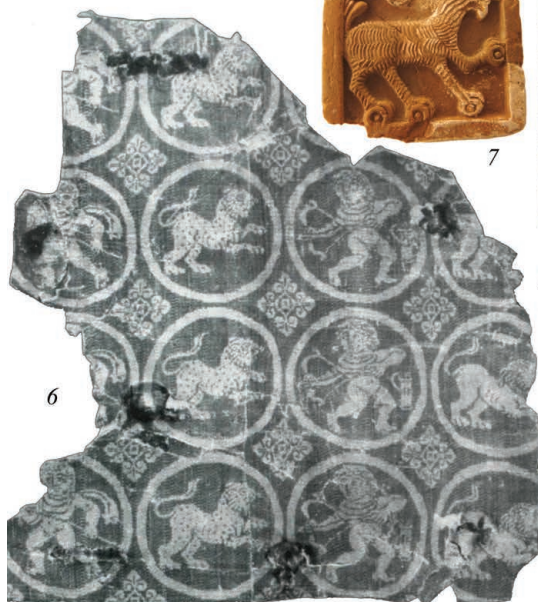
2

3

7

6

4

5

Рис. 9

Рис. 9 (стр. 188). Мотивы императорской охоты в облачениях св. Амвросия Медиоланского. 1 – фрагмент шелка со сценой императорской охоты на львов и барсов – аналога ткани облачения св. Амвросия Медиоланского. Византия, X–XI вв. Реликварий в Музее священных искусств. Ватикан. Италия; 2 – фрагмент текстиля – аналога ткани облачения св. Амвросия Медиоланского. Медальон с императором на охоте на льва. Из гробницы св. Кальмина в Мозаке (Пюи-де-Дом), северо-восток Франции. Подарен Мозаку Пиппином Коротким в 761 г. н. э. Musée Historique des Tissus, Lyons, France. Опубликовано: *Falke*, 1913. Abb. 219; 3 – львы под деревом. Капитель Атриума базилики Сант-Амброджо в Милане. XII–XIII вв. Ломбардия; 4 – фрагмент скульптурного декора портала базилики Сант-Амброджо в Милане. XII–XIII вв. Ломбардия. Вариант сюжета императорской охоты с изображением охотничьих собак и птиц у фантастического дерева. Лев в круглом медальоне – символ евангелиста Марка; 5 – фрагмент скульптурного декора портала базилики Сант-Амброджо в Милане. XII–XIII вв. Ломбардия. Вариант сюжета императорской охоты с изображением зайцев, птиц и охотничьей собаки; 6 – шелковый текстиль с охотничьим сюжетом: львами, барсами и охотником – аналог повязки из реликвий св. Амвросия Медиоланского. Восточное Средиземноморье, IV–V вв. Коллекция Кейра; 7 – изразец с изображением льва, найден при раскопках Старого Английского двора на Варварке. Музейное объединение «Музей Москвы». ОФ 24676/552 Инв. 35180 МГН-р-74 б/№

Из-за плохой сохранности подлинников в публикации об этой работе представлены только аналоги текстиля одежд св. Амвросия, что не дает возможности прямого сравнения. Ткани с подобными композициями сохранялись в виде покровов, в частности в храмах Италии и Франции, и известны по образцам из музея Ватикана и покровов св. Кальмина Аббатства в Мозаке (северо-восток Франции) (*Universität Bonn; Old Silk*) (рис. 9: 1, 2).

Как минимум три рельефа, являющиеся вариациями данного сюжета, сохранились в декоре базилики Сант-Амброджо в Милане, возведенной в конце XI – XII вв. (рис. 9: 3–5) Представляется весьма вероятным, что попадание сюжета с императорской охотой на львов в состав изразцового убранства парадных интерьеров Александровской Слободы начала XVI в. связано с воспроизведением работавшими там ломбардскими мастерами рисунка одной из реликвий храма Сант-Амброджо.

Мы намеренно не включили в данную работу выводы, относящиеся к изразцам с геометрическими, в т. ч. растительными орнаментами¹⁸. Но один из сюжетов хотелось бы показать в качестве дополнительной параллели цитирования орнаментальных мотивов декора этого храма, связанных с реликвиями св. Амвросия в изразцовом декоре XVI в.

Облачение святителя, мощи которого были открыты (*Universität Bonn*) в соборе Сант-Амброджо с момента его постройки, зафиксировано на изображении св. Амвросия XIV в. кисти Паоло Венециано¹⁹ (рис. 10: 1, 2). При огромном количестве вариантов тканей с подобным орнаментальным мотивом, датируемых VIII–XIII вв., найденные в Александровской Слободе фрагменты изразцов (рис. 10: 4, 5) на сюжет,

¹⁸ По ним готовится отдельная работа.

¹⁹ Икона из полиптиха Козьмы и Дамиана (Музей Галерея Тосио Мартиненго, Брешия) (*Passamani*, 1988).

воспроизводившийся во 2-й половине XVI, в середине XVII и вплоть до XVIII в.²⁰, отдают предпочтение варианту мотива рельефа декора портала Сант-Амброджо (рис. 10: 3), воспроизводящего мотив цветка одеяния святого. Следует отметить, что орнаменты, которые мастера начала XVI в. брали за образец, как зрительные образы воспроизводились по памяти.

Более простой вариант текстиля из облачений святого Амвросия (рис. 9: 6) с мотивами охоты на львов и барсов в расположенных рядами круглых медальонах, истоки которых авторы исследования связывают с сюжетами охоты сасанидских правителей, соотнесен авторами исследования реликвий с шелком IV–V вв. из частной коллекции Кейра (*Universität Bonn; Old Silk*). Лев, очень близкий по трактовке к рисункам этого шелка, также в круглом медальоне, но в обрамлении бус, воспроизведен среди рельефов портала базилики Сант-Амброджо (рис. 9: 4).

В этом контексте обращает на себя внимание еще один сюжет, по характеру и трактовке тяготеющий к Александровскому bestiariu. Это изразец с изображением льва, найденный при раскопках Старого Английского двора на Варварке²¹ (рис. 9: 7). Положение фигуры и лап, трактовка шерсти и гривы и специфическая «птичья» прорисовка лап, когтящих круглые опоры, позволяет предполагать единый с рассмотренными ранее источник происхождения сюжета и вновь отсылает к текстилю со сценами императорской охоты, в т. ч. охоты под деревом, из реликвария Сант-Амброджо.

Высока вероятность, что именно таким вариантом рисунка текстиля были вдохновлены рельефы современного базилике Св. Амвросия медресе Якутие²² в Эрзуруме²³ (рис. 11), где шелка сасанидского происхождения в период жизни святого (339–397) и позднее имели широкое распространение в силу пограничного с государством сасанидов положения и статуса города как центра торговли и производства тканей. Воспроизведенные на фасадах медресе несколько вариантов сюжета²⁴ содержат

²⁰ Аналоги опубликованы уже Н. В. Султановым, позднее А. В. Филипповым: изразец найден на месте древних Приказов в Московском Кремле в ходе земляных работ по сооружению памятника Александру II (Султанов, 1894. С. 379. Рис. 37; 38; Филиппов, 1938. С. 60. Рис. 28), более поздний экземпляр зафиксирован во Владимире (Там же. С. 60. Рис. 29; Розенфельдт, 1968. Табл. 21, 3) (в двух последних случаях изображение при публикации перевернуто). Наиболее ранние известные на сегодняшний день фрагменты изразцов такого рисунка найдены в Москве в ходе раскопок МАЭ 1953 г. на участке 2 (Зарядьевский пер.) в ок. 70 м от здания Английского двора (№ 683, гл. 4,30 м) (МАЭ 1953. Табл. XIII. Рис. 10) и при раскопках Гостиного двора 1998 г. (Р. I, Уч. 4, Кв. 69, Гл. -4,25, № 357; Музей Москвы ОФ 35427/41 и Р. IV, кв. 5, гл. -4,89, Музей Москвы ОФ 35427/31), по стилистике и технике изготовления могут быть датированы 2-й половиной XVI в.

²¹ Музей Москвы. ОФ 24676/552, Инв. 35180, МГН-Р-74, б/н. Два фрагмента (один впоследствии утрачен) такого же (выполненного в той же форме) изразца найдено при работах МАЭ 1953 г. в Зарядье на участке 3 (№ 1–2, гл. -1,50 м) (МАЭ. 1953. Табл. XX. Рис. 1).

²² Медресе построено по повелению Хока Якута, наместника ильханидов, считавших себя преемниками сасанидских правителей, и названа в его честь. Строительство окончено в 1310 г. (*Ayşe Denkmalbant*).

²³ Древнеармянский Карин, Византийский Феодосиополь.

²⁴ Сюжет императорской охоты под деревом, запечатленный на одеждах св. Амвросия, содержит многофигурную композицию, включающую и львов, и барсов. Он воспроизводился и в менее многофигурных вариантах только со львами (рис. 12: 3) или только с барсами, львами и собаками (рис. 12: 1) и другими сочетаниями животных и птиц (рис. 12: 2), восходящими к общему прототипу. Более или менее реалистично изображалось и дерево – от узнаваемой пальмы до превращенного в орнамент растения, больше напоминающего цветок. Образец тканого шелка сицилийского производства XIII в. по персидским (сасанидским?) образцам из музея в Клуни воспроизводит такой вариант (рис. 12: 2), имеющий отдаленное сходство

Рис. 10. Растительный мотив облачения св. Амвросия Медиоланского. 1 – св. Амвросий Медиоланский. Икона из полиптиха Козьмы и Дамиана. XIV в. Худ. Паоло Венециано. Музей Галерея Тосио Мартиненго. Брешия, Италия (<https://www.wikidata.org/wiki/Q3907482>); 2 – св. Амвросий Медиоланский. Худ. Паоло Венециано. Фрагмент. Орнамент ткани облачения; 3 – фрагмент скульптурного декора портала базилики Сант-Амброджо в Милане. XII–XIII вв. Ломбардия. Рельеф с орнаментальным мотивом, повторяющим рисунок на ткани облачения св. Амвросия; 4 – рисунок изразца, найденного во время работ по установке памятника Александру II на месте древних Приказов в Московском Кремле. 2-я половина XVI в. (?). Опубликовано: *Филитов*, 1938. С. 60. Рис. 28; 5 – изразец с растительным мотивом, повторяющим рисунок на ткани облачения св. Амвросия. Александровская Слобода. 2-я половина XVI – 1-я половина XVII в. ГМЗ «Александровская Слобода», АМ НВФ-777

Рис. 11. Рельефы на фасадах медресе Якутие в Эрзуруме. 1310 г. (https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/thumb/9/90/Erzurum,_Yakutiye-left.jpg/1280px-Erzurum,_Yakutiye-left.jpg)

аналоги для мотивов всех²⁵ рассмотренных нами изразцов, что дает основание предполагать значительную близость их текстильных прототипов.

В числе фрагментов изразцов этого печного набора Английского на Варварке найден и фрагмент ранее рассмотренной нами композиции со львами под деревом (по стилистике, возможно, это более позднее повторение) (рис. 15: 2). Предположение о существовании здесь изначально печи²⁶ с аналогичным набором представляется не лишним основания и в связи с тем, что здание, как установлено исследователями, возведено в конце XV в. для постельничего Ивана III Ивана Дмитриевича Бобрищева, предположительно, мастерами во главе с Алевизом Фрязиным (*Казакевич*, 1977. С. 75). Добавим, что дошедшие до нас изначально части здания по ряду архитектурных и технологических параметров практически тождественны формам сохранившихся и археологически раскрытых каменных палат Александровской Слободы начала XVI в.

Рассмотренные изразцы из раскопок на ул. Забелина, 5 (рис. 3: 2; 4: 3, 4), датированы авторами раскопок и авторами статьи, частично привлекающей эти материалы, 1620–30-ми гг. (*Чернов, Бойцов*, 2020. С. 136–145) со ссылкой на монографию Р. Л. Розенфельда (*Розенфельд*, 1968. Табл. 20, 7, 11)²⁷, изразец из раскопа в Трёхсвятительском переулке (рис. 3: 1) датируется (среди других) 1-й половиной XVII в. В задачу данной работы не входит критика стратиграфических датировок и выводов указанных исследований. Но столь близкое сходство московских изображений с орлом с александровским заставляет сомневаться в том, что разница в их датировке составляет столетие, и позволяет поставить вопрос о более внимательном рассмотрении их датировки и времени попадания в антропогенные отложения. Сохранность александровской композиции со львами под деревом не позволяет делать однозначных выводов о полном тождестве с московскими аналогами. Здесь представляется существенным и специфическое решение внутреннего абриса рамок изразцов с барсами с ул. Забелина с подрезкой, образующей вытянутые острые углы ковчежца – вероятнее всего, являющиеся специфической чертой почерка мастера. Нельзя исключать ни вторичного использования изразцов или строительного мусора от прежней печи при формировании новой, ни близкого, но более позднего повторения мотива.

с рисунком дерева на рассматриваемой нами группе изразцов (*Dupont-Auberville*, 1877. С. 81). Одним из вариантов текстиля подобного рисунка является ткань итальянского производства 1350–1400 гг. (Музей Виктории и Альберта (Кенсингтонский музей). Великобритания. Регистрационный номер 8263-1863; воспроизведен: *Dupont-Auberville*, 1877. С. 95), также имеющая более ранние прототипы, где животные (львы и собаки) противопоставляются чередующимся пальмам и орнаментам – пальметтам (рис. 12: 1), что, очевидно, и послужило источником различных вариантов изображений пальмы и их трактовки при дальнейших воспроизведениях сюжета. В их число входят вариации с собаками и птицами (рис. 9: 4, 5). В позднейших модификациях сюжета собаки в ошейниках, сохраняя черты тканевого изобразительного мотива, приобретают черты других животных, превращаясь в фантастических существ (рис. 13). Однозначное отождествление этих сюжетов с древом жизни представляется не всегда оправданным и корректным.

²⁵ Двухглавый орел, вариации на тему пальмы или фантастического дерева со свисающими плодами в форме ягод и с сильно стилизованной нижней частью, превращенной в подобие вазы, львы под деревом.

²⁶ Степень достоверности и обоснованности существующей реконструкции изразцовой печи (И. Казакевич, Е. Жаворонкова) в здании Английского двора (*Казакевич*, 1977. С. 78. Илл. 48), как мы полагаем, минимальна. Ее рассмотрение не входит в задачи данной работы.

²⁷ В ссылке в тексте статьи допущена опечатка: табл. 30 в публикации Р. Л. Розенфельда (*Розенфельд*, 1968) отсутствует, ссылку нужно читать как: табл. 20.

Рис. 12. Варианты сюжета императорской охоты с группами животных. 1 – тканый шелк с изображением львов и собак. Италия. 1350–1400 гг. Музей Виктории и Альберта. V & A. Рег. № 8263–1863 (<https://collections.vam.ac.uk/item/O260787/woven-silk-woven-silk/>; <https://collections.vam.ac.uk/item/O142611/woven-silk/?carousel-image=2018KW7455>); 2 – тканый шелк сицилийского производства по персидским (сасанидским?) образцам с изображением барсов и собак. XIII в. Музей Клуни. Париж. Франция (Musée national du Moyen Âge – Thermes et hôtel de Cluny). Опубликовано: Dupont-Auberville, 1877. Р. 83; 3 – шелковая ткань с изображением львов и птиц. Зигбург. XII в. Опубликовано: Аверинцев, Банк, 1967. С. 143

Вместе с тем нельзя не отметить, что приведенные в табл. 20, по Розенфельду, изображения изразцов, послужившие одним из оснований для датировки интересующих нас экземпляров, напоминают их только очень отдаленно. Имеются значительные и крайне существенные различия в составе, трактовке и стилистике орнаментальных мотивов изображений. Доступные нам на сегодняшний день найденные на территории Москвы и не только изразцы с рельефами на те же сюжеты позволяют проследить постепенное изменение обеих сюжетных линий в течение XVI–XVII вв. (рис. 14; 15; 16). Даже при крайне неполной подборке этот ряд демонстрирует произошедшие изменения довольно наглядно, хотя имеющиеся в нашем распоряжении данные не всегда позволяют уточнить диапазон датировки определенных модификаций. Для не самых ранних из них из раскопок Старого гостиного двора А. Г. Векслер не исключал датировки XVI в. (Векслер, 2015. С. 206–207), принимая положение о начале производства изразцов с коробчатой румпой в Москве на рубеже XV–XVI вв. (Филиппов, 1938).

Рис. 13. Изразцы с изображением собак, барсов и птиц, вариации сюжета императорской охоты под деревом. 1 – фрагмент изразца с изображением собаки (?). (1640–1680-е гг. (?)). Александровская Слобода. ДАЭ ГЭ. 2009 г. Раскоп 1. Прирезка 8. Заполнение ямы № 169, после 1800 г. (Постройка 9); 2 – фрагмент изразца с изображением собаки (?). XVII в. Москва. Музейное объединение «Музей Москвы». ОФ-35570/110; 3 – фрагмент изразца с изображением собаки. XVII в. Москва. Зарядье. МАЭ ИИМК АН СССР. 1954 г. Музейное объединение «Музей Москвы». ОФ-27081/125; 4 – фрагмент изразца (городец) с изображением собак под деревом. XVII в. Москва. Гостинный Двор. Музейное объединение «Музейное объединение “Музей Москвы”». ОФ-35427/79; 5 – изразец с изображением собак (?) и птиц у дерева. XVII в., Москва. Серебряническая набережная. Публикуется по: Глазунова, 2022. С. 456. Рис. 4: 3. Сюжет атрибутирован автором публикации как «барсы и птицы у древа жизни»

К этой группе²⁸ могут быть отнесены изразцы близкого печного набора, включающие экземпляры с двуглавым орлом в витом медальоне из лент и бус и экземпляры со львами под деревом, найденные на территории Новодевичьего монастыря

²⁸ Рисунки изразцов этой группы характеризуются вялыми истонченными мотивами, схематизацией части растительных мотивов, местами утративших первоначальный смысл, и обилием выступающих за пределы абриса контуров животных и птиц рельефных «штрихов», имитирующих шерсть или перья и расположенных даже в местах, где они анатомически неуместны (на лапах орла). Все эти характеристики свидетельствуют о вторичности этих композиций при сохранении в целом первоначальной иконографической схемы.

Рис. 14. Изразцы с изображениями двуглавого орла. 1 – фрагмент изразца с изображением двуглавого орла в витом обрамлении из лент и бус. 1-я половина XVI в. Красножгущаяся глина, формовка в глиняной форме, обжиг. Москва. Зарядье. МАЭ ИИМК АН СССР. 1953 г. Уч. 6. Музейное объединение «Музей Москвы». ОФ-27081/26; 2 – фрагмент изразца с изображением двуглавого орла в витом обрамлении из лент и бус. 1-я половина XVI в. Красножгущаяся глина, формовка в глиняной форме, обжиг. Москва. Зарядье. МАЭ ИИМК АН СССР. 1953 г. Уч. 3. Музейное объединение «Музей Москвы». ОФ-27081/29; 3 – изразец с изображением двуглавого орла в витом обрамлении из лент и бус, найден при раскопках Старого Английского двора на Варварке. Середина – 2-я половина XVI в. (?). Музейное объединение «Музей Москвы». ОФ-28771/3. Инв. 49069 МГН-р-74 № 7; 4 – фрагмент изразца с изображением двуглавого орла в витом обрамлении из лент и бус. 1-я половина XVI в. Красножгущаяся глина, формовка в глиняной форме, обжиг. Москва. Трёхсвятительский пер. д. 1–3. ЦАИ. 2004 г. № 128. Музейное объединение «Музей Москвы»; 5 – изразец с изображением двуглавого орла в витом обрамлении из лент и бус. XVI в. Красножгущаяся глина, формовка в глиняной форме. Найден на месте древних Приказов в Московском Кремле в ходе земляных работ по закладке памятника Александру II. ГМЗ «Останкино и Кусково» (Коллекция музея керамики/Кусково). Инв. № ФС 3131; 6 – изразец с изображением двуглавого орла, найденный при раскопках Старого Английского двора на Варварке. Середина – 2-я половина XVI в. (?). Музейное объединение «Музей Москвы». ОФ 24676/551 Инв. 35179 МГН-р-74 № 4; 7 – фрагмент изразца с изображением двуглавого орла в обрамлении из стилизованных перетянутых кольцами чашечек цветов (тюльпанов). XVII в. (?) Красножгущаяся глина, формовка в глиняной форме, обжиг. Москва. Зарядье. 1961 г. Шурф 1. № 96. Яма № 1. Музейное объединение «Музей Москвы». ОФ-27081/183; 8 – фрагмент изразца с изображением двуглавого орла. 2-я половина XVI – XVII в. Красножгущаяся глина, формовка, обжиг. Москва. Зарядье. МАЭ ИИМК АН СССР. 1953 г. Уч. 6. Кв. 5А, В. № 654. -4.60 – -5.00. Музейное объединение «Музей Москвы». ОФ-27081/24; 9 – фрагмент изразца с изображением двуглавого орла. 2-я половина XVI – XVII в. Красножгущаяся глина, формовка, обжиг. Музейное объединение «Музей Москвы». ОФ-29068/124

**О происхождении, датировке и бытовании некоторых сюжетов
в изразцовом декоре Московского царства в контексте находок начала XVI века
на территории Александровской Слободы. К постановке вопроса**

в 2017–2018 гг.²⁹, изразец, найденный возле Архангельского собора Московского Кремля³⁰, а также изразец с изображением львов, найденный в ходе исследований 2020 г. в Александрове под руководством И. Е. Зайцевой³¹ (*Глазунова, Зайцева, 2022. С. 379, 381*)³².

Следует подчеркнуть, что рассмотренные изображения на изразцах Александровской Слободы и их московских аналогов являются наиболее полной иконографической версией данных сюжетов. Их дальнейшее развитие, как показывает анализ доступных нам изображений (рис. 14; 15; 16), шло в направлении увеличения орнаментального характера композиции и ее упрощения, в т. ч. до примитивизации. При этом в последующих версиях сюжета отдельные мотивы теряют первоначальный смысл или утрачиваются, но мотивов, не имевшихся в, как мы полагаем, исходных александровских и сходных с ними московских изображениях, в позднейших вариациях нам проследить не удалось.

Вероятно, не следует исключать и продолжающееся влияние рисунков драгоценных тканей, поступавших как из Восточного Средиземноморья, так и из мастерских Италии и Испании, на изменения в трактовке сюжета изразцов. С таким влиянием может быть связана замена исходных плодов или бутонов на листья³³. Исходный сюжет на ткани в полной версии содержит изображения и львов, и барсов, что, по всей вероятности, могло влиять на замену изначальных львов на барсов или объединение их в одном животном в поздних репликах сюжета (*Маслих, 1983. Илл. 65*). На материале Александровской Слободы такие поздние модификации с барсами найдены в заполнении деревянных погребов постсмутного периода, прекративших существование не позднее начала XVIII в. и врезанных в уже разобранный к моменту их сооружения фундаментный ров палаты грозненского времени. Датировка этих изразцов локализуется между 1640-ми и 1680-ми гг. (рис. 16)³⁴.

Последние версии композиций с орлом, относящиеся к XVII в., (рис. 14: 6–9), свидетельствуют о модификации мотива в соответствии с устоявшейся композиционной

²⁹ Раскоп 14, уч. 2, яма 7, -1.60-2.00, изр. № 8, изр. № 1 («Музей Москвы». ОФ-35468/13, 35468/8), Раскоп 14, яма 5, гл. -1.60-1.80 («Музей Москвы». ОФ-35468/11). Автор выражает благодарность Анатолию Александровичу Поллоляку за возможность ознакомиться с материалами из собрания Музея Москвы и большую помощь в данной работе, а также Максиму Николаевичу Фурсову за помощь в работе с этими материалами.

³⁰ ММК № А-2423. Из траншеи у южного фасада собора в поздней засыпке гл. 2,5 м, поступил в 2001 г.

³¹ Выражаю благодарность Ирине Евгеньевне Зайцевой за возможность ознакомиться с неопубликованными материалами этих работ.

³² Автор исследований связывает изразцы с комплексом срубных построек, датируемых концом XVI – началом XVII в. В задачу данной работы не входит полемика с авторами указанной публикации. Отметим только, что г. Александров находится во Владимирской обл., а не в Московской, как указано в названии статьи. Вряд ли может быть признана корректной реконструкция изразца на рис. 4, поскольку она объединила в одном рисунке композицию с изображением львов и аналогичную более позднюю композицию, где фигурируют барсы; часть мотивов дополнена никогда не существовавшими в данной иконографии деталями.

³³ Вариантом рисунка ткани на тот же сюжет охоты на львов под деревом с листьями близкого рисунка является византийский шелк XII в. (*Falke. 1913. S. 18. Abb. 257*).

³⁴ Реконструкция выполнена автором с привлечением рисунка изразца из собрания Музеев Московского Кремля (ММК № Арх-1822), являющегося полной аналогией экземпляру, найденному в Александровской Слободы. Автор выражает благодарность Александру Михайловичу Колызину за возможность ознакомиться с этим материалом и помощь в работе.

Рис. 15. Изразцы с изображениями на сюжет императорской охоты (львы и барсы под деревом). 1 – фрагмент изразца с изображением львов под деревом. 1-я половина (?) XVI в. Красножгущаяся глина, формовка в глиняной форме, обжиг. Москва. Зарядье. МАЭ ИА АН СССР. 1962 г. № 44. Шурф 1. Гл. 3.40–3.60. Музейное объединение «Музей Москвы». ОФ-28958/206; 2 – фрагмент изразца с изображением дерева (сюжет львы под деревом). XVI в. Красножгущаяся глина, формовка в глиняной форме, обжиг. Москва, найден при раскопках Старого Английского двора на Варварке. Музейное объединение «Музей Москвы». ОФ-24676/271; 3 – фрагмент изразца с изображением львов под деревом. XVI в. Красножгущаяся глина, формовка в глиняной форме, обжиг. Москва. Гостинный Двор. Музейное объединение «Музей Москвы». ОФ-35427/59; 4 – фрагмент изразца с изображением львов под деревом. XVI в. Красножгущаяся глина, формовка в глиняной форме, обжиг. Москва, Музейное объединение «Музей Москвы». ОФ-27999/165; 5 – фрагмент изразца с изображением львов под деревом. XVI в. Красножгущаяся глина, формовка в глиняной форме, обжиг. Москва. Зарядье. МАЭ ИИМК АН СССР. 1955 г. № 916. Раскоп 5. Кв. 5В–3Б -260 – -2.80. Музейное объединение «Музей Москвы». ОФ-27081/140; 6 – два фрагмента изразца с изображением львов под деревом. XVI – начало XVII в. Красножгущаяся глина, формовка в глиняной форме, обжиг. Москва. Б. Трехсвятительский пер. Музейное объединение «Музей Москвы». Ящик 574; 7 – фрагмент изразца с изображением львов под деревом. XVI – начало XVII в. Красножгущаяся глина, формовка в глиняной форме, обжиг. Москва. Б. Трехсвятительский пер. Музейное объединение «Музей Москвы»; 8 – фрагмент изразца с изображением львов под деревом. XVII в. Красножгущаяся глина, формовка, обжиг. Москва. Музейное объединение «Музей Москвы». ОФ-28771/1; 9 – фрагмент изразца с изображением львов под деревом. Середина – 3-я четверть XVII в. Красножгущаяся глина, формовка. Москва. Зарядье. МАЭ ИИМК АН СССР. 1955 г. № 889. Раскоп 5. Кв. 44–45. -2.00 – -2.20. Музейное объединение «Музей Москвы». ОФ-27081/159; 10 – фрагмент изразца с изображением барсов под деревом. XVII в. Красножгущаяся глина, формовка, обжиг. Москва. Зарядье. МАЭ ИИМК АН СССР. 1954. Уч. 5. Из колодца № 2. Музейное объединение «Музей Москвы». ОФ-27081/110; 11 – фрагмент изразца с изображением барсов под деревом. XVII в. Красножгущаяся глина, формовка, обжиг. Москва. Зарядье. МАЭ ИИМК АН СССР. 1954. № 365. Уч. 9. Кв. 3А.

Рис. 15 (окончание). Музейное объединение «Музей Москвы». ОФ-27081/102; 12 – фрагмент изразца с изображением барсов под деревом. XVII в. Красножгущаяся глина, формовка, обжиг. Москва. Гостиный Двор. Музейное объединение «Музей Москвы». ОФ-35427/44; 13 – фрагмент изразца с изображением барсов под деревом. XVII в. Красножгущаяся глина, формовка в глиняной форме, обжиг. Москва. Зарядье. МАЭ ИИМК АН СССР. 1957 г. Раскоп 10. Балласт. Музейное объединение «Музей Москвы». ОФ-27081/179; 14 – фрагмент изразца с изображением львов под деревом. XVII в. Красножгущаяся глина, формовка в глиняной форме, обжиг. Москва. Музейное объединение «Музей Москвы». ОФ-24676/554

Рис. 16. Печной изразец с изображением львов под деревом, 1640–1680-е гг., найден на территории Александровской Слободы в 2005 г. ДАЭ ГЭ. Раскоп 1. Пакет 847. 1 – фрагмент; 2 – реконструкция автора

схемой изразцов другой традиции, ставших следствием развития форм горшковых изразцов. К ним относятся модификации с орлами в витых медальонах с тремя пеллетами в угловых полях (рис. 14: б), орлами в круглом картуше из перетянутых кольцами чашечек цветов (рис. 14: 7)³⁵.

Изложенное позволяет ставить вопрос об уточнении датировки и атрибуции рассмотренных нами изразцов из Трёхсвятительского переуллка и ул. Забелина и отнесении их к работе одной мастерской, отдельные, возможно, – одного мастера.

³⁵ Изразцы с мотивом двуглавого орла этого типа известны по материалам раскопок в Зарядье. Один из них воспроизводился в подготовительных материалах к изданию С. А. Маслиха (ГНИМА. Инв. Р V-6217), а также по находке на территории Заречной слободы г. Александрова (*Глазунова, Зайцева, 2022. Рис. 1: 3*). Композиция модифицирована из известной по центральноевропейским изразцам – производным от рамок двухчастных изразцов с центром «мискового» типа (*Heege, Dittmar, 2012. S. 186. N. 2.10. Abb. 305*). Интерпретация О. Н. Глазуновой ее картуша как «снопов» (*Глазунова, Зайцева, 2022. С. 379–380*), безусловно, оригинальна, но вряд ли продуктивна и не имеет отношения к реальным европейским прототипам мотива.

Это представляется обоснованным, поскольку оба раскопа находятся в непосредственной близости (в пределах 100–150 м) от нового двора, ставшего местом пребывания Ивана III после пожара 1493 г. (ПСРЛ, 1959. Т. 8. VII. С. 227; *Бойцов и др.*, 2020), и от церкви Владимира в Старых Садах, построенной по повелению великого князя Василия в 1514–1515 гг. мастером Алевизом Фрязиным (Там же. С. 254–255).

Большинство исследователей (*Выголов*, 1997; *Подъяпольский*, 1991; 1993; *Баталов*, 2016. С. 232–233) сходятся во мнении, что Алевизом, упомянутым в летописном сообщении о возведении храма в Старых Садах (и еще 13 храмов в Москве по желанию великого князя), является Алевиз Старый (Алоизо де Карезано). Тем не менее, вопрос не получил однозначного решения. Возможно, участие одного изразцового мастера в работах в Александровской Слободе 1508–1513 гг. и работах по возведению церкви Св. Владимира год спустя сможет стать дополнительным аргументом для отождествления Алевиза Фрязина и работавшего в Большом кремлевском дворце и в Александровской Слободе Алоизо де Карезано.

Учитывая идентичность части изразцов печного набора Александровской Слободы начала XVI в. с изразцами, найденными в ходе исследований Большого кремлевского дворца, можно предполагать существование подобного печного набора и в кремлевских печах этого времени. Вероятно, одному из ранних вариантов мотива со львами под деревом принадлежит фрагмент из собрания ММК, сохранивший только изображение одного (левого) льва³⁶. Косвенно об этом могут свидетельствовать находки в Московском Кремле более поздних вариантов композиции с двуглавым орлом, производных от рассмотренных нами, в том числе найденного в 1893 г. при закладке памятника Александру II экземпляра довольно поздней модификации (рис. 14: 5) (*Султанов*, 1894. С. 10. Рис. 33)³⁷, схематично, но узнаваемо повторяющего рисунок изразцов, найденных в Александрове, в Трехсвятительском переулке и на ул. Забелина.

Найденные в Александровской Слободе изразцы дают основание предполагать наличие в начале XVI в. хорошо продуманной программы изразцового, в т. ч. печного, декора палат великокняжеской резиденции, направленной на демонстрацию мощи и величия великого князя, основанной на символике бестиария, уже несколько веков прославлявшего властителей Средиземноморья. Близкие по составу печные наборы в этот период, очевидно, были воспроизведены в Москве в постройках, возведенных под руководством Алоизо де Карезано. Источником конкретных мотивов этого бестиария стали хорошо знакомые ломбардским мастерам изображения, в т. ч. выполненные с использованием рисунков тканей ближневосточного происхождения,

³⁶ ММК. № А 2143. Фрагмент найден в ходе работ 1995 г. в котловане центрального двора Московского Сената (Московский Кремль), северная стена, гл. 1,5 м. Датировка согласно учетной документации – нач. XVII в. Нельзя исключать возможности датировки фрагмента первой половиной XVI в., но отсутствие большей части композиции не позволяет делать однозначные выводы. Мы глубоко признательны Анне Борисовне Куклиной за возможность ознакомления с данным материалом, а также за искреннюю и дружескую помощь в работе.

³⁷ Значительная степень упрощения и условности, возможно, свидетельствует о воспроизведении не с раннего прототипа, а с его позднейшего повторения, что влечет утрату понимания смысла мотива обрамления даже для Н. В. Султанова: «настолько неясен, что определить его значение крайне трудно» (*Султанов*, 1894. С. 10). В настоящее время изразец находится в собрании ГМЗ «Останкино и Куусово» (Коллекция музея керамики/Куусово). Инв. № ФС 3131.

значительную часть которых составили реликвии базилики Сант-Амброджо в Милане. Став, в свою очередь, образцами, эти печные наборы воспроизводились на протяжении XVI в., претерпевая изменения в направлении большей условности изображения, связанные в т. ч. с огрублением технологии производства. Находки позволяют уверенно говорить о существовании изразцового производства, в т. ч. печных изразцов, в Московском царстве в начале XVI в. и продолжении его на всем протяжении этого столетия, что необходимо учитывать при исследованиях и датировке подобных предметов.

Литература

- Аверинцев С. С., Банк А. В. и др.* История Византии. М., 1967. Т. 2. С. 143.
- Баталов А. Л.*, 2016. Некоторые направления в теории и практике итальянского Ренессанса и их отражение в деятельности итальянских архитекторов в России в XVI веке // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. ст. Вып. 6. СПб. С. 229–241, 880.
- Бойцов И. А., Ким О. Г., Моор В. В., Чернов С. З., Энтин А. Л.*, 2020. Археологические, геолого-геоморфологические и архивные источники виртуальной реконструкции исторического ландшафта восточной части Белого города Москвы (XIV–XVI вв.): Подкопаево и реконструкция долины речки Рачки [Электронный ресурс] // Историческая информатика. 2020. № 4. С. 80–163. DOI 10.7256/2585-7797.4.34701. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=34701 (дата обращения: 24.07.2023).
- Векслер А. Г.*, 2015. Москва. Раскопки на Великом посаде. Улица Ильинка, Биржевая площадь, Старый гостиный двор: материалы исследований. М.: ТМ Продакшн.
- Выголов В. П.*, 1997. К вопросу о постройках и личности Алевиза Фрязина // Древнерусское искусство. Исследования и атрибуции. Т. 18. СПб. С. 234–245.
- Глазунова О. Н.*, 2022. «Заменяли телевизор и кино, и книгу» – некоторые сюжетные линии московских печных изразцов XVII века // Наследие и современность. 5 (4). С. 448–460.
- Глазунова О. Н., Зайцева И. Е.*, 2022. Печные изразцы из раскопок Заречной слободы в городе Александрове (Московская область) в 2020 году // Археология Подмосковья. Вып. 18. С. 379–386.
- Гончаров Е. Ю.*, 2015. Двуглавый орел на монетах Золотой Орды и Малой Азии. Вторая половина XIII – XIV в. // Нумизматика Золотой Орды. № 5. Казань.
- Казакевич И. И.*, 1977. Московское Зарядье. М.
- Маслих С. А.*, 1983. Русское изразцовое искусство XV–XIX веков. М.
- Мирясова А. А.*, 2009. Красноглиняные изразцы Романова двора // Археология Романова двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX веках / Авт.-сост. Н. А. Кренке. М.: ИА РАН. С. 120–129. (Материалы охранных археологических исследований; т. 12).
- Подъяпольский С. С.*, 1991. Итальянские строительные мастера в России в конце XV – начале XVI века по данным письменных источников (опыт составления словаря) // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М.: Науч.-исслед. ин-т теории и истории архитектуры и градостроительства. С. 218–233.
- Подъяпольский С. С.*, 1993. О деятельности Алевиза Нового в России // Древнерусское искусство. Проблемы атрибуции. М.: Рос. ин-т искусствознания. С. 170–193.
- Полное собрание русских летописей. 1859. Т. 8.
- Розенфельд Р. Л.*, 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.: Наука, 124 с., 24 табл. (САИ; вып. Е1-39).

- Соболев Н. Н.*, 1934. Очерки по истории украшения ткани. М.; Л.
- Соловьев А. В.*, 2009. Геральдические эмблемы Византии и славяне / Пер. с фр. яз. и коммент. А. П. Черных // *Signum*. Вып. 4. М.: Ин-т всеобщей истории РАН. С. 109–211.
- Султанов Н. В.*, 1894. Древнерусские красные изразцы // *Археологические известия и заметки*, издаваемые Императорским Московским Археологическим Обществом. № 12. С. 369–387.
- Турова Е. А.*, 2015. Изразцы из раскопок археологической экспедиции Государственного Эрмитажа 2005–2011 гг. на территории «царицына двора» Александровской Слободы // *АВСЗ*. Вып. 5. М.; СПб., 2015. С. 266–278.
- Турова Е. А.*, 2018а. Александровская Слобода. Каменные палаты начала XVI века на Царицыном дворе (по результатам раскопок Древнерусской археологической экспедиции Государственного Эрмитажа в 2008–2015 гг.) // *АВСЗ*. Вып. 8 / Отв. ред. Н. А. Макаров, сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН. С. 124–140.
- Турова Е. А.*, 2018б. Перестройки дворца в Александровской Слободе при Иване Грозном по данным археологических исследований Государственного Эрмитажа 2005–2015 гг. // *Эпоха Ивана Грозного и её отражение в историографии, письменности, искусстве, архитектуре*: сб. материалов Всерос. с междунар. участием науч.-практ. конф. (16–17 октября 2017 г., г. Александров). Т. 2 / Ред. Б. Н. Морозов и др. Владимир, 2018. С. 195–209.
- Турова Е. А.*, 2020. Продолжение археологического исследования Большой палаты дворцового комплекса Александровской Слободы в 2019 г. // *АВСЗ*. Вып. 10 / Отв. ред. Н. А. Макаров; сост. С. В. Шполянский. М.: ИА РАН, 2020. С. 102–116.
- Филиппов А. В.*, 1938. Древнерусские изразцы. Вып. I. XV–XVII века. М.
- Хромов К. К.*, 2016. Изображение двуглавого пернатого существа на монетах Улуса Джучи (мифология, символика или орнитология?): текст доклада, прочитанного 22 ноября 2016 года на ежегодных Нумизматических чтениях ГИМ (Москва) [Электронный ресурс]. URL: [https://www.academia.edu/30232262/Изображение_двуглавого_пернатого_существа_на_монетах_Улуса_Джучи_мифология_символика_или_орнитология_\(дата_обращения:_24.07.2023\)](https://www.academia.edu/30232262/Изображение_двуглавого_пернатого_существа_на_монетах_Улуса_Джучи_мифология_символика_или_орнитология_(дата_обращения:_24.07.2023)).
- Чернов С. З., Бойцов И. А.*, 2020. Археологические источники визуальной реконструкции исторического ландшафта восточной части Белого города Москвы (XIV–XVI вв.). Ивановская горка // *Историческая информатика*. № 2. С. 135–178. DOI 10.7256/25857797.2020.2.33273. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=33273 (дата обращения: 24.07.2023).
- Ярош В. Н., Лобзова Р. В., Турова Е. А.*, 2015. Технологические исследования изразцов из раскопок Государственного Эрмитажа в Александровской Слободе // *Экспертиза и атрибуция произведений изобразительного и декоративно-прикладного искусства*: XVII науч. конф. (23–25 ноября 2011 г.). М.: МАГНУМ АРС. С. 185–189.
- Ambrosio – Ambrosio Vida antecedentesyTeología [Электронный ресурс]. URL: https://hmong.es/wiki/Ambrose_of_Milan (дата обращения: 24.07.2023).
- Androudis Pascal*, 2013. Les premieres apparitions attestees de l’aigle bicephale dans l’art roman d’occident (XI–XII siecles). Origines et symbolique // *Ниш и Византија*. XI. Ниш, 3–5. Јун 2012 (у оквиру прославе) Дани Св. Цара Константина и царице Јелене. Ниш. С. 209–225.
- Androudis Pascal*, 2016. Double-headed eagles on early (11th–12th c.). Medieval textiles: aspects of their iconography and symbolism // *Ниш и Византија*. XIV. Ниш. С. 318–320.
- Denkmalbant, Ayşe*. Yâkutiye Medresesi ve Kümbeti [Электронный ресурс] // *Türkiye Diyanet Vakfı. İslâm Ansiklopedisi*. URL: <https://islamansiklopedisi.org.tr/yakutiye-medresesi-ve-kumbeti> (дата обращения: 24.07.2023).

**О происхождении, датировке и бытовании некоторых сюжетов
в изразцовом декоре Московского царства в контексте находок начала XVI века
на территории Александровской Слободы. К постановке вопроса**

- Dupont-Auberville M.*, 1877. *L'ornement des tissus*. Recueil historique et pratique. Paris.
- Falke Otto von*, 1913. *Kunstgeschichte der Seidenweberei*. Berlin.
- Old Silk – Old Silk, Old Roads, Old Habits – Volumes & Issues [Электронный ресурс]. URL: <https://blog.fitnyc.edu/volumesandissues/2014/09/23/old-silk-old-roads-old-habits/> (дата обращения: 24.07.2023).
- Passamani Bruno, 1988. *Guida della Pinacoteca Tosio-Martinengo di Brescia*. Brescia: Grafo.
- Roth Heege E., Dittmar M.*, 2012. *Ofenkeramik und Kachelofen: Typologie, Terminologie und Rekonstruktion im deutschsprachigen Raum (CH, D, A, FL): mit einem Glossar in siebzehn Sprachen*. Schweizerischer Burgenverein. Basel.
- Sant'Ambrogio Basilica // Encyclopædia Britannica [Электронный ресурс] <https://www.britannica.com/topic/SantAmbrogio-Basilica> (дата обращения: 24.07.2023).
- Tessili liturgici – Mostre Online. I doni tessili di Papa Bonifacio VIII alla Cattedrale di Anagni [Электронный ресурс] // Bibliotheca Hertziana. URL: <https://galerie.biblherz.it/it/anagni/> (дата обращения: 24.07.2023).
- Textile Gifts in the Middle Ages – Objects, Actors, and Representations. International Conference. Rome, November, 3rd–5th, 2016. Bibliotheca Hertziana, Max-Planck-Institut für Kunstgeschichte [Электронный ресурс] / C. Elster, S. Luther, S. Seeberg, T. Michalsky. URL: <https://www.academia.edu/28801205> (дата обращения: 24.07.2023).
- Universität Bonn – From silk tunics to relics: Development of early relic veneration | ScienceDaily. 2 September 2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sciencedaily.com/releases/2014/09/140902093212.htm> (дата обращения: 24.07.2023).

Источники

- Московская археологическая экспедиция Института истории материальной культуры АН СССР. Раскопки и наблюдения в Зарядье г. Москвы. 1953 г. // Государственное бюджетное учреждение культуры города Москвы «Музейное объединение “Музей Москвы”».
- Фролов М. В.*, 2010. Отчет по теме «Научные архитектурно-археологические исследования в зоне охраны памятников истории и культуры архитектурного ансамбля “Александровская Слобода” в г. Александрове. Владимирской области в 2010 г. Продолжение раскопа на участке у южного крыльца Покровской церкви, площадью 40 м², глубина до 3 м». Государственный контракт № 271 от 29 июня 2010 г. // Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Александровская слобода». НА-365.

Сведения об авторе

- Турова Екатерина Алексеевна*, ООО «Экспертный центр по вопросам охраны памятников истории и культуры». С.-Петербург.
e-mail: e.turowa@yandex.ru

Turova E. A.

**ON THE ORIGIN, DATING AND EXISTENCE OF SOME PLOTS
IN THE TILED DECOR OF THE MOSCOW KINGDOM
IN THE CONTEXT OF THE FINDS OF THE BEGINNING OF THE XVI CENTURY
ON THE TERRITORY OF THE ALEXSANDROVSKAYA SLOBODA.
ON THE POSING THE QUESTION**

Summary. The article presents the results of the analysis of a group of early 16th century stove tiles. It is a part of an allegorical programme of tile decoration of the stone chambers of the Grand Ducal residence, based on the symbolism of the bestiary, which for several centuries glorified the rulers of the Mediterranean. The tile with images of the double-headed eagle, the griffin and lions made by Italian masters under the direction of Aloiso de Caresano during the construction of the palace complex, is examined. Suggestions are made as to the sources of the motifs, possible analogies in the architectural constructions of Moscow in the first decades of the 16th century and their further development in the tile decoration of the Moscow Tsardom.

Keywords: Alexandrovskaya Sloboda, tiled decor, 16th century, ceremonial residence, two-headed eagle, Grand Duke, Aleviz Fryazin, St. Ambrose of Milano.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВСЗ	– Археология Владимиро-Суздальской земли
АКР	– Археологическая карта России
ВГВ	– Владимирские губернские ведомости
ВСМЗ	Владими́ро-Сузда́льский музе́й-заповедник
ГАВО	– Государственный архив Владимирской области
ГИМ	– Государственный исторический музей
ИА РАН	– Институт археологии Российской академии наук
ИАК	– Императорская археологическая комиссия
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры Российской академии наук
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МГУ	– Московский государственный университет
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР
НА ТГОМ	– Научный архив Тверского государственного объединенного музея
РА	– Российская археология
СА	– Советская археология
САИ	– Археология СССР. Свод археологических источников
СПбГУ	– Санкт-Петербургский государственный университет
ТАС	– Тверской археологический сборник

ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ В СБОРНИК МАТЕРИАЛОВ НАУЧНОГО СЕМИНАРА «АРХЕОЛОГИЯ ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКОЙ ЗЕМЛИ»

Предоставляемые для публикации в сборнике материалы должны удовлетворять следующим требованиям:

1. Статья подается в электронном виде в формате Word или RTF. Форматирование текста должно быть автоматическим (не использовать клавишу пробела для установки абзацного отступа). В заголовке инициалы ставятся перед фамилиями авторов. Название печатается обычным шрифтом (прописными не набирать).

2. Объем публикации, как правило, не должен превышать 20 тыс. печатных знаков.

3. Допускается наличие 6 иллюстраций, которые представляются в отдельных файлах формата TIF (не вставлять в текст). Они должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Необходимо избегать чрезмерного уменьшения отдельных изображений, учитывая, что в печатном виде размер иллюстраций составляет 12,5 × 19 см. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. В графический файл подрисуночные подписи и расшифровки условных обозначений не вставляются. Черно-белые иллюстрации должны быть сканированы в режиме «градации серого», в масштабе 1:1, при этом фотографии – с разрешением не ниже 300 dpi, а рисунки и чертежи – не ниже 600 dpi. Возможна публикация цветных иллюстраций (разрешение такое же), если цвет несет обязательную смысловую нагрузку.

4. Таблицы представляются в отдельных файлах (не вставлять в текст). Они должны иметь заголовки и номер в соответствии с порядком ссылок на них в тексте.

5. Ссылки на литературу и источники выполняются аналогично правилам, установленным для журнала «Краткие сообщения Института археологии» (в тексте в круглых скобках, фамилия автора (без инициалов, кроме работ однофамильцев) или сокращенное название (если издание не имеет автора), год издания через запятую; ссылка на страницу, рисунок и т. п. через точку с прописной буквы). Список литературы и источников дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей. Первая часть – издания на кириллице, вторая – на латинице. За фамилией и инициалами указывается год издания и далее сведения в соответствии с библиографическим описанием. При ссылке на книгу следует указывать количество страниц; при ссылке на статью или раздел в монографии – диапазон страниц данной публикации в издании. Необходимо указывать ответственного редактора сборника, а после места издания – издательство.

6. Текстовые примечания делаются автоматически, внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная.

7. К статье прилагаются: сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, место работы, контактный телефон, e-mail), список иллюстраций (если они есть) с подрисуночными подписями и список таблиц, резюме (около 1000 знаков), ключевые слова (не более 10) на английском и русском языках, а также название статьи и транскрипция фамилии и имени автора/авторов на английском языке.

Научное издание

Археология Владимиро-Суздальской земли
Материалы научного семинара
Выпуск 13

Редакторы: *Н. В. Бельченко, Е. А. Морозова*

Оформление обложки: *В. А. Кулишов*

Верстка: *С. В. Кожушков*

Корректор: *Г. Н. Барышева*

Подписано к печати 25.12.2023. Формат 70×100/16
Уч.-изд. л. 10,65. Тираж 200 экз.

Институт археологии Российской академии наук
117292, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

ISBN 978-5-94375-412-8

9 785943 754128

